

ЮРИЙ СТАДНИКОВ

# ЗАПИСКИ БРИГАДИРА

*50-летию начала стройки века —  
ВОЛЖСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ЗАВОДА —  
посвящается*



Тольятти 2016

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол) 6 - 6

ISBN - 978-5-98147-058-5

**Юрий Стадников.** «ЗАПИСКИ БРИГАДИРА». –  
ОТО г.о. Тольятти "Тольяттинская писательская организация",  
2016. – 240 с.

Вам, славным строителям коллектива ордена Ленина и ордена  
Трудового Красного Знамени **КУЙБЫШЕВГИДРОСТРОЯ**,  
с благодарной памятью, посвящаю. Автор.

Автор выражает благодарность за помощь  
в подготовке данного сборника:

**Самарскому обкому КПРФ,**  
**Профкому ОАО "АвтоВАЗ",**  
**УК "Рынок-Ставр",**  
**М.К. Аблямитову,**  
**Р.Г. Халикову,**  
**Р.Ф. Нидвига,**  
**С.А. Стадникову,**  
**М.В. Шляпиной,**  
**Т.В. Сатаровой,**  
**Т.П. Козловой,**  
**В.И. Кудрявцевой,**  
**Н.А. Чернышевой,**  
**М.Н. Васильеву.**

В книге использованы фотоматериалы из личных архивов  
автора, Т.Д. Сипер, Н.А. Шарыба, В.Т. Олексенко.

ISBN - 978-5-98147-058-5

© Ю. Стадников, 2016  
© ОТО г.о. Тольятти "ТПО", 2016

## МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Мой юный друг, ты открываешь книгу, посвященную моему поколению, твоим дедам и прадедам. Прошло полвека, пятьдесят лет, — только задумайтесь об этой цифре! Полвека со дня свершения Великой Октябрьской социалистической революции, а это был 1967 год. Ровно пятьдесят лет назад, осенью 1966 года, здесь, у излучины матушки Волги, у седых Жигулей началось грандиозное строительство Волжского автогиганта. А сегодня, спустя пятьдесят лет, уже потомки вазовских династий осваивают новый ряд современных отечественных автомобилей, все с той же неизменной эмблемой на капоте — лады. Эти автомобили успешно конкурируют на мировом авторынке с моделями различных фирм других государств, производящих легковые автомобили.

Автор «Записок бригадира» — строитель, вся его сознательная жизнь была связана со стройками, большими и малыми. Больших, значительных Всесоюзных ударных комсомольских строек у него было две, это стройка века «ВАЗ» в г. Тольятти Куйбышевской (ныне Самарской) области и строительство Чилисайского фосфоритного комбината в Актюбинской области Казахстана. Автор прошел путь от рядового рабочего, преодолев все ступени служебной лестницы, работая бригадиром, мастером, прорабом, начальником участка, главным инженером строительного управления, достигнув высокой должности начальника УПТК крупного генподрядного треста.



А в те времена, пятьдесят лет назад, стройке нужны были сильные молодые руки. «Кто же, если не я» — с этой мыслью шли в комсомольский комитет вчерашние школьники, демобилизованные воины, получившие первую трудовую закалку парни и девушки. Может, сегодня современной молодежи все это трудно осознать, но это было именно так. Ярким подтверждением тому была знаменитая песня Юрия Кукина, написанная в 1964 году, «А я еду, а я еду за туманом, за мечтами и за запахом тайги».

Судьба автора до сегодняшнего дня связана с городом Тольятти, а причиной этому послужило строительство Волжского автозавода, которому автор и посвящает эту книгу.

**Раиса Нидвига**

\*\*\*

Город Святого креста,  
Крепость человек до ста.  
На излучине у Волги,  
Где Уса впадает в Волгу.

Город основал Татищев.  
Крепость стала городищем,  
Щит у волжских берегов  
От набегов и врагов.

Ставрополь — уездный город.  
По истории он молод.  
Город чудных берегов,  
Гор лесистых и лугов.

Рос, крепчал и часа ждал,  
Затем Волгу обуздал.  
И возвел народ плотину,  
Жигулевских гор картину.

Город Святого креста,  
Есть канал, но нет моста.  
И потоком вод машина  
Крутит мощные турбины.

Ставрополь на славу рос  
Среди сосен и берез.  
Имя дали неспроста —  
Город Святого креста.

И в историю страны  
Он вошел после войны  
Волжской ГЭС и рядом строек,  
Хим заводов, новостроек.

Не случайно он вдруг, нате,  
Зваться стал теперь уже Тольятти —  
Город юности моей  
Сколько лет уж, сколько дней...



## НАЧАЛО

Историю строительства Автозавода попытаюсь увязать с некоторыми страницами своей биографии.

К середине 1966 года в СССР производилось около 150 тысяч легковых машин в год. И.В. Сталин, как гласит история, был вообще противником развития личного автотранспорта.

В целях повышения товарооборота на одном из заседаний Политбюро, в бытность правления Н.С. Хрущева, А.Н. Косыгин поднял вопрос об организации производства легковых автомобилей. На что Н.С. Хрущев довольно резко ответил: «Сейчас не до легковых машин, надо организовать общественный транспорт, бросить силы на производство автобусов, троллейбусов. Того, что нужно нашему народу, а легковушки подождут».

Премьер-министр своими вескими аргументами убедил членов Политбюро и лично Никиту Сергеевича в необходимости выпуска машин, доступных по цене для простого народа. Он был уверен, что население держит значительные средства в кубышках, которые целесообразно было бы пустить в оборот для развития промышленности. Деньги не тратились даже на самую необходимую бытовую технику, потому что она была дефицитом. За ходильниками ездили в Ташкент, за газовыми плитами — в Баку, и так далее.

Первоначально для размещения площадки под строительство было предложено 112 мест. После грубого отбора их осталось 39, а после тщательного отсева определилось 6 основных претендентов:

1. Горьковская площадка — одна из столиц советского автостроения.

2. Вологодско-Ярославская — ее поддерживал А.Н. Косыгин (его сильно беспокоил индустриальный провинциализм северо-западных областей России).

3. Саратовская (Саратов-Балаково).

4. Украинская площадка у города Бровары.

5. Белорусская (Минск-Гомель).

6. Тольяттинская.

Анализ был произведен по целому комплексу разнообразных показателей, под специальную математическую программу, разработанную в Центральном экономико-математическом институте Академии наук СССР под руководством академика Н.П. Федоренко.

Судьба Волжского автомобильного завода впервые в практике нашего строительства решала ЭВМ на основе определения наиболее оптимального варианта.

Посмотрю на эти аргументы со своей колокольни, как я это понимаю. Попытаюсь дать им свою расшифровку, свое видение. Остановлюсь на четырех моментах.

Первое, основное: кадры решают все. А кадры непростые, высокопрофессиональные строители. Они не упали с неба, не пришли с другой планеты или из другого государства. Это были наши советские люди, прошедшие не одну школу мужества, познавшие тяжелый труд и радость побед. Они строили, лишенные комфорта и уюта, в морозы и метели, в жару и дождь. От простого строителя до начальника стройки делили поровну все тяготы и лишения. На их плечи легло восстановление разрушенноговойной народного хозяйства: строительство Волго-Дона, Волжской ГЭС им. Ленина, ряда промышленных предприятий, объектов химической промышленности в Тольятти, Асуанского гидроузла в Египте. Замечу. Это были талантливейшие руководители, с их богатейшим опытом: Комзин И.В., Семизоров Н.Ф., Александров А.П., Комаровский Н.С., Цвирко М.С. И многие другие.

Мне в руки попала фотография тех времен, это был 1960 год. На берегу матушки-Волги, на фоне разрушенной церкви села Переволоки, обложившись картами и схемами, сидели руководители высокого ранга Куйбышевской области: председатель облисполкома Токарев А.М., секретарь обкома Орлов В.П., бывший начальник строительства гидроузла Комзин И.В., Семизоров Н.С. и др. Они приехали сюда не случайно, а на рекогносцировку местности с целью строительства в данном районе канала. Бесспорно, этих руководителей можно было понять. Им необходим был простор, новые объемы, новые грандиозные стройки.



Наверное, нужно благодарить ученых, которые вовремя разобрались в ситуации, зарубив в корне данный проект. Но подготовительные работы, тем не менее, там уже велись, особенно геологоразведочные. За два года эти геологические партии успели наделать дел, разрушив своей землеройной техникой прицерковное кладбище, вывернув останки наших предков, церковнослужителей, военных чинов, низших сословий, покоившихся здесь. Их кости до сих пор, вымытые дождями, белеют на волжском откосе. По всему селу и побережью торчат обсадные трубы, оставленные после бурения. Разумеется, все затраты были списаны за счет государства.

Вторая, глобальная сторона вопроса, имеющая плюс, это наличие на тот период в строительном объединении КГС огромного количества строительной техники: земснарядов, экскаваторов всех видов, бульдозеров, всевозможных кранов и автотранспорта. Вся эта мощь ждала своего часа.

Третье. Немаловажную роль играл дешевый источник электроэнергии — своя гидростанция и выгодное расположение предполагаемой строительной площадки в центре России с близостью металлургических заводов Урала.

Четвертое. Водные артерии нашей необъятной Волги, с наличием своего речного флота, до огромных сухогрузов «река-море», с выходом как вниз по течению через Волго-Дон в Черное море и далее, так и вверх через Волго-Балтийский канал — имели неоценимое значение.

Впоследствии, в период строительства автогиганта в Тольятти, Волга работала на государство как никогда, соединив итальянский порт Генуя с речным портом в Комсомольске. Перевозки были колоссальными, включающими в себя разнообразные строительные материалы, даже огромные комплекты деталей десятка панельных домов поставляемые из Москвы, также крупнотоннажное оборудование из Италии.

В связи с этим, **19 июля** на заседании Политбюро ЦК КПСС, а **20 июля 1966** года Совет министров СССР, приняли постановление о строительстве автозавода в городе Тольятти. Министерство внешней торговли СССР и акционерное общество «Фиат» (Турин, Италия) 15 августа 1966 года заключили генеральное соглашение о сотрудничестве в области разработки конструкции автомобиля, проекта автомобильного завода и его строительства в СССР. Срок действия генерального соглашения — восемь лет.

Почему выбор пал именно на Италию? С США, ФРГ и Францией у нас отношения были в ту пору, мягко говоря, прохладными, а то и просто холодными. С Италией — гораздо лучше, доброжелательней. Руководитель коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти последовательно выступал за дружбу с СССР, неоднократно приезжал в Союз. Он умер в Крыму 21 августа

1964 года, находясь на отдыхе, на 71 году жизни, а 28 августа 1964 года в честь итальянского коммуниста город Ставрополь был переименован в Тольятти.

Восьмого сентября 1966 года Совмин СССР своим распоряжением назначил заместителя министра автомобильной промышленности В.Н. Полякова генеральным директором строящегося завода по производству легковых автомобилей в городе Тольятти.

В основу конструкции «Жигулей» или «Лады», как потом назвали малолитражку, была положена модель автомобиля ФИАТ-124. Помимо передачи конструкции и технологии его нужно было довести до возможности эксплуатации в условиях СССР, а двигатель — разработать заново.

Кроме итальянцев в Тольятти работали так же представители многих иностранных фирм-поставщиков из таких стран как ФРГ, Франция, Швейцария, США, Япония и другие.

12 сентября 1966 года закончены изыскательные работы по площадке автозавода, инженерно-геодезические заключения и копии топографических карт самолетом отправлены в Москву.

24 ноября 1966 года дорожники треста «Спецстрой» закончили строительство семикилометровой дороги к заводу от города Тольятти.

14 января 1967 года вынут первый ковш грунта под первый объект ВАЗа — корпуса вспомогательных цехов.

16 января 1967 года строительство Волжского автозавода объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

13 марта 1967 года в Тольятти на строительство автозавода прибыл первый отряд молодых добровольцев по комсомольским путевкам.

Генподрядчиком строительства стало управление строительства «Куйбышевгидрострой» Минэнерго во главе с Н.Ф. Семизоровым.

К весне 1967 года в «Куйбышевгидрострое» были образованы 14 специализированных управлений на правах треста.

В 1967 году был создан трест «Автозаводстрой».

Прошу заранее меня извинить, я и впредь в своих рассказах буду приводить точные даты и цифры, преследуя двоякую цель — рисуя картину и художественную, и историческую. Насколько это мне удалось, судить тебе, дорогой читатель.

\*\*\*

Есть у каждой истории веха,  
В созидании есть и в войне.  
Как и в каждой судьбе прорека,  
Тот, что лиха хватил вполне.

Есть в событиях свои процессы,  
И подъемы, спады и взлет.  
Есть победы, а есть регрессы,  
Есть мечты свободный полет.  
В пожелтевших старых архивах  
Фото тех, кто выжил в войне.  
И комбайны на тучных нивах,  
Те, кто труд отдал целине.  
И заметки с ударных строек,  
И восторги Юры: «Земля!»  
Был народ одержим и стоек,  
Китобой бороздил моря.  
И мелькают события, лица  
На страницах журналов, газет.  
И делами мир мог удивиться,  
Юбилей Ильичу — сто лет.  
И построен гигант на Волге,  
Стройкой века его зовут.  
И отправившись в путь свой долгий,  
По дорогам ладьи плывут.  
Все российские лиходеи  
Оттеснили на задний план.  
Отмели марксизма идеи,  
Набивая добром карман.  
Но останутся рук творенья,  
Вспомним их имена сейчас.  
Чтоб они не ушли в забвенье,  
Поведу о них свой рассказ.



## РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБЕ

Прошло почти пятьдесят лет с тех памятных событий, о которых пойдет речь в моих рассказах.

Подходила к концу служба в рядах Советской Армии, три года которой я отдал, честно прослужив Отечеству. Служил в столице нашей родины, городе-герое Москве. И вот он, долгожданный день, наступил. Получен приказ о демобилизации. Мы стали ждать своего часа, а нас старослужащих домой отпускали небольшими партиями. И каждый уходящий в запас, в том числе и я, загодя стали задумываться о том, что мы будем делать на гражданке.



Если говорить конкретно о себе, то пролистывая страницы истории своей жизни сейчас, заостряя внимание на некоторых ее фактах, начинаю себя укорять в тех или иных делах и поступках, как бы заново переосмысливая, глядя на содеянное со стороны, находить изъяны. Но не оправдываю себя, а в большей степени списываю их на глупость, легкомыслie, нерешительность, боязнь новизны, лень и тому подобное.

К концу демобилизации к нам приехали офицеры из штаба. Собрали дембелей в канцелярии роты для беседы, предложив каждому из нас продолжить службу в рядах Советской Армии.

Не помню, может, кто-то и согласился, давно это было, но у меня стеченье обстоятельств, сложились так, как есть. А так как я, и мои некоторые друзья призывались со среднего Поволжья, узнали о том, что Совмин СССР принял решение строить Автозавод в районе Жигулей, по сути, на моей малой родине, то у меня как и у них особых колебаний на этот счет не было. Я призывался из города Сызрани, а это все рядом. Я так же, посоветовавшись со своей женой, к тому времени я уже расписался с невестой Людмилой, то выбор без особых колебаний пал на Тольятти.

\*\*\*

Службы дни свои считаем,  
Ждут приказа дембеля.  
Самолетом улетаем,  
Манит Волжская земля.

Телевиденье и пресса,  
В один голос все трубят:  
В Жигулях, в степи, у леса,  
Возведем мы Автоград.

Мир открыт и интересен,  
Все доступно нам вполне.  
Сколько слышим новых песен  
Мы на радио волне.

Вижу города и веси.  
И признаюсь, то не сон.  
В двадцать лет, и я без спеси  
В пассажирский сел вагон.

И колеса бьют по стыкам,  
За составом ветра свист.  
Фары режут темень бликом,  
Шатуны танцуют твист.

Вот десант наш в чистом поле,  
Комсомол позвал вперед.  
Я не сетовал о доле,  
Строить стал Автозавод.

И кипит ударно стройка  
В свете сварочных лучей.  
Трудовую вахту стойко  
Нес в бессоннице ночей.

Свою жизнь я прожил ярко,  
Одержимо и в трудах,  
Как в огнях электросварки.  
Не вернуть то время жалко...  
Можно описать в стихах.

Что поставил я на карту?  
Лишь терпение и труд.  
Но не сесть уже за парту,  
Новый мне не взять редут.

После определенных формальностей, процедур и мытарств я был принят на работу во вновь созданное строительное управление СУ-11 треста Автозаводстрой плотником третьего разряда. Еще до воинской службы и учебы в техникуме я, без отрыва от производства, работая на Переволокском заводе ЖБК, получил профессию столяра. А по сути профессия столяра и плотника схожи, потому что работают с деревом.

Помню этот день, как сейчас. Шестнадцатого февраля 1967 года — мой первый выход на работу, а именно, на строящийся объект Волжского автозавода — КВЦ. Зима 1966-1967 была обычна для тех лет: снежная, с морозами, которые порой доходили до тридцати градусов, что было естественно для районов Среднего Поволжья. Спецовку пока не выдали, пришлось экипироваться самому, согласно погоде. Благо армейский бушлат, солдатскую шапку и кирзовые сапоги я сохранил.



Добравшись на перекладных до объекта, а это был район между главным корпусом ВАЗА и КВЦ, я с большим трудом разыскал своего будущего начальника. Меня поначалу взяли разнорабочим в одну из вновь созданных бригад, которая занималась обустройством строительного городка нашего СУ. Устанавливали строительные вагончики, монтировали складские помещения для опалубочных и арматурных работ. Зима была на исходе, но мороз не убывал, жал до минус двадцати. Площадка представляла собой огромное поле с торчащими будылями скошенной кукурузы. Пронизывающий ветер гнал поземку, мороз пронизывал до костей, укрыться было негде. Единственная возможность хоть как-то согреться — это костер из отходов досок, кусков подтоварника и бревен. Грунт за зиму промерз на глубину до полутора метров. Предшествующая осень была затяжной, земля напиталась влагой, а это способствовало ее промерзанию. В первоочередную задачу нашей бригады входило устройство забора по периметру административного участка и хоздвора.

Если посмотреть на строительную площадку по карте Ставропольского района, на ней видно, что вокруг начавшейся стройки располагались села: Подстепки, Ягодное, Барковка, Тимофеевка, и, разумеется, город Тольятти, поэтому неудивительно, что находились охотники поживиться на чужое добро, и забор был необходим, как воздух, и весьма срочно. Для этой цели прораб пригнал ямобур. Мы делали разметки под столбы, пилили, затесывали под-

товарник. Устанавливали его, в просверленные ямы засыпали щебень, уплотняли его, трамбую ломами, затем натягивали колючую проволоку. Работа на ветру и на морозе была адской, я ничего не был рад. Поначалу столовые и места обогрева отсутствовали, это и называлась стройка «с нуля», стройка «с первого колышка». Руководил нами, как потом оказалось, никто иной, как дважды Герой соцтруда Улесов Алексей Александрович, с которым я познакомился чуть позже.

В скорости пришли машины с лесом и пиломатериалами, и нам их пришлось выгружать вручную. Вот здесь-то я и обратил внимание на коренастого мужчину лет пятидесяти. Все в нем выдавало руководителя — и вид,



и зычный командирский голос. Одет он был добротно, по сезону — в меховой овчинный полуушубок, такую же шапку-ушанку, на ногах — бурки белого цвета, осоюзенные яловой коричневой кожей. В общении он был прямолинеен и строг. Больше, чем как «народ», нас не называл. Другого обращения к нам с его стороны я на первых порах и не слышал.

Сейчас, анализируя те события, вчитываясь в страницы его биографии, начинаю понимать, какую школу прошел этот человек, участвуя в ряде грандиозных строек, равных по масштабу которым в то время не было в мире. Имевший на груди две Звезды Героя соцтруда — награды за неимоверный титанический труд. Общаясь с людьми разных категорий: с уголовниками и с политзаключенными, с рабочими других государств, — а последнее место работы был Египет, строительство Асуанской плотины и гидроузла, — может, поэтому он мог себе позволить такое обращение к нам: эй, народ, нужно сделать то-то и то-то. Эти слова я запомнил на всю жизнь, но каких-то обид и упреков в его адрес у меня не было. Под руководством Алексея Александровича я проработал около трех недель, затем был переведен на непосредственный объект строительства, в бригаду Олек-сеенко Владимира Тимофеевича.

\*\*\*

Я про стройку узнал,  
И покоя не стало.  
Я о ней прочитал  
На страницах журнала.  
Взвесил все я и за,  
Взвесил все я и против.  
И билет уже взял,  
И сижу в самолете.  
И на взлет дан приказ,  
Дальше все по порядку.  
Шум мотора угас,  
Мы пошли на посадку.  
Вот Курумоч родной,  
Волга, город и горы.  
Круг один, и второй,  
И степные просторы.  
И поземка, метель,  
Степь, февраль и морозы.  
Снегов белых постель,  
Зимы лютой угрозы.

А нам все по плечу,  
Не помеха нам холод.  
Рассказать вам хочу  
Я о тех, кто был молод.  
Все свернуть мы смогли,  
Все построить успели,  
И в жаре, и в пыли,  
И в мороз, и в метели.  
А станки в корпусах  
Выпускают машины,  
Их колеса шуршат,  
И асфальт режут шины.  
Может это твой дед  
Наш завод этот строил.  
И с войны твой прадед  
Возвратился героем.  
Я про стройку узнал,  
Мне покоя не стало.  
Я о ней прочитал  
На страницах журнала.



## СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП

Было начало марта. Бытоваая неустроенность, отсутствие финансов, неимение опыта семейной жизни сказывалось на настроении. Приближался Международный женский день. И если говорить конкретно о себе, в те дни особой радости я не испытывал ни от работы, ни от приближающегося праздника. Дальнейшая неопределенность жизни вызывала тревогу и неуверенность. Утешало лишь то, что нас двое, так как я был женат. Судьба дала нам возможность преодолеть эти трудности. А пока мы жили порознь, в разных местах, не имели возможности видеться ежедневно. Людмила — в селе Переволоки, в доме моих родителей, отрабатывала на заводе после окончания техникума. Я же находился в городе Тольятти, временно кантовался у своего армейского друга, который имел однокомнатную квартиру в Старом городе. Жил он с семьей — женой и сыном. Конечно, я их стеснял, спал на полу, питался, чем Бог пошлет. Но у нас с женой были свои планы, и эта канитель оказалась недолгой, мир не без добрых людей. В скорости мы переехали в Комсомольский район в барак. В этом бараке жила знакомая наших родителей тетя Тая, с тремя детьми. Она и пожалела нас, приютив на время. В тесноте, как говорится, да не в обиде.

\*\*\*

Что меня так манит в юность,  
Что туда меня влечет?  
Опрометчивость иль мудрость?  
Все теперь наоборот...

Не лихой уже я кучер,  
Не стегать мне лошадей.  
И подагрою измучен,  
Не циркач, не лицедей.

Было чем тогда гордиться,  
Больше статью, не умом.  
Мне свободой не напиться,  
Не прийти в родимый дом.

Все размытей горизонты,  
Все причудливее тень.  
Голос хриплый и не звонкий,  
Сам согнулся, как плетень.

А бывало я, когда-то:  
«Где мои семнадцать лет?...»  
Где теперь друзья, ребята?  
В юность мне не взять билет.

Подмочил пороховницы,  
Отсырели капсуля...  
И забылись многих лица,  
Жизни не начать с нуля.

И я больше не в фаворе,  
О любви уж не пою.  
И душа моя в миноре.  
Я на паперти стою.

С женой Людмилой мы жили дружно, в любви и согласии. К началу мая она уже была на пятом месяце беременности. Работала в ЖКХ техником. Людмила, Царство ей небесное, была заботливой, любящей женой и хозяйкой. В те дни мне в основном приходилось работать во вторую смену. Я приезжал со стройки в два часа ночи. Она не спала, поджидала меня, собирала на стол, кормила досыта и вкусно. Прожили мы в бараке у тети Таи два месяца, после чего сняли комнатку в восьмиквартирном двухэтажном доме.



К майским праздникам супруга нашла комнатенку в Комсомольске, около парка, в районе поликлиники, в уютном, не совсем старом жилом доме. Перетаскав вручную свои нехитрые пожитки, мы перебрались в комнату площадью восемь квадратных метров, в квартиру Николая и Веры Мосиных. Николай с моей женой работал в ЖЭК-2 у Гребенюка, был такой начальник. Отзычивые хозяева на первых порах выделили нам стол, а стульями нам служили чемодан и кровать. В семье у них осталось трое детей. Старший — Виктор, пацан четырнадцати лет, третьеклассница Зойка и самый маленький любознательный Колюнчик, мальчик трех лет. А до этого в их семье случилась ужасная трагедия, которая потрясла весь Комсомольск. В сундуке, в отсутствии их родителей, задохнулись двое малолетних сыновей. Дети, играя в прятки, залезли в сундук, крышка захлопнулась, и детки не смогли ее открыть. После этого с Верой случилось тихое помешательство. Чтобы как-то отвлечь Веру от этих мыслей, Николай и приютил нас, молодоженов. Мы жили своей жизнью, старались не лезть им в души своими расспросами. Оказывали им внимание, жалея их. Супруга вынашивая сына Евгения, постоянно обращаясь за помощью и советом к хозяйке. А когда родила, то стала еще чаще обращаться за советами — как кормить, как пеленать.

После случившегося со мной несчастного случая на стройке, который произошел 30 ноября 1967 года, у жены от испуга пропало молоко. Евгения, с двух месяцев, стали кормить искусственно. Встали на учет в детскую молочную кухню, регулярно брали детское питание малышу. Людмила была хорошей хозяйствкой, рачительной, экономной, заботливой женой и матерью. Она умела разнообразно и вкусно готовить, и всегда ждала моей похвалы, ее усердие не ускользало от моего внимания, я постоянно это замечал, хвалил ее. Однажды прихожу со второй смены, супруга стоит в дверях, смотрит виновато. Я спрашиваю: «В чем дело?» А она в ответ: «Только перед тобой вылила в унитаз кастрюлю ухи». Старожилы помнят, что в эти годы прилавки ломились от изобилия продуктов, в том числе и от разнообразия мороженой морской рыбы. Особенно популярными были хек и минтай. Людмила сварила уху из хека и говорит хозяйке: «Посмотри, Вера, какая жирная рыба!» Зацепила половником, а там — солитер, типа жира. Вера посоветовала солитер выкинуть, а уху скушать. Жена презревала и вылила уху в унитаз.

Полгода прожили мы у Мосиных на квартире, а потом Людмиле выделили служебную комнату в бараке. Прощались мы с хозяевами со слезами. Царство небесное Николаю и Vere, людям с такой трагической, тяжелой судьбой. Но это другая история. Я больше хотел рассказать о работе, о строительстве Автозавода, пятидесятилетие которого мы будем отмечать в год огненной обезьяны, то есть в 2016 году.

Итак, снова КВЦ, март входил в свои права, был понедельник, 7.30 утра, оперативное совещание у начальника участка номер один строительного управления СУ-11 Кокина Василия Иосифовича, моего дальнего родственника по линии жены. Василий Иосифович несколько недель назад вернулся из загранкомандировки, из Египта. Он был полон сил и энергии. Кабинет занимал половину стационарного вагончика, восемнадцать квадратных метров. Шла оперативка, на которой определялись задачи участка на предстоящую неделю, с расстановкой бригад по объектам. На совещании присутствовали прорабы, мастера и бригадиры. Совещание было коротким. К 8.00 картина была ясна. Я сидел в дальнем углу, ближе к двери, рядом с таким же демобилизованным воином, как сам. У дембеля был на груди значок парашютиста-десантника, позже мы познакомились, это был Василий Трубчанинов. Приехал он на стройку по комсомольской путевке из города Свердловска. Василий Иосифович отпустил всех, оставил прораба и одного из бригадиров. Пока он разговаривал о чем-то с прорабом, я незаметно разглядывал бригадира. Этот человек оказался моим наставником, и в моей судьбе сыграл огромную роль. Сейчас я его видел впервые. Это был худощавый светловолосый мужчина лет тридцати пяти, с обветренным мужественным лицом, с выцветшими густыми бровями, с узловатыми пальцами мозолистых рук. Это и был Владимир Тимофеевич Олексеенко, профессиональный строитель, кавалер ордена Ленина, полученного им за строительство Волжской ГЭС. Бригадир комплексной строительно-монтажной бригады, прошедший Цимлянскую и Волжскую ГЭС, ряд крупных объектов химии и других заводов.

После небольшой паузы Василий Иосифович произнес:

- Тимофеич, сколько у тебя орлов в бригаде?
- Двадцать три.
- Вот тебе новое пополнение.
- Да куда мне еще?! Ведь фронты работ не открылись, землю не угрьзешь.

А это было именно так. Может, это мистика? Сама природа противилась, упрямилась, сопротивлялась мощи землеройной техники, которая была сосредоточена здесь. А в эту зиму земля промерзла, как никогда. Ломались стальные зубья экскаваторов, тупились и лопались ножи бульдозеров. Земля, веками плодившая хлеб, кормившая людей, не хотела мириться, не хотела уступать людям, и только после взрыва динамита, против своей воли, уступила человеку. Обратившись вновь к бригадиру, Кокин повторил:

- Да возьми-возьми. Не пожалеешь. Ты меня ещеблагодарить будешь.

Тимофеич после небольшой паузы, согласившись, кивнул головой. Кокин встал со стула, покал бригадиру руку, дал команду

прорабу проинструктировать нас по технике безопасности, выдать спецодежду и необходимый инструмент. Поздравил нас, пожелал удачи.



## В РАЗГАРЕ СОБЫТИЙ

Весна входила в свои права, курлыча, журавли ушли на север, к постоянным своим гнездовымьям, скрылась за горизонтом последняя партия гусей. Что характерно для нашей местности? Со всех сторон простираются бескрайние водные глади. В половодье Волга при своем разливе заполняет малые речушки, поймы и овражки, балки и лиманы, что благоприятствует перелету пернатых. Весной на север, а осенью на юг, к морю, в теплые края устремляются их бесконечные стаи.



Стройка шла своим чередом, за первый квартал набрала темпы по всем фронтам и направлениям. Сроки были сжаты, поэтому сюда в Тольятти с каждым днем, прибывали все новые партии строителей, строительной техники и автотранспорта. Наш трест «Автозаводстрой» расширялся на глазах. К маю 1967 года насчитывал четыре строительных управления. А через год его головное строительное объединение «Куйбышевгидрострой» включало в себя порядка двенадцати трестов, всевозможных направлений по видам работ. Наша бригада выросла до тридцати человек. Замечу, в то время на работу строителей ниже третьего разряда, не брали. Недостатка в людях не было, кадры все пребывали. Сюда ехали демобилизованные воины, молодежь по путевкам комсомола, строители из других городов нашей необъятной Родины, командированные и добровольцы.

Степь ожила в прямом смысле этого слова. По утрам вдоль дороги, как часовые на посту нескончаемой вереницей, выстраивались полчища сурских. Стоя на задних лапках, они посвистывали, будто чему-то удивляясь. Пели жаворонки, щебетали пернатые, годами гнездившиеся в этих местах. Их звал сюда инстинкт. Некоторые из них, устраивали гнезда где попало, их не смущал ни шум строительной техники, ни близость людей.

Откроешь, крышку рубильника или дверку электрической сборки, а там, в гнезде, на яйцах сидит птичка. Вспоминается такой случай. Дело было в начале июля, заканчивались «нулевые» работы по КВЦ. Июль в то лето оказался чрезмерно жарким. По всей площадке раздавался монотонный рев механизмов, завывание механических лебедок крановых трамбовок, свист падающих тяжелых бетонных «баб», уплотняющих грунты, рокот бульдозеров. Мы вернулись с обеда из бригадного вагончика и, только приступили к работе, как услышали крик одного из наших бульдозеристов Николая Спирина: «Алексеич, Алексеич. Что за напасть! Пчелы одолели, всего искали!» Николай сидел, согнувшись, недалеко от своего трактора, закрыв голову спецовкой, прячась от налетавших насекомых. Они, кружились вокруг, жужжали и нещадно жалили его во все доступные места. Сашка Мезенцев, помощник крановщика, притащил на проволоке зажженную ветошь, обмазанную мазутом, которая дымила и воняла. Стал махать этим примитивным кадилом, подобно батюшке в церкви. Пчелы начали успокаиваться, перестали атаковывать Николая. Мы, осмелев, подошли ближе и увидели картину в натуре: на дверце кабины бульдозера висел огромный пчелиный рой килограмма на три. Они-то и напали на нашего тракториста, покусав ему лицо и руки. Степаныч тяжело дышал, ему крепко досталось, когда он отгонял пчел, пытаясь сесть в кабину. Лицо его опухло, губы раздулись, как два беляша, глаз не было видно. Он, с трудом выговаривал слова. В километре от строительной площадки простиралось огромное цветущее поле подсолнуха, на окраине которого стояла колхозная пасека из разноцветных ульев. Жаркий солнечный день способствовал роению пчел, и один незадачливый пчеловод, видно, не уследил. Пчелиный рой улетел к нам на стройку, привившись на дверце трактора. Наш находчивый агроном Петя Николаенко здесь-то и отличился. Что значит быть специалистом. Натесал пучок сосновых лучин, поджег в ведре и, размахивая им, как дымарем, усыпал пчелиный рой. Затем, надев на руки брезентовые рукавицы, аккуратно стрясл пчел в разноску из-под столярного инструмента. Накрыл курткой, унес в подсобку, поставил в темное место. Позже на пасеке мы поменяли пчелиный рой на ведро медовухи, которую оприходовали в конце смены. Степаныча сразу же уложили на ветерок, в прохладное место, дав ему выпить стакан водки, после чего ему быстро полегчало. Николай

Степанович был благодарен и нам, и пчелам — от их укусов у него прошел радикулит. Мы пожалели, что продешевили, ведра медовухи нам не хватило на всю бригаду.

Как я говорил, строительная площадка автозавода и нового города, располагалась на благодатных черноземных землях, где на огромных площадях из года в год выращивались значительные урожаи пшеницы и кукурузы. Вот и грызунам-сусликам, жилось в этих местах вольготно. Их не пугала стройка, а корма пока хватало. Суслики иногда становились добычей некоторых охотников. Находились любители этого деликатеса. Была бригада механизаторов, в составе четырех человек. Перед обедом старший выделял двух помощников, которые отлавливали дичь. Поймав с десяток зверьков, освежевав их, клали в большое оцинкованное ведро, заливали водой, добавляли картофель, репчатый лук, соль, перец, готовили вкусный, ароматный суп-щулюм, к тому же полезный в деле профилактики туберкулеза. Бутылка водки, заранее припасенная, спрятанная от глаз начальства, украшала обеденную трапезу.

Быстро пролетали дни, недели, месяцы.

К тому времени я уже приобрел навыки плотницкого дела, за плечами, как-никак полтора курса техникума, начал разбираться в чертежах. Стал пользоваться уважением среди товарищей. Работал я в звене Ивана Липатова, мы проживали семьями в Комсомольске. Быстро с Иваном сдружились, нашли общий язык. Частенько после работы заходили в гастроном, пропустить два-три стакана разливного вина, особенно любили портвейн: тридцать третий, три семерки, пятнадцатый.

К нам в бригаду пришел еще один новенький, как и мой друг, Василий Трубчанинов. Был тоже с Урала, звали его Владимир Честнов. Владимир, узнав из прессы о строительстве ВАЗа, уволился с учебного судна, на котором служил боцманом. Стажировал кубинских моряков, находясь в заграничном плавании в Атлантике. Рассказывал нам много интересных историй, показывал альбом с фотографиями. Ходил в выбеленной, просоленной морскими ветрами, штормовке, в рыбакских сапогах, завернутых выше колен. Пока еще не разочарованный в своем поступке. Некоторые строители, поддавшись слухам, поверив агитации, в погоне за длинным рублем и легкой жизнью, приезжали, бросив все. Но, не выдержав трудностей в работе или в быте, разворачивались, уезжали обратно. Это сделал впоследствии и Владимир, наверное, не раз пожалев о том, что оставил престижную работу на море.

Характерной особенностью грандиозной стройки была ее реклама по радио, телевидению, газетам и журналам. Пленумы ЦК КПСС и Комсомола трубили об этом. Не говоря о молве, которая передавалась из уст в уста, что строители получают еженедельно заработную плату, как в Италии, что к обеду дают бесплатно

стакан сухого вина, что первым строителям автомобиль будут продавать по его себестоимости и тому подобное. К апрелю 1970 года, накануне выпуска автомобиля, было собрано порядка тридцати тысяч подписей, отправленных письмом в Совмин, с просьбой продавать автомобили по себестоимости, но официально никто этого не обещал. Надежды не оправдались.

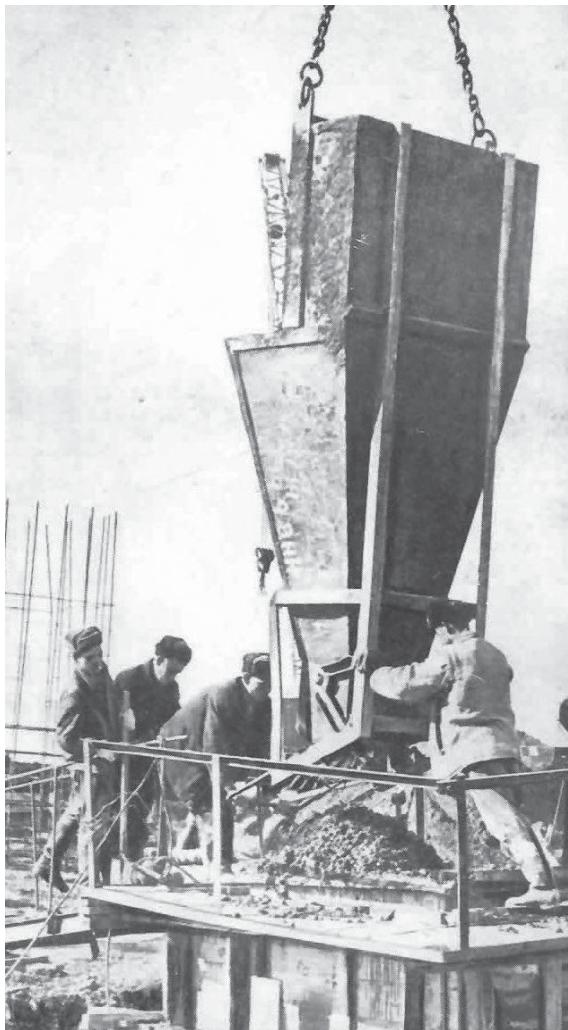
К осени завод стал приобретать новые очертания. По некоторым цехам нулевые работы были закончены. Начался монтаж железобетонных конструкций: колонн, балок, ферм. Параллельно прокладывались инженерные сети, велось строительство автодорог. Стройка шумела на разные голоса, как растревоженный улей. Чем крупнее были здания, корпуса, тем выше и мощней были краны. Наблюдая эту картину по утрам, особенно в пасмурные туманные дни, казалось, что высоко в небе летели какие-то гигантские птицы, туман увеличивал их размер, создавалась потрясающая картина, тревожащая воображение.

В нашей бригаде работы велись уже в три смены. Днем производились подготовительные работы: установка арматуры, опалубки, выверка их и крепеж, а во вторую и третью — бетонирование. Так незаметно пришла зима, внесла в трудовой процесс свои особенности и определенные сложности. Работа повсеместно велась на открытом воздухе, под снегом и дождем. С точным соблюдением графиков и технологий производства, не смотря на погодные условия. За рубеж на стажировку отправляли будущих работников ВАЗа, в зависимости от профессии и стран-поставщиков оборудования. Завод ФИАТ в свою очередь разместил нужные ему станки и технологические линии в тех или иных государствах. Из-за границы стали прибывать шеф-монтажники: итальянцы, немцы, англичане, австрийцы и другие иностранцы. Работа шла полным ходом, слово «надо» стало девизом нашего поколения. Партия сказала — надо, комсомол ответил — есть. Шефство надстройкой неустанно осуществляло ЦК ВЛКСМ. «Отцы Магнитку строили, а мы — Автозавод!» Это было девизом-лозунгом комсомола. Рядом со строительной площадкой обустроили свои казармы десять батальонов военных строителей, численностью до пяти тысяч человек. Они тоже внесли свою достойную лепту в строительство.

\*\*\*

Утро подведения итогов,  
И в бригаде деловой настрой.  
И прораб, наш старший Виктор Рогов,  
Опытный, решительный, простой.  
Расстановка звеньев по объектам,  
Изучение деталей чертежей.

И колонны стройным силуэтом  
В монолите связей крепежей.  
И бригады неразрывны звенья,  
И, имея свой накал и ритм,  
И трудясь на совесть и без лени,  
Был у нас настрой алгоритм.  
Сетевые графики в три смены,  
Подготовка днем фронтов на ночь.  
С каждым днем заметны перемены  
И идем по графику точь-в-точь.



## МОИ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Жизненный путь, пройденный мной, знание и опыт, накопленные за данный отрезок времени, все пережитое и увиденное за эти годы, встречи с людьми разных поколений: ветеранами Великой Отечественной Войны — героями боевых действий, строителями социализма — участниками ударных строек, простыми людьми без наград и званий, жизнь до и после перестройки, давшая возможность что-то сравнить и сопоставить, мое непосредственное участие в двух Всесоюзных ударных комсомольских стройках: Волжском автозаводе и Чилисайском фосфоритном руднике, идеи и духовная жизнь людей, все эти годы окружавших меня, мое предыдущее поэтическое творчество на протяжении последней четверти века, дали уверенность, возможность, и силы, сподвигли к написанию, этой книги воспоминаний.

Я безмерно благодарен тем людям, с кем рука об руку трудился в те далекие годы на строительстве Волжского автозавода. В первую очередь моему первому бригадиру-наставнику Олек-сеенко Владимиру Тимофеевичу, Кокину Василию Иосифовичу, начальнику СУ-16, Симизорову Николаю Федоровичу, управляющему строительным объединением «Куйбышевгидрострой», моему товарищу бригадиру КРАЗистов Виктору Быкову. Вспоминаю добрым словом своих бесценных помощников, звеньевых: Фалюшина Ивана, Рожкова Владимира, Ленцевича Витольда, Капленкова Александра, Хатяновича Александра, Татьяну Сипер и многих других.

Чтобы не утомлять тебя, дорогой читатель, перечислением дат, решениями пленумов ЦК и партийных съездов, буду называть только наиболее важные из них. За полвека о строительстве Волжского автозавода и его участниках было написано и выпущено много книг, публикаций в газетах и журналах, снято документальных фильмов, приуроченных к юбилейным датам, к двадцатилетию и сорокалетию автогиганта.

Я безмерно благодарен писателю Романюк Валерию Яковлевичу за книгу рассказов и очерков «Только тысяча дней», за повесть «Рабочая карьера» о моем первом бригадире В.Т. Олек-



сеенко, о нашей бригаде и обо мне. Отшумело почти пятьдесят листопадов. С той поры родилось третье поколение. Многих моих старших товарищев — друзей единомышленников уже нет в живых. Но остались творения их рук, в виде огромных корпусов ВАЗа, выпускающих современные автомобили.



В своих заметках я не преследую цели повторения пройденного, рассказанное в той или иной мере моими предшественниками. Просто хочу некоторым событиям дать свой анализ, свое видение через призму времени. Вспомнить пережитое и выстраданное, посмотреть на некоторые вещи и события глазами рабочего-строителя, поставить акцент на, казалось бы, мелких, незаметных фактах труда моей бригады, сделать небольшие зарисовки, даже о мимолетных встречах с теми талантливейшими людьми, как руководителями, так и рабочими, в незабываемые годы молодости.

В то время, слово «надо» звучало магически, что не скажешь о сегодняшнем дне. У современной молодежи нет того огонька и задора, который был в нас. Нет идей, которые бы цементировали и сплачивали ее, звали на достижение поставленных целей и задач во благо страны. На уме лишь деньги, карьера и удовольствие, ничего не отдавать, только брать. Человек труда загнан в тень, на

задний план. Отсутствие концепции развития государства, необходимой национальной идеи, вектора развития общества, ведет к невежеству, коррупции и обману.

\*\*\*

Закружится память волною,  
И всплывают картины с глубин.  
И беседу ведут меж собою  
Семизоров, Кашунин, Комзин,  
Зам. Министра седой Александров,  
И Косыгин с ним держит совет.  
Внес разумную лепту Костандов,  
Чтоб проекты увидели свет.  
Бьет волною в бетон Асуана  
Укрученный плотиною Нил.  
Пирамиды за дымкой тумана,  
Там советский строитель творил.  
Я проснусь поутру спозарана,  
Вновь гудки на побудку зовут.  
Судьбы их на страницах романа,  
Словно ладьи, по морю плывут.



## ВСТУПЛЕНИЕ

Мысль написать эту книгу я начал вынашивать давно, несколько лет назад. В своих коротких зарисовках я попытался рассказать о людях, об их самоотверженном труде, показать время, в котором мы жили, каким воздухом дышали. Жизнь в неумолимом своем беге приблизила меня к тому возрасту, когда сам пугаешься своих лет. Господь пока дает возможность мне сосредоточить умственные, духовные и физические силы на освещение тех событий, которые прошли в моей бурной комсомольской молодости и моих сверстников, тех, кто плечом к плечу трудился рядом со мной на строительстве Волжского автозавода. И неважно, кто они были по профессии — бетонщики или монтажники, плотники или сварщики, сантехники или плиточники, каменщики или кроевельщики, экскаваторщики или бульдозеристы, крановщики или водители. Тогда мы все были в едином порыве: и только что демобилизованный воин, и умудренный опытом наставник-строитель, прошедший легендарные стройки в тяжелые послевоенные годы, и те, кто недавно вернулся с Асуана. И молодая девчушка штукатур-маляр, и заслуженный бригадир, Герой социалистического труда — нас всех позвала Родина: «Отцы Магнитку строили, а мы — Автозавод».



В свое время было не мало написано о строителях статей и очерков в газетах и журналах, выпущено множество различных книг и брошюр больших и малых, снято несколько документальных фильмов.

Проходили годы, менялась эпоха. А те камни, те капсулы — послания новым поколениям людям будущего — остались пока невостребованными.

Как-то в одной из бесед приятель мне сказал: «Кому это нужно? Кому ты пишешь? Кто это будет читать? Открой интернет и ты найдешь в нем ответ на любой вопрос. Вот Борю Кейльмана будут читать». На что я ему ответил: «Мне как-то попалась в руки небольшая книга стихов и рассказов авторов, принимавших непосредственное участие в строительстве Волжской ГЭС им. Ленина. Я читал эту книгу, не отрываясь, затаив дыхание и видел себя там, среди тех строителей, которые самоотверженно трудились на благо Родины, в пургу и дождь, в жару и холод. Я почувствовал дух того времени, накал и настрой, энтузиазм и, если хотите, героизм людей. Он во многом был схож с нашим трудом, особенно в дни, когда стройка претерпевала экстремальные ситуации, связанные с природными катализмами: с паводками и лютыми морозами, с метелями и жарой, с пыльными бурями и проливными дождями. Я пытался показать стройку изнутри, а это — живой организм. Десятки тысяч людей, десятки тысяч сердец бились в такт, в унисон с единственной целью — пустить автогигант в срок. Рассказать о людях с разными судьбами, с разными запросами, капризами и амбициями. Кто-то, приехав в погоне за длинным рублем, разочаровался, не выдержал условий труда, условий проживания и уехал обратно.

А кого-то, по большей части, захлестнула романтика, молодой задор, горячность сердец, возможность испытать себя, доказать себе и окружающим, что ты это можешь. Это тебе по плечу.

Работая на стройке, руководя коллективом комсомольско-молодежной бригады, я преследовал единственную цель — мобилизовать моих товарищей на выполнение поставленной задачи. Личным примером и умением доказывал это. Сейчас вспоминаю то время, и меня гложет мысль — может быть, я был к ним излишне строг и требователен. Многие из них, приехав сюда, покинули родительские гнезда, кому-то не хватало тепла, ласкового, доброго слова. Если кому-либо из вас попадет в руки эта книга, прошу простить меня, если кого обидел. Дисциплина, техника безопасности, выполнение задания, стояли на первом месте. И в какие-то моменты, за какие-то действия приходилось карать самым строгим образом, пресекать на корню. За прогулы, пьянки, отлынивание от работы. Огромную роль в воспитании коллектива играл совет бригады, на который я опирался. В бригаде была внедрена аккордно-премиальная система оплаты труда, с коэффициентом

трудового участия на каждого рабочего. Заработка распределялся дифференцировано, в зависимости от вклада каждого, согласно разряду. Разгильдяи несли значительные потери в зарплате.

Был у нас в бригаде Юрий Матрин, сварщик — мастер своего дела, специалист с большим стажем и опытом. Всем был хорош, но имел слабость к выпивке. Вся его трудовая книжка была исписана: принят-уволен, принят-уволен. Летал он со стройки на стройку, не задерживаясь. К нам прибыл уволенный по 33 статье с прежнего места работы. Сколько я в своей жизни перевидал таких работников! Взяли Матрина с испытательным сроком. Зная, что он выпивает, я поставил его в звено с серьезными ребятами. Продергался Юрий до первой получки. Вышел на работу после выходного с большого бодуна — помятый, руки дрожат... Такой сварщик наварит... Пожалел я его, до обеда освободил от работы. После обеда Матрин пришел в себя, полегчало ему после того, как слопал в столовой большую тарелку молочного рисового супа. Как только мы его не оберегали — проводили беседы: и с глазу на глаз — индивидуально, и разбирали на бригадном собрании. Воспитывали кнутом и пряником, бесполезно.

Много встречал я в жизни ребят — умниц, чудесных работников, неординарных, бросавших пить, «завязавших», не раз кодировавшихся. Но все они, по истечении какого-то срока, вновь возвращались к прежнему. К сожалению и у Юрия Матрина был незавидный финиш — от частых пьянок стал страдать эпилепсией. После полутора лет учебы на дневном отделении института, я вновь вернулся в бригаду, но Матрина уже не застал, его уволили по статье. Позже узнал, что Юрий ушел в мир иной от очередного запоя. Зеленый змий его все-таки одолел. Но это единичный случай, в целом в бригаде была высокая дисциплина. Благодаря коллективным усилиям мы изживали пьянство на корню.

\*\*\*

Словно птичек стая,  
Жизни дни летят.  
Свой альбом листаю,  
Вижу вновь ребят.  
Нас позвал когда-то  
Комсомол страны.  
Мы уставу свято  
Партии верны.  
А народ рабочий  
Был не лыком шит,  
Делом озабочен,  
И не хлебом сыт.

Слово просто «надо»  
Не сходило с уст.  
И за труд награда,  
И карман не пуст.  
Мы в трудах всесильны,  
Выстроить смогли  
Свой автомобильный —  
Гордость для страны.  
К дате приурочен,  
Радуется глаз.  
Армией рабочих  
Город АвтоВАЗ.  
Всему миру снова  
Доказать смогли  
Делом, а не словом,  
Честь мы стерегли.  
Уж ремень монтажный  
С каской на стене.  
А сегодня важно  
Вспомнить о том дне.  
А за труд огромный  
Слава вам и честь.  
В пласт тот черноземный  
Хочу снова влезть.  
Снова взять лопату  
В руки, взять кайло.  
Нам тогда ребята  
В жизни повезло.



## КАК Я ПРИОБЩАЛСЯ К ПЛОТНИЦКОМУ ДЕЛУ

Детство мое, с такими как я босоногими, сопливыми сверстниками, прошло на Кубани. Чтобы прокормить семью, в те голодные послевоенные годы, наш отец, после выхода в запас из рядов Красной армии, по совету и рекомендации своего друга-сослуживца, перевез наше многочисленное семейство в станицу Славянскую Краснодарского края, сейчас это город Славянск-на-Кубани.



После месячного мытарства по Домам колхозников, мы, наконец-то, перебрались через реку Протоку на хутор Трудобеликовский, в глухой курмыш Собачевку. Со всей ответственностью могу сказать, жили мы голодно, содержать семью, в которой семеро детей, подобно подвигу. Все мысли у родителей были, как прокормить детей, во что одеть-обуть. Отцу, как офицеру-отставнику, был выделен участок земли, без малого гектар, со старым школьным садом. Плодоносящих фруктовых деревьев было многообразие, одних яблонь — несколько сортов. Грецких орехов было около десятка. А так же было сортов пять груш, вишни, слив. До войны здесь была начальная школа, а от удара авиабомбы летом 1942 года от школы осталась груда битого кирпича. Еще долгие годы деревья на своих стволах и ветвях носили отпечатки войны, были посечены осколками, можно было увидеть в дереве торчавший неразорвавшийся снаряд. По весне

из древесных ран сочился сок.

Мы взрослели, забот у родителей прибавлялось. Отец постоянно занимался садом, пытался его реанимировать, выпиливал повреждения от осколков ветви, выкорчевывал погибшие деревья и подсаживал новые. Сад в нашем пропитании играл значительную роль. Часть урожая даже реализовывали на рынке. С каждым сезоном сбор урожая увеличивался, начал плодоносить виноградник. Возникла необходимость в сбыте урожая. Большой популярностью у хуторян пользовался базар Нахичевань в городе Ростове. И соседи, кооперируясь между собой, часть урожая возили туда на продажу, затаривая дары осени в деревянные ящики. Отец привозил их с тарной базы, эти ящики приходилось ремонтировать, вот батя и приобщил меня к этому делу. Годов с двенадцати я умел разобрать и собрать деревянный ящик. Разбирал его по отдельным дощечкам, выдергивая клещами гвозди, затем их выпрямлял, заостряя кончики молотком. И сбивал ящики по новой. Они могли послужить еще несколько раз. Здесь приходилось работать и молотком, и ножовкой, и топором. После неоднократных ударов молотком по пальцам и порезов о зубья ножовки я постепенно и приобретал эти плотницкие навыки. Начал мастерить всевозможные поделки. Для племянника Алика сделал деревянную тележку. В неполные шестнадцать лет поступил учеником столяра на завод ЖБК, проработав на нем два года до поступления в техникум. Получил профессию столяра и запись в трудовую книжку «столяр третьего разряда».

Здесь на стройке Автогиганта, спустя десять лет, работая бригадиром на «Куйбышевгидрострое», руководя людьми, мне частенько приходилось брать в руки плотницкий инструмент, показывая на деле своим подчиненным, как забить гвоздь длиной 120 мм топором в доску с трех раз. Завидовал я плотникам, которые приезжали к нам из других лесных областей Кировской или Пермской. Ребята были мастерами плотницкого дела. Работал в бригаде один такой Вячеслав Вохмисцев, виртуоз этого дела. Подогнать необрзные доски, одну к другой, мог одним топором, без циркульной пилы и рубанка, да так, что не видно было ни щелинки. К нему так и приклеилось прозвище — Славка Вятский. А вятские — ребята хватские — залезет на липу босиком, а слезет с нее в лаптях. Были мастера на все руки. Вячеслав углы выводил без отвеса. Возьмет топорище за кончик двумя пальцами, а по лезвию стреляет на угол — никогда не ошибался. Стрельнет лучше любого геодезиста, без теодолита.

Как-то по осени, под выходной, приехал я с семьей к родителям в Переяловки. Вечерело, день шел к закату, солнце готовилось скрыться за баню. Войдя во двор, я по стуку определил, что батя где-то что-то мастерит. И без труда нашел его за домом в землянке. Я поспешил к нему, прихватив с собой кулек

гвоздей, восьмидесятки — и как раз кстати. Батя чинил перегородку, отделявшую хлев от курятника, прибивал куски досок к прожилинам. Землянка была устроена на военный манер. Единственное отличие — потолок был не в три наката, а набран из пластинника, расколотого вдоль бревен, уложенного гладкой поверхностью во внутрь, а сверху по гидроизоляции засыпанный землей. Из окна в перекрытии падал тусклый свет, электричество отсутствовало. Поздоровавшись, я поинтересовался, чем это он занимается. Секунду до этого папа чертыхнулся, огrev себя в полумраке курятника молотком по большому пальцу. Я быстро сообразил, что нужно делать и пока батя докуривал свою козью ножку, свернутую из обрывка газеты «Правда», без труда приколотил оставшуюся часть досок. Папа все спрашивал, как это я ориентируюсь в полумраке, так ловко прикалывая доски гвоздями? Я ответил — интуитивно.

Вечером, после бани, поужинав и попив чаю, мы сидели всей семьей на диване, вели с мамой о чем-то разговор. Батя, примостившись на стуле, у натопленной голландки, надев на нос очки с круглыми стеклышками в тонкой металлической оправе, как у Берии, раз за разом слюнявя указательный палец, что-то перелистывал. Он держал в руках Большую Советскую Энциклопедию, что-то в ней выискивая. Я поинтересовался у него, чем это он озабочен. Оказалось, отец ищет значение слова «интуиция». А когда он это слово нашел, достал свою общую тетрадь и вписал в нее. Вот таким дотошным был мой отец.

Я вспоминаю о нем всякий раз с уважением и теплотой, хотя в детстве мне частенько перепадало от него ремнем. Но его наука шла только на пользу.



\*\*\*

*Дорогому отцу посвящается*

Пустяки нам дом построить,  
Нарисуем, будем жить.  
Понапрасну не злословить,  
Папой нужно дорожить.  
Пилим бревна мы на доски,  
Зapasаясь ими впрок.  
Зубья острые и жестки,  
Режут вдоль и поперек.  
Этот брус пойдет на лаги,  
На пол — толстая доска.  
Не поднять бревно без ваги,  
Пригодятся поката.  
Вот бревно лежит на козлах,  
Закрепленное скобой.  
Тащим мы его на вожжах,  
Ты да я, да мы с тобой.  
В полотне косые зубья,  
Называли «волчий клик».  
На дрова пилили дубья  
Мы за ручки смыг, да смыг.  
Режем, шилим, колем, стружим,  
Одержимые в трудах.  
О делах своих не тужим,  
Колунами бах, да бах.  
А наш сад уж листья сбросил,  
Вот и осень у двора.  
Сняли мы леса с укосин,  
И затих стук топора.  
В дом войдем, запустим кошку,  
Обживать начнем жилье.  
Потихоньку, понемножку,  
Счастье здесь найдем свое.  
С той поры прошло полвека,  
Папы нет давно в живых.  
Дом — подарок человека,  
В память о делах былых.

## НАЧАЛО ТУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БРИГАДЕ В.Т. ОЛЕКСЕНКО

Прослушав инструктаж, расписавшись в журнале по ТБ, мы с приятелем Василием Трубчаниновым с запиской старшего прораба, направились на склад. Фамилия его была Солдатов Виктор Николаевич. Чем он мне запомнился? На обеих руках у него не хватало пальцев. По возрасту ему не было и сорока. Жил он со своей женой и тещей, в частном доме в Портпоселке. Почему я это знаю? Прошедшим летом, со звеном плотников нам пришлось делать деревянный пристрой к его дому. Так сказать, с отрывом от производства. Прораб был мужик тертый, хват еще тот! Встречались иногда такие начальники, которые пользуясь случаем, могли запустить лапу в государственный карман. В то время, этот район представлял собой захолустный курмыш из нескольких частных домов, тянувшихся вдоль улицы ведущей к санаторию «Лесное». В настоящее время это место застроено элитными коттеджами.

Как-то морозной зимней ночью прораб, будучи чрезмерно перегруженный спиртным, после второй смены, приехал домой, открыл калитку во двор и ткнувшись носом в сугроб уснул. Наверно бы замерз, но чуткое женское сердце подсказало — что-то не так. Вышла жена на крыльцо, а прораб спит в сугробе руками по локоть в снегу. Выжил, не замерз, врачи отходили, но лишился нескольких пальцев на руках. Как специалист был на высоте, обладал природной смекалкой, большим опытом в строительстве, умел найти подход к людям.



Получив необходимую спецодежду и инструмент, мы приступили к работе. Тимофеич поставил нас в звено опытных плотников-опалубщиков. В нашу обязанность входила реанимация ста-

рых щитов, снятых с просушенных фундаментов. Очистка их от напльвов бетона, смазка соляркой. Пробивка досок гвоздями к ребрам жесткости. Набивка на щиты стальных шин из проволоки или ленты, хомутация их для дальнейшего электропрогрева. И сборка опалубки под устройство новых фундаментов.

Фундаменты имели различную конфигурацию и объемы: с высотой до шести метров, трехступенчатые, с мощной подошвой, с толщиной бетона до полуметра. Самые крупные это те, которые попадали в температурные ряды. Они были, двух-или четырехстаканные, с объемом бетона до семидесяти кубов. Наша бригада делилась на звенья, в ней велось четкое разделение труда. Пока работали в две смены. Руководил второй сменой заместитель бригадира, не менее опытный, чем сам Тимофеич. В состав бригады входило: два звена плотников, звено арматурщиков, два звена бетонщиков, звено монтажников, два сварщика-паспортиста и, разумеется, стропальщики. За бригадой был закреплен дизель-электрический кран на гусеничном ходу, грузоподъемностью двадцать пять тонн. В своих повествованиях я буду рассказывать о некоторых членах бригады наиболее ярких и колоритных по своей натуре. Скажу — что ни человек, то индивидуум. Слаженные в труде, ответственные в делах, с жесткой дисциплиной, профессиональные строители, прошедшие не одну стройку. Самому старшему, Диме Марьеву было не более сорока, бригадиру тридцать шесть. Средний возраст членов бригады около тридцати лет.

Особым уважением в бригаде пользовались бетонщики. Укладка бетона для них была священнодействием, праздником. Процесс бетонирования казался более ярким и красочным в ночное время, при свете прожекторов. Здесь было немноголюдно, работы велись без излишней толкотни и нервозности. Звено состояло из четырех человек, каждый четко знал свое дело. Укладка бетона в зимнее время была сопряжена с большими трудностями, в отличии от лета. В морозной дымке выстраивались вереницы самосвалов. Они один за другим заходили на площадку, вываливая бетон в бадью. Кран подавал ее наверх, поднимая над опалубкой. Бетон через открытый затвор высыпался в ее чрево, затем в ее глубину опускался вибратор, а следом бетонщик, который был экипирован в брезентовую робу, резиновые сапоги и защитную пластмассовую каску. Неважно, зима это была или лето, внутри опалубки всегда было жарко. Бетон отдавал тепло при схватывании цемента, происходила эндотермическая реакция с его выделением. Монотонно гудел вибратор, уплотняя бетонную смесь. Здесь необходимо умение и опыт. Тщательное вибрирование бетона вдоль стенок опалубки, чтоб не допустить раковин. Иначе при снятии щитов оголится арматура — это брак и скандал. Не сравнить современную технику и технику тех времен. Сегодня строители вооружены специальными пневмобетоноукладчиками, их механи-

ческие руки способны подать бетон в нужное место, в любую щель, на определенное расстояние и высоту. В те дни, в строительстве преобладала значительная доля ручного труда — любимый инструмент строителя: лом, лопата и кувалда.

Помню, в бригаде работал стропальщик Николай Зайцев. Он, действительно, соответствовал своей фамилии. К рукаву его рабочей куртки была пришита красная повязка стропальщика. Не совру, за смену Зайцев выкуривал не менее пачки сигарет. Николай был ленив, любил потрепаться, знал лишь, как зацепить и отцепить крюк. Да еще подать команду крановщику. Другой работы он чурался, а если приступал, то лишь тогда, когда бугор покроет его трехэтажным матом и перечислит всех богов. Так он и крутился вокруг крана. В неизменной своей брезентухе, туго подпоясанной монтажным ремнем, с перекинутой через плечо цепью с карабином, в оранжевой каске, с сигаретой во рту. Любитель острословить, за что неоднократно страдал, попадая под горячую руку собутыльников, частенько бывая с ними в пивнушке.

Как-то работали мы во вторую смену. Шел конец марта. Днем весеннее солнышко уже пригревало, но вечерами становилось прохладно и неуютно. Под ногами чавкала глина, присасывала сапоги, мешая работе. В лучах прожекторов мелькали тени строителей. Тусклый свет падал в траншею. Каркас фундамента был намертво зажат щитами опалубки, опоясанный стальными ребрами крепежа, которые торчали по углам. Мы постоянно ударялись головами о них, благо — спасали каски. Крановщик четко выполнял команду стропальщика, которую получал от звеньевого. Прожектор, висевший на оголовке стрелы, болтался на ветру, водил своим лучом взад-вперед, следя за ее поворотом. Свет вырывал из темноты то самосвал с бетоном, ожидающий своей очереди, то бадью, то копотившихся на вершине опалубки людей, стоящих на лесах. Бетонщики заливали подошву фундамента, подавая его сверху. Он падал с высоты, растекался по всей площади основания. Мы растаскивали его лопатами по всем углам, последовательно уплотняли вибраторами, разглаживали лопатами. Качество стояло на первом месте, поэтому опытные бетонщики поначалу доверяли нам лишь черновую работу. А после нас заглаживали бетон сами вручную мастерками и терками. Вот такие тогда были требования.

\*\*\*

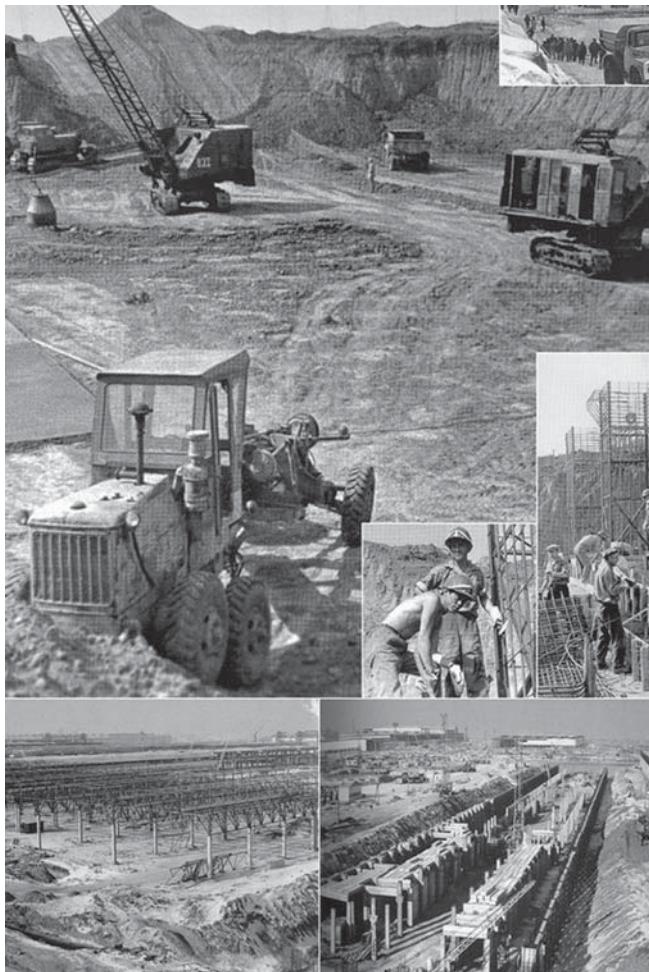
Молодость — есть стимул всех свершений,  
Романтизм, загадка, новизна.  
Героизм отцов — пример для поколений,  
Нас звала на подвиги страна.

И трудностей тогда не замечали,  
Трудясь под небом и спускаясь в котлован.

Нас в праздничных приказах отмечали,  
И я, как бригадир, был вовсе не профан.

Опалубки, фундаменты, каркасы,  
Бетона непрерывное литье.  
В укладке его на пол были асы,  
Не признавали мы скулеж, нытье.

За честь было командовать бригадой,  
И в жизни каждого из нас своя судьба.  
Пусть тяжкий труд не был для нас наградой,  
Но, скажем, вовсе не галерного раба.



## ОБ ОБЩЕЙ КАРТИНЕ НА СТРОЙКЕ

Стройка жила своей размежеванной кипучей жизнью. Работы пока велись в две смены. Уже проглядывались очертания будущего корпуса КВЦ, который в дальнейшем должен был нести роль вспомогательных производств для основных цехов ВАЗА. Работа шла комплексно, по всем направлениям, ее с лихвой хватало всем строителям.

Главенствующую или первоочередную роль несла служба геодезии. На геодезистов возлагалась огромная ответственность. Допуски предельные, на миллиметры: разбивка осей будущих цехов согласно проекту. Геодезический контроль за глубиной заложения фундаментов, устройство реперов, исполнительных схем. В производстве земляных работ основную роль играла землеройная техника. Как на поле битвы урчали самоходные скреперы и бульдозеры, выталкивающие и вывозившие суглины из траншей. Впервые на практике при производстве скрышных работ были применены мощные дизель-электрические бульдозеры ДЭТ-200, с кликком для рыхления мерзлых грунтов, сконструированный на базе тяжелого танка.



За пятьдесят лет со дня строительства Автозавода было выпущено много книг и документальных фильмов, не одним автором, не одним киносценаристом. Не буду пересказывать их

содержание, расскажу о том, что видел своими глазами, что делал своими руками.

Совмин определил стройке сжатые сроки. Работа спорилась. Никто не стоял на месте: ни тяжелая техника, ни люди. Впоследствии автор Романюк В.Я. осветил эти события в своей книге «Только тысяча дней».

\*\*\*

Все мы пробуем на соль,  
Чтобы не попалось,  
А порой чужая боль  
Вызывает жалость.

Донесу до вас строкой  
Я судьбины шалость.  
Не найти душе покой,  
Как ни трепеталась.

Мысли с кончика пера —  
На листочек белый.  
Нету худа без добра,  
Как души без тела.

И ногою на ежа  
Не ступить бosoю.  
На душе такая ржа,  
Что не смыть росою.

Занесла меня судьба  
В бурелома чащу.  
Словно своего раба  
Бьет больней и чаще.

Все трясет меня арба  
По дорогам жизни.  
И несет меня судьба  
От рожденья к тризне.

Пот галерного раба,  
Да ничуть не слаше.  
А судьбинушка-судьба,  
Не сыграла б в ящик.

Остановлюсь на некоторых моментах, увиденных мной, а их была масса. Проведу констатацию фактов своими словами.

Автозавод строила вся страна, здесь была сконцентрирована самая передовая инженерная мысль, всевозможные научные методы, графики и технологии. Разработка мерзлых грунтов методом взрыва, прогрев бетона в зимнее время реактивными установками. Перемещение огромных объемов грунта комплексными механизированными бригадами, включающими в себя экипажи экскаваторов и водителей большегрузных самосвалов. Уплотнение грунтов под основания фундаментов мощными крановыми трамбовками. Ведение строительных работ параллельно с проектированием, по всем корпусам Автозавода, в связи со сжатыми сроками. Благо пласт чернозема толщиной до метра, был снят со всей площади строительства, заранее, еще с осени. Вывезен за ее пределы, складирован в огромные земляные валы.

Впоследствии этот растительный, плодородный слой (гумус) использовался при благоустройстве новых микрорайонов, площадок, газонов, скверов, парков.

Производства взрывных работ осуществляло управление треста «Гидроспецстрой». Бригады взрывников днем занимались бурением скважин и закладкой взрывчатки. После окончания первой смены площадка оцеплялась. За ее пределы удалялись строители и строительная техника. Следовали звуковые сигналы и команды к взрыву — тысячечетонная масса чернозема взлетала в воздух, рыхлилась и падала вниз.



## **БРИГАДИР СКАЗАЛ: «НАДО!»**

Не знаю, не уверен, но Корчагина среди нас не было. Видно, время еще не пришло. И слово «надо» не звучало так ярко, как в фильме по одноименному роману Николая Островского «Как закалялась сталь». Но строительство Автозавода уже было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Беседуя недавно со своим старым приятелем, мы завели разговор о героизме, о самопожертвовании, об ответственности за порученное дело. ПРИятель был постарше, прошел большую жизненную школу. С ним нельзя было не согласиться по многим вопросам. От него я услышал такую мысль: геройзм иногда возникает в случаях, когда какое-то действие бывает не до конца продуманным, по незнанию, от недостатка опыта, в надежде на авось.

В ряде случаев — от безответственности, халатности, лени или еще чего-либо. Это приводит к срыву, к большим затратам, материальным и физическим. А если говорить о серьезных вещах, дилетанство может привести к неоправданным последствиям и даже к гибели людей. Это я беру в большом масштабе. Порой ряд обстоятельств, их стечения, как говорит теория случайностей, в совокупности может привести даже к катастрофе.



Однажды, встретил свою знакомую, с которой нам посчастливилось в молодости участвовать в строительстве ВАЗа.

Мы завели разговор, и она поведала мне такую историю из геодезической практики. Велись строительные работы на одном из объектов по устройству фундаментов-«нүлей». Закончили бетонирование одной из осей, взялись за исполнительную схему. И оказалось, что ряд фундаментов занижен на полметра. Давай разбираться, кто да что, — геодезистка, перенося репер, ошиблась. Эта ошибка вышла нам боком. Уместно вспомнить пародию Аркадия Райкина: «А сейчас строим мост. Один колет, другой точит, третий пилит... одну крутку не докрутил, одну винтку не довинтил, понадеявшись на авось. В результате переделок участок понес ощутимые финансовые затраты. Недаром существует поговорка «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Опытный строитель поймет, о чём идет речь.



Такие случаи не единичны. Вот еще пример из практики. Было начало марта, солнышко радовало своими лучами, но вечерами температура опускалась ниже двадцати. Бригадир попросил нас, служивых дембелей, выйти во вторую смену с целью подготовки фронта работ для устройства

следующих фундаментов. Суть в том и причина все та же. Почему я так обо всем подробно пишу, потому что этого не найдете ни в одном учебнике, ни в одной книге. Земля за прошедшую зиму промерзла на полтора метра. Чтобы вырыть траншею, нужно было разрыхлить верхний слой, снять его, вывезти за пределы и следом копать. Этот верхний слой рыхлили взрывом, бурили сотни скважин и аммоналом взрывали карты (площадь рыхления) во вторую смену. Так вот, как ни старались наши геодезисты, в одной из траншей под основания нескольких фундаментов, получился недокоп сантиметров на тридцать-сорок. Ко всему прочему, основания под фундаменты были уже уплотнены мощными трамбовками. Этот плотный, мерзлый слой глины не брал даже экскаватор, не говоря о компрессоре с отбойным молотком. Нам и была поставлена задача любым путем выдолбить эту карту. Ее размер был шесть на шесть метров, площадью тридцать шесть квадратных метров, толщиной до тридцати сантиметров.

Нас было четверо, а отбойный молоток — всего один, да и тот постоянно барахлил, западал пятак. Тогда нам пришлось взять в руки топоры-ломы и долбить землю вручную, до кровавых мозолей. Как тут не вспомнить Павла Корчагина. Да еще этого незадачливого геодезиста, его бы заставить долбить. Скоро пришлось сбросить армейские бушлаты, в них стало жарко. От пота на спине проступал иней, который искривился на наших свитерах маленькими льдинками.

Темнело. Мы работали при свете прожекторов. Но к концу смены сумели выполнить задание, сдать работу сменному мастеру. Не помню, как другие ребята, но я после такого труда получил бронхит, перенеся его на ногах. Слава Богу, обошлось без осложнений. Сказалась молодость и армейская закалка. Этот эпизод запомнился мне на всю жизнь. И в последствии случалось сталкиваться с головотяпством, с чужим и со своим тоже. Но этот случай на участке остался незамеченным, никого не наказали, а надо бы. Работа есть работа, времени на рассуждения и разборки не было, сроки поджимали.

Комсомол озвучил призыв: «Работать и за того парня!» Все громче и требовательнее звучало слово «надо».

Вот из таких небольших эпизодов, из малых крупиц труда каждого из нас, складывалось что-то большое, значимое и ощущимое.

\*\*\*

За жизнь свою прошел немало строек,  
И не всегда комфортным был твой быт.  
Характером ты с молодости стоек,  
Не балован судьбою, ею бит.  
Зимою в холод ты морозил руки,  
Частенько гнул тебя радикулит.  
Был одержим в трудах, не ведал скуки,  
И на прораба иногда сердит.  
Бессменный наш товарищ и учитель  
Всегда шел впереди, мы за тобой.  
Наш бригадир, наш кормчий, вдохновитель,  
Ты на работу вел нас словно в бой.  
То ли фронты, то ли еще чего-то,  
И термины почти как на войне.  
Твоя бригада, взвод, участок, рота,  
За их дела ответственен вдвойне.  
Тебя работа с детства воспитала,  
А в пятом классе ты осиротел.  
Война, и твоего отца не стало,  
Попал фашистам в лапы под расстрел.  
И комсомол позвал, и нет сомненья,  
И Дон, и Жигули, и Волга-мать.  
И не менял ты своего решенья,  
С детства мечтал строителем ты стать  
А сколько сил, энергии, уменья  
Отдал на благо Родины, служа.  
Станут тобой гордиться поколенья,  
Твореньями твоими дорожа.

## МЫ БЫЛИ ТАКИЕ, КАК ВСЕ

Бригада Владимира Тимофеевича Олексеенко состояла из кадровых строителей-мастеров своего дела. Рабочих различных профессий: плотников и бетонщиков, арматурщиков и сварщиков, монтажников и стропальщиков, участвовавших в строительстве многих объектов, в том числе ГЭС, химических, металлургических и других предприятий, промышленных и гражданских.

Дела коллектива были на виду и на слуху жителей города, тогда еще Ставрополя, а сейчас уже в Тольятти. И это было именно так. К нам на стройку частенько наведывались журналисты из газет, радио, телевидения. Фоткоры, художники, партийные и комсомольские работники, артисты кино, поэты и эстрадные певцы.

Конец марта с его распутицей застал нас, строителей, врасплох. Дорог практически не было. Были, так сказать, подъездные пути к объектам, представляющие собой сплошное месиво из глины, которое монотонно чавкало под ногами, присасывало обувь, наматывалось на колеса автомобилей.



В этой грязи можно было без труда оставить резиновый сапог и приходилось звать кого-нибудь на помощь. Слой чернозема, толщиной до метра, был снят по всей площади строительства мощной техникой заранее, вывезен за пределы площадки, и там он возвышался огромными черными отвалами в полутора километрах юго-западнее от объекта.

Понедельник, начало трудовой недели. Сырое дождливое утро с порывами холодного ветра. Наша бригада вела работы в котловане по устройству фундаментов будущих цехов КВЦ. С утра пришли лаборанты с журналами прогрева бетона. Дали добро на демонтаж опалубки. После чего мы незамедлительно приступили к этому делу. Сняли утеплительные маты, набитые шлаковатой, с основания фундаментов. Затем стали демонтировать крепеж (стальные хомуты) из двутавровых балок и швеллеров, снимали куски рельс, выбивали кувалдами металлические клинья из проушин. Отдирали деревянные щиты ломами, подавали их краном наверх на монтажную площадку для ремонта и последующей сборки следующего фундамента. Опалубка, как правило, проходила пять-шесть циклов бетонирования.

Закончили работу на одном из фундаментов. Фундамент представлял собой этакого исполина высотой до шести метров и являлся постаментом под будущий каркас цеха, объемом железобетона кубов на тридцать с пустотелым стаканом сверху, в который в дальнейшем монтировалась железобетонная колонна.

Дождь продолжал моросять, его капли попадали на оголенное тело фундамента. Фундамент, еще горячий от электропрогрева, парил, дышал теплом, дурманил запахом свежего цемента. Мы прятались от дождя за ним, как за стеной, встав с подветренной стороны, грели ладони, сушили рукавицы. Курили, тихонько переговаривались между собой, обмениваясь новостями. И вдруг стали невольными слушателями диалога, который вели между собой наш бригадир и один из членов коллектива, стоящие на бровке котлована.

Мы наблюдали за ними снизу, прислушиваясь к их разговору. Бригадир оттягивал, так сказать, материл Валерку Мордвинцева, нашего ведущего сварщика. А Тимофеич был мастером «красного словца». Большая школа жизни за его плечами позволяла ему делать это. Жестикулируя своими мозолистыми ладонями, размахивая руками, бугор повторял то и дело: «Это тебе не химзавод, а ударнаястройка! Партия доверила нам такое ответственное дело, такой объект! Придется тебя отправить обратно на «химдым», ниухай там газы...»

Тимофеич был жилист, роста выше среднего. Валерка, на голову выше него, выглядел этаким великанином. Природа не поспускалась, одарив его ростом. Он был костист и широк в плечах. Я успел подружиться с ним, поскольку он был из города Сызрань,

где прошли мои лучшие студенческие годы. Оттуда я призывался в армию. Валерка был мне симпатичен, я уважал его за профессиональное мастерство, рассудительность и доброту. Он никогда не бросал слов на ветер. И мне сейчас его было искренне жаль.

А суть была в том, что Валерка опоздал на работу на полтора часа, потому что только сегодня утром выехал из Сызрани, где гостили у родителей. Два дня гулял на свадьбе у племянницы, перепил, поэтому в воскресенье не смог вернуться в Тольятти. От него несло перегаром за версту. Бугор, находясь в гневе, нецензурно выражался, стыдил его, не допуская к работе. Валерку с похмелья мстило и трясло, хотя он перед отъездом и хватанул стакан первача, пытаясь «подлечиться», но тем самым только усугубил свое состояние, находился в меланхолии, смутно чего соображая. По-волжски окал, хрюплю басил, заикался и дрожал. Прорыдал у бугра прощения, уважительно повторяя раз за разом: «Тимофеич, Тимофеич, да ты же меня знаешь, не губи, я же никогда не подводил. Ты мне как отец родной. Прости великодушно, ради Бога». И вот, наконец, после десятиминутной промывки мозгов, сердце бугра смягчилось, и он, сменив гнев на милость, по-командирски произнес: «Бог с тобой! Бери лопату с плоским концом, скобли щиты, пропотей! Приду, проверю, после работы еще поговорим. Да смотри мне, чисть доски как следует, чтоб блестели, как у кота, сам знаешь что...». При этом ухмыльнулся, довольный собой.



Бригадир спуску не давал никому, работа для него была дело святое. Рано лишившись родителей, воспитывался в детдоме. Затем — ремесленное училище в Днепропетровске, и по путевке комсомола семнадцатилетним пареньком попал на строительство Цимлянского гидроузла, а затем в 1950 году — на стройку Волжской ГЭС имени Ленина, где получил железную закалку и волю к достижению цели. Выработал в себе организаторские способности, овладел рядом смежных профессий, дорос до бригадира, заслу-

жил за добросовестный труд на строительстве Волжской ГЭС орден Ленина.

И только бугор закончил свой монолог, как где-то рядом послышался голос прораба Солдатова, показавшегося из-за крана с двумя незнакомыми мужчинами:

— Тимофеич, принимай гостей!

Бригадир от неожиданности кашлянул, перевел дух, как бы приходя в себя, бодро ответил:

— Гостям всегда рады!

— Знакомься, это писатель Геннадий Аркадьевич Гулин, а это фотокорреспондент областной газеты «Волжская Коммуна» Игорь Смолин из города Куйбышева. Их к тебе прислал сам Николай Федорович Семизоров. Он следит за твоими делами еще со времен строительства ГЭС.

Тимофеич оглядел гостей, подал руку каждому и дружелюбно произнес:

— Мне и угощать-то вас нечем, да и до бригадного вагончика добраться, что подвиг совершить. В этом вы, наверное, и сами убедились.

А это было именно так, как впоследствии писал Г. Гулин в одном из своих очерков: «Техника большей частью и ноги строителей, чemu еще способствовали весенние дожди да стаявший снег, так перемесили глину, что в нее в пору хоть солому добавляй и делай саман».

Писатель Вятский, а это был псевдоним Геннадия Гулина, ответил:

— Да вы не беспокойтесь, Владимир Тимофеевич, мы у вас много времени не отнимем. Расскажите о людях, о планах, о делах. Какие у вас на сегодняшний день проблемы, задачи, перспективы? А Игорек пока поснимает.

С этими словами Геннадий Андреевич достал блокнот, стал неторопливо делать в нем какие-то пометки, задавая бригадиру вопросы, на которые тот кратко отвечал, будучи привыкшим к общению с писательской братией. Тимофеич назвал фамилии передовиков, не забыв отметить и нас, комсомольцев, прибывших на стройку по зову сердца после службы в рядах Советской Армии.

Увидев, что прораб Солдатов удалился по своим делам, Валерка вышел из-за крана. И Вятский тут же обратил внимание на Валерку, который смотрел на них. Стоял, сутулясь, под моросящим дождем, склонив голову набок.

— Тимофеич, а это что за орел? — обратился Вятский уже по-приятельски к бригадиру, будто бы давно был с ним знаком.

— Да это наш ведущий сварщик-паспортист Валера Мордвинцев, мастер огненного шва.

Валерка машинально сдернул с правой руки брезентовую рукаицу и, как нашкодивший школьник, зачем-то полез пальцем в нос, смущаясь и отводя глаза в сторону. В этом дождливом туманном утре Валеркина фигура напоминала нахолившегося орла-стерьятника перед броском на жертву. Его брезентовая куртка задубела от дождя, на голове блестел синий плотный, с утеплителем внутри, стеганый матерчатый шлем, с белой тесьмой ото лба к затылку. Брезентовые брюки торчали колом. В левой руке Валерка прятал от дождя самокрутку, так называемую, козью ножку. И только было хотел писатель у него что-то спросить, как находчивый бригадир произнес следующее:

— Он у нас пока в резерве, ждет своего часа. Ему предстоит сварка ответственных конструкций и, чтобы не натрудить рук, он пока к этому готовится, так сказать, настраивается морально к выполнению работы.

Валерка с трудом сдерживал в себе похмельную дрожь, его мутило, бросало то в жар, то в холод. Пальцы рук тряслись и, чтобы не выдать себя, он втягивал кисти рук в рукава брезентухи. Вятский уважительно произнес:

— Каков герой, какая силища, да такой богатырь без труда может двумя пальцами согнуть пятак!

Валерке лестно было услышать о себе такую похвалу. Он выпрямился, изменился в лице, гордо стоял с высоко поднятой головой. В эти минуты от умиления, гордясь собой, но в большей степени бригадиром, ответил:

— Да мы с Тимофеичем, посчитай, как шесть лет уже вместе. — И от нахлынувшего чувства шмыгнул носом.

Вятский задумался, минуты две молчал, затем, похлопав себя по карманам, вытащил серебряный трофеинный портсигар. Щелкнул крышкой, стал всех угождать болгарскими сигаретами «Шип-ка» и, закурив, произнес:

— Да он у вас как музыкант-виртуоз, к своему стыду я и не знал, что у нас на стройке есть такие мастера своего дела. Просто виртуоз Давид Ойстраз! Да орел, право слово, орел!

Бригадир улыбнулся, лукаво пряча глаза, еле сдерживая себя от смеха, довольный своей находчивостью.

Да, мы были такие, как все. Правда, время было другое. Труд более ценился, и человек труда на этом фоне был более заметен и уважаем.

\*\*\*

Сняться до сих пор видения,  
Хорошо, не привидения,  
Как спасали котлован,  
Как топило «Пассаван».

Бились мы за главный корпус,  
Но о том отдельный опус.  
И в морозы, и в жару,  
Под дождем и на ветру.

Называли стройкой века  
Все во имя человека.  
Ну, и что не говори,  
Все трудились до зари.

Все для родины моей  
У подножья Жигулей.  
И три года срок не малый,  
Знал об этом каждый малый.

Скажите: «Хватил я лишку  
И о том читал я книжку.  
Пресса, радио, кино —  
Это было так давно.

Сорок лет прошло уж боле,  
Как десант был в чистом поле.  
И с метелью, и с пургой  
Повенчали ВАЗ с тобой».



## НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Осень 1967 года была на редкость дождливой. К концу октября начало холодать. Строительство «нулей», как принято говорить, подходило к концу. Это были мощные фундаменты корпусов, которые несли на себе всю нагрузку, включая вес колонн, ферм, плит перекрытия, фонарей, а также вес мостовых кранов. Этот корпус КВЦ, был завод в заводе — по-другому, цех оснастки. Цех имел уже свои очертания, занимал внушительную площадь, находился на северо-западе от главного корпуса.

К началу октября в одном из его частей были выполнены земляные работы под устройство мощнейших фундаментов вентиляционных камер «Атлас». С каждым днем все резче холодало, сроки поджимали. По этой причине часть нашей бригады была переброшена на этот объект.



Помню, была суббота 30 ноября 1967 года. С утра стоял мороз градусов под двадцать, мы периодически грелись у костра, сложенного из отходов опалубки и кусков бревен. Искрясь, сыпался небольшой снежок. Была обычная, как и всегда работа. Ничто не предвещало беды. Мы щутили, кто-то рассказывал анекдоты, молодежь о женщинах крутые, с сальностями. Кто постарше, вели разговоры о детях, о семейных проблемах, о тещах и их сложных характерах. Наш стропальщик, балагур Колька Зайцев, зацепился за эту тему и тут же выдал анекдот про тещу. Дело было в деревне. Идет процессия, хоронят женщину. За гробом мужчина ведет на веревке рогатого матерого козла. А за ним —

большая процессия, полдеревни, и все — мужики. Навстречу едет мужчина из соседнего села. Его удивило это странное шествие. И он спросил у хозяина козла: «Зачем здесь козел, с какой стати?». А тот ему в ответ: «Этот козел забодал мою тещу, вот ее и хороним». Мужик ему: «Слушай, дай мне на время твоего козла, может, он и мою тещу забодает. А то от нее житься нет, всю плешь переела». Хозяин в ответ: «Я бы дал тебе его, да видишь, какая за ним очередь!» Посмеявшись, мы вновь приступили к делам. Накаркал Зайцев нам беду своим анекдотом. Нужно ж было случиться этому! И не раньше и не позже, а именно в то время, когда мы собирались здесь всей бригадой.

У самого торца корпуса с внешней его стороны проходила грунтовая дорога, по которой раз за разом сновали автомашины, груженые бетоном, суглинком, строительными материалами. Где-то невдалеке ухали крановые трамбовки, уплотняя грунты, бросая с высоты пяти-шести метров металлический цилиндр, заполненный бетоном, весом не менее трех тонн. Вот эти дуры и били с утра и до вечера, сотрясая окрест всю землю.

Бетонная плита под вентиляционную камеру имела размеры двенадцать на восемнадцать метров, толщиной около метра. На этой плите мы с утра занимались устройством каркаса под дальнейшую установку опалубки, а затем бетонирования, стен и перекрытий венткамеры. Каркас состоял из отдельных стержней арматуры толщиной от двадцати восьми до сорока миллиметров, различной конфигурации. В совокупности каркас имел значительный вес. Не знаю, по какой причине в тот день крана у нас не оказалось. Бригадир принял решение выставить каркас вручную по осям. По бетонной поверхности сделать это было несложно. Я пишу об этом подробно, вновь переживаю этот случай. Иногда работы строителей и монтажников была сопряжена с определенным риском для жизни.

Временами из-за спешки, головотяпства или иных стечений обстоятельств, которые невозможно было все учесть и предусмотреть, происходили ЧП. И так по команде бригадира, а дело двигалось к обеду, начали выполнять данную работу. Бригадир с утра обрадовал нас, сказав, поработаем ударно и работу закончим пораньше! Мы обступили каркас со всех сторон и по его команде, кто ломом, кто куском арматуры стали надвигать каркас на оси, выполняя команду: «Раз-два, взяли! Раз-два, взяли!» Я стоял между каркасом и стеной грунта, который не имел откосов. Как потом выяснила следственная комиссия и отразила в своем акте. Что-то в свое время помешало их выполнить — то ли дорога проходящая рядом, то ли не вписывающийся фундамент, и пришлось срезать откосы отвесно до самой подошвы. О том расскажу позже. Так вот, по команде «раз-два, взяли!» двигали каркас сантиметр за сантиметром. Все наше внимание было сосредото-

чено на рабочем процессе. Мы видели друг друга, находясь с четырех сторон по периметру, слушали команды бригадира, тотчас их выполняя. Вдруг дикий крик нескольких мужских голосов взорвал воздух: «Берегись!» Я резко обернулся вправо, мне показалось, что опасность исходила оттуда. И первая мысль, которая пришла в голову — наверное, сорвалась с дороги грузовая машина и летит вниз на нас. Я потерял сознание... Мне снился сон, будто я в гостях у моей любимой тетушки Клани и остался у нее ночевать. Лежу на русской печи в жаре и духоте. Не пойму, где я. Начинаю просыпаться, но не могу сообразить, как мне слезть с этой печи. Трогаю стены, вокруг — тупик. И здесь я осознал, что случилось что-то неладное, что это совсем не пень. Стал кричать, взывать о помощи. В тот же момент услышал шум и крики рядом с собой. Мне стало легче дышать. Ребята освободили от навалившихся глыб мерзлого грунта, затем оттащили на откос, уложив на снег. Из носа текла кровь. Я периодически прикладывал к нему горстями снег, невольно наблюдал за происходящим. Голова кружилась и болела, мои товарищи с дикими криками и воем, с неимоверными усилиями ворочали глыбы грунта, откапывая других пострадавших.

Следующим спасенным оказался Дима Марычев. Его освободили быстро, чуть живого. А вот Виктору Сухову уже ничем нельзя было помочь, его всего искалечило глыбами, до смерти. Осталась жена и девятилетний сын, которому сейчас, наверное, лет шестьдесят.

Дима пролежал в больнице около полугода с диагнозом трещина позвоночника. Я провалялся месяц с ушибами и травмами рук и головы, находясь на амбулаторном лечении.

Причина несчастного случая была в том, что осень была очень дождливая, затем резко похолодало. Это привело к замерзнанию вертикального пласта грунта. Работающие крановые трамбовки с такой силой били грунт, что сотрясалось все окрест. А когда несколько из них стали бить в раз, то от их удара пласт земли начал отслаиваться. Накануне выпал снег и поэтому трещины никто не заметил, а она уже была. Стена грунта под собственным весом стала клониться в сторону котлована. Неожиданно за какие-то доли секунды стала падать, крошить и ломать на своем пути арматуру и людей.

Несчастный случай имел большой резонанс. А за все периоды строительства всевозможных ЧП было не мало. Случайность? Может, и случайность. Стечение обстоятельств? Может быть, и так. Но есть философский постулат из теории случайностей, который гласит: случайность есть проявление и дополнение необходимости. И все эти факторы при определенных стечениях обстоятельств собираются в совокупности, и наступает, образно говоря, катаклизм. После несчастного случая нас тут же перевели на

другой объект, на главный корпус. На выполнение бетонных работ фундаментов третьей вставки.

\*\*\*

А память тревожит мое сердце,  
А времени река волнует душу мне.  
Порой уносит в безоблачное детство.  
Живу я в грезах, будто бы во сне.  
А времени река бурлит потоком.  
Надежду подает твоя рука.  
Послужит прошлое жестоким мне уроком.  
Любовь и нежность вынесет река.  
И тянет память неотразимо в юность.  
Шумит потоком разлучница река.  
В глазах я вижу грустинки мудрость.  
И слышу голос я лесного ручейка.  
Нас утешают душевые молитвы.  
А годы уплывают необратимо чередой.  
Хоров церковных божественные ритмы.  
И ангелов дыханья слышу за спиной.  
От безутешности порою волком вою.  
С годами понимаю — жизнь одна,  
А ветерок шальной закружит нас с тобою.  
И из пучины грусти вынесет волна.

Месяца через два я ради любопытства побывал на том месте. Искореженная арматура, глыбы мерзлой земли — все говорило о последствиях аварии.



И тогда я подумал: опытнейшие строители, знатоки своего дела, и никому в голову не пришла мысль, что здесь может существовать опасность, а все оттого, что простые рабочие не задумываются о предстоящем деле, все выполняют автоматически, куда бы начальник их ни послал, все дано на откуп бригадиру или мастеру. Тот все знает, все может, все видит. Вот он принцип единонаучалия, а моя хата с краю. Поэтому так и получилось. По данному случаю расследование велось более полугода, состоялся суд, виновные понесли наказание. Вина каждого была определена и доказана. Инженер по технике безопасности, старший прораб и бригадир были осуждены условно на разные сроки. Суд смягчил их вину, признав, что все улики против обвиняемых косвенные, каждый в содеянном раскаялся. Все произошло без злого умысла. Работа дальше шла своим чередом, никто не был уволен.

Ничто не могло затормозить ход стройки, даже отдельные трагические случаи, как наш. На карту был поставлен престиж страны. Сроки строительства были превыше всего.



## ЕЩЕ НЕМНОГО ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ



Не удержусь от соблазна, самолюбие или внутренний голос, или еще чего подсказали мне взять в руки тонкую книжицу Валерия Яковлевича Романюка, вышедшую в Куйбышевском книжном издательстве в 1969 году. Повествующая о делах строителей, являясь в какой-то мере летописью славных дел строителей «Куйбышевгидростроя» и «Автозаводстроя» в частности, книжка называлась «Только тысяча дней» — само название говорит за себя.

В одном из ее рассказов идет речь о герое этой ударной стройки — бригадире Владимире Тимофеевиче Олексенко и его бригаде. А рассказ называется «Рабочая карьера». Вот одна из выдержек из книги:

«Комплексная бригада тов. Олексенко В.Т. строила Волжскую ГЭС, Куйбышевский химический завод, Тольяттинскую ТЭЦ. В феврале 1967 г. в числе первых начала возведение корпуса вспомогательных цехов автозавода. Бригада Владимира Олексенко соревнуется с бригадой Петра Кузьмина из «Магнитостроя», сооружающей стан проката металла «2500», — запись в книге бригадной славы».

Вот еще одна выдержка:

«В тот день после долгой борьбы с начальством Олекseenко «выбил» двое саней досок свежего распила. Их желтая, чуть шероховатая поверхностьпряно отдавала смолой. Я слушал, как поют гвозди под молотками Юрия Стадникова, Владимира Честнова, Василия Трубчанинова. На глазах рождался щит, гладкий и широкий. Работалось весело, хотя многие остались сегодня без обеда, на разряд сдавали. Стадников на четвертый вытянул, Трубчанинов — пока на третий.

- Кто задавал самые трудные вопросы?
- Тимофеич...

Я очень волновался за ребят. Но ведь экзамен, есть экзамен. Послабление тут — потом в работе... А так без обмана».

И снова выдержка из книги:

«К вечеру Олекseenко готовил своим ребятам «гостинец» — бригадное собрание. Повестку сформулировать затруднялся. Как бы это сказать? Замечаю, в последнее время какие-то группировки в бригаде, вроде — это вот моя работа, а та — твоя. Другой раз забудешь что-либо смене передать — и пробел. Не просидят без дела, но я же вижу, не так сработать смогли бы».

«Мне очень хотелось попасть на это собрание — пишет В. Романюк. — Но Олекseenко неожиданно запротестовал: — Испортишь, а люди должны выговориться...

Часа через два мы ехали последним автобусом по степи. Я видел, что бригадир довolen и взъярен.

- Получилось?
- Угу... — прячет улыбку в крепкой затяжке.

Весь вечер Олекseenко писал письмо. С позволения Владимира Тимофеевича привожу его полностью:

Челябинская область, «Магнитострой»,  
строительство стана «2500».  
Бригадиру комплексной бригады  
П.Я. Кузьмину

Дорогой Петр Яковлевич!

Вот уже несколько месяцев соревнуются наши бригады. Вы писали, что не подведете, что стан «2500» выдаст стальной лист для волжских автомобилей в срок. На днях в многотиражке «Магнитостроя», которую мы получили, я увидел Ваше имя в числе передовиков соревнования. Хочу рассказать о наших делах-заботах. Весь месяц работаю на подвалах. Много приходится вязать арматуры, укладывать монолитного бетона. В последнее время особенно напряженно, мы перешли на непрерывную неделю. Теперь ребята мои отдыхают по скользящему графику. Конечно, реже встречаемся всей бригадой, а мне как бригадиру добавилось забот и тревог. Вот этого объяснять не надо.

Между прочим, Ваши посланцы из Магнитогорска — Алеша Быков, Володя Честнов и Василий Трубчанинов — стали уже отличными строителями. Честно говоря, когда я получил от них письмо с просьбой принять меня в свою бригаду, растерялся. Рабочие руки стройке нужны, но ведь снимать с насиженных мест, люди ждут лучшего впереди. А у нас и работа нелегкая, и зарплатки самые обыкновенные, да и с квартирами пока что тугу. Вот у Юры Стадникова сын родился, радость, но живет пока на частной квартире, по чужим половицам ходит. Обо всем, как есть, ребятам отписал. А они как получили письмо, так все и прикатили. Сегодня все трое сдали на разряд.

Вот так мы живем...

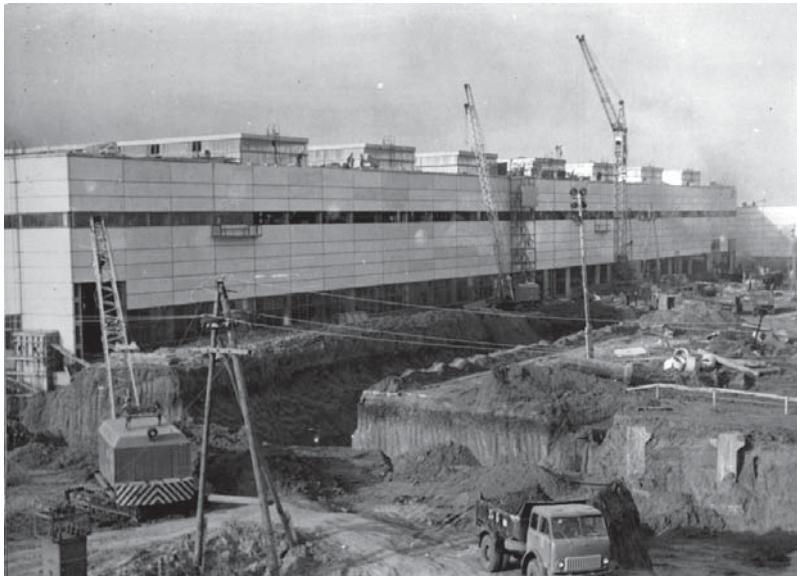
Для многих строителей, особенно для молодежи, строительство Волжского автомобильного завода послужило большой школой. Но были и такие, которые не выдерживали трудностей и возвращались домой. Много воды утекло с тех пор, кого-то уже нет в живых. Стройка ВАЗ продолжается и по сей день. Реконструируются некоторые корпуса, строятся новые, но уже другими людьми, другими строителями и по другим технологиям. А те строители, мои друзья, с которыми я работал рука об руку в далекой молодости, затерялись по дорогам судьбы.

Кто-то после окончания стройки уехал домой, кто-то продолжал искать счастья в других местах Союза, на других стройках, кто-то поменял прежнее место жительства. Лишь наша память, память оставшихся ветеранов, хранит в себе незабываемые грандиозные картины тех далеких дней. Сегодня, наверное, не найдешь ни одного жителя Тольятти, равнодушного к судьбе ВАЗа. Без содрогания нельзя слышать и видеть, что творится на сегодняшний день на нашем отечественном Автогиганте, как закрываются производства, демонтируются станки и оборудование. Людей в прямом смысле этого слова выбрасывают на улицу. Человек труда стал никем, а коллективом командуют варяги, прибывшие к нам из-за рубежа, которые не знают русского языка, не знают наших обычаев и традиций. Им никогда не понять русской души.

Доколе, братцы, мы будем безвольно смотреть на происходящее? Ведь завод мы строили для выпуска всенародного отечественного автомобиля, доступного человеку со средним достатком. В конечном итоге это богатство является наследством наших детей, наших внуков и правнуоков, а не кучке иностранцев. «Руки прочь от ВАЗа» — сейчас бы так, во весь голос, сказала бригада кавалера двух орденов Ленина Олексеенко Владимира Тимофеевича.

\*\*\*

В колонне яркой с гордостью, с достоинством  
Стоял, о клюшку опершись, стариk,  
Как генерал, застывший перед воинством.  
Команду «марш» донес вдруг резко крик.  
И барабан ударил враз с литаврами,  
Нахохлился у лужи воробей.  
И голубятник, резко хлопнув ставнями,  
Поднял над крышей свистом голубей.  
Играет ветер бантами и флагами,  
Трепещет сердце ласточкой в груди.  
Шары умчались в облака варягами,  
Не торопи нас время, погоди.  
Шагал рабочий, крестьянин, учитель,  
И все ногою попадали в такт.  
Явился вдруг Иуда — разрушитель,  
Страну поставил наперекосяк.  
Пуста дорога, куда взгляди не кинешь,  
Пред Господом и Родиной в долгу.  
И перед ними шапку уж не снимешь,  
На площадь ту я больше не приду.  
Всему пришел конец, невзрачный финиш,  
И в эту воду снова не войдешь.  
И из чехлов знамен у же не вынешь,  
В колонне той уж больше не пройдешь.



## СНОВА ОБ ОШУРКОВЕ



Время шло. Вовка по-прежнему продолжал рассекать на своем автомобиле марки ФИАТ-124. Где бы он на нем ни появлялся, всегда был в центре внимания мужской братии. Особенной популярностью в Комсомольском районе пользовалась пивнушка, которая находилась рядом с восьмым магазином, недалеко от парка. Так назывался в то время небольшой продуктовый гастроном. Оттуда и пошла побасенка, если помните. Одна из продавщиц, отпуская очередному покупателю сыр, завернула его в бумагу, впопыхах не разглядев, что ее сменщица написала на ней: «Маша, сметану не разбавляй, я ее уже разбила». Продавщицу звали Лидой. Это небольшой эпизод из прошлого. Мы частенько подъезжали с Вовкой к пивнушке, с одной или двумя трехлитровыми банками в руках. Банка пива стоила тогда недорого, всего 1 рубль 12 копеек. Пиво было качественное, бочковое Жигулевское.

Пока мы стояли в очереди, мужики ощупывали автомобиль, как девицу, Заглядывали в салон, в багажник, под днище. Восхищались, надеялись, что в недалеком будущем у них будет свой автомобиль, похожий на этот. Рассуждали о его стоимости. Вовка был горд и весьма популярен, рассказывая о технических характеристиках ФИАТА. К тому времени он сумел изучить все его сильные и слабые стороны. Рассказывал об Италии, о Турине, о концерне ФИАТ. Вовка совсем недавно вернулся оттуда из командировки. Мужики слушали его рассказы, раскрыв рты, жали ему руку. А мы довольные, набрав пива, отправлялись восвояси, на живописный берег Волги в дубовую рощу. Там Вовка снимал

угол в одном из бревенчатых старых домов. Иногда под насторонение прихватывали по пути бутылочку «Русской». Жены ждали нас с нетерпением. Импровизированный стол был накрыт, начинавшаяся трапеза под щебетание птиц и под многоголосие пароходных гудков. Мы сидели на толстых березовых чурбаках под развесистым дубом, за примитивным, грубо сколоченным, столом. Допоздна тянулись беседы, впереди — выходной, можно было расслабиться. Нам было легко и весело, без особых забот и проблем. Вся жизнь у нас была впереди. Наслаждались любимым напитком, шелушили вяленную сорожку, строя планы на будущее.

По весне профком выделил нам землю под картошку. С южной стороны главного корпуса в районе шестой вставки. На две семьи мы взяли четыре сотки. Земля была жирная, сплошной чернозем — целина! Дружно отсеялись. В течение лета несколько раз пропалывали и окучивали ее. Дождливое лето способствовало хорошему урожаю. К концу сентября картофель решили копать.

Копали в субботу, под выходной. Приехали на участок с лопатами, ведрами и мешками. Работа затянулась. После обеда стал накропывать дождь, который скоро перешел в ливень с грозой. Дождь был теплый, чтобы не намокнуть решили его переждать. Забрались в автомобиль. Перекусили, чем Бог послал. Невдалеке на высоких деревянных опорах проходила высоковольтная линия электропередач. Молния била рядом, пугая нас своими вспышками. Мы сидели, притихшие, как мыши. Здесь-то Вовка и блеснул своей удачью. Выскочил в трусах под ливень, а в момент удара молнии засунул два пальца в рот, лихо засвистел, по-разбойничьи. Мы недоумевали, зачем он это делает. Вовка объяснил, что существует поверье, если свистеть в момент всплеска молнии, то молния не ударит в это место.

Переждав грозу, мы собрали картофель в мешки. Набралось двенадцать мешков, около шестидесяти ведер. Погрузили в машину, отправили в Комсомольск. Первым рейсом восемь мешков. Второй — оказался по грузоподъемности самым мощным.



В ФИАТе, разместились мы, четыре взрослых человека, да оставшаяся часть картошки. Здесь и убедились в прочности и надежности его узлов. Водитель гнал автомобиль до стука отбойников, нисколько не жалея машину, испытывая ее на прочность. В этом состояло его служебное задание, гонять машину на износ.

Наша дружба с Вовкой продолжалась до самого окончания строительства.

После сдачи третьей очереди встал вопрос о строительстве завода-спутника. Завода генераторов и стартеров, с разработкой и выпуском электромобилей. Генераторы и стартеры необходимы были для завода, а электромобили — для внутризаводских перевозок мелких грузов. Автомобиль был экономичен, не требовал горючего. Удобен в эксплуатации, экологически безвреден.

Как опытный испытатель, Вовка получил новую модель пробного электромобиля, пересел на него с ФИАТА. Эта модель представляла собой, двухместный, открытый автомобиль без кабины. С облегченными трубчатыми дугами, закрывающими водителя и пассажира в случае опрокидывания. Вовка испытывал его до зимы, до морозов.

\*\*\*

Солнца луч и стая рыб — меж камней журчит вода.  
Пень трухлявый, словно гриб, вновь поманит нас сюда.  
Воздух свеж и берег пуст, и слезинкою вода.  
Над водой ивовый куст, корень — словно борода.

Звонко бухает тритон, лягва, выпучив глаза.  
И валун в воде, что слон, синь и неба бирюза.  
И застыла палкой щука, на камнях утенок спит.  
Прошуршит в кустах гадюка и осой комар зудит.

Раз за разом: «Синь кафтан», — птаха вторит в тишине.  
И кукушка где-то там отсчитает годы мне.  
Нет на Волге краше места: лилий желтых пестрота,  
И ольха, будто невеста — из сережек вся фата.

А в воде играют блики, солнца яркого лучи.  
Облака, что божьи лики, в дружном гомоне грачи.  
И природа словно дремлет — оголила наготу.  
Звон церквей манит и внемлет, слышно даже за версту.

Гоним годы, гоним время, а в кармане пустота.  
И забот нас давит бремя — постоянно маята.  
Мы бежим, не замечая, под собой не чуя ног,  
Красота вокруг такая — ее, видно, создал Бог.

## О МОЕМ ЗЕМЛЯКЕ ВОЛОДЕ КАРЦЕВЕ

С Володей мы познакомились в политехническом институте, учились в одной группе. Он пришел к нам переводом, окончив два курса Ростовского инженерно-строительного института. Разговорились, оказались земляками. На стройку приехал по комсомольской путевке с Кубани, работал электриком в «Волгоэлектромонтаже». Заработка плата у него была не ахти какая. Нам же закрывали наряды по девять рублей на день, по аккордно-премиальной системе. Мы работали на сдельщине. Он получал значительно меньше, сидел на повременной оплате.

Жили мы в старом городе, в соседних кварталах. Скоро подружились, бывая друг у друга в гостях. Володя был помоложе, только что из армии. Голова у него была посвежее, с аналитическим мышлением. Он хорошо разбирался в математике, электротехнике, учился, как и я, «без хвостов». Вскоре, по его просьбе, я оформил ему перевод в наше строительное управление, взял в свою бригаду слесарем-монтажником по четвертому разряду. Ребята сначала относились к нему ревностно — без года неделя в коллективе, а уже с бугром на одной ноге. Бессспорно, я Володю приблизил к себе, увидев уже тогда в нем недюжинные организаторские способности. Главное, человека вовремя заметить, развить его качества. Владимир во многом отличался от других членов бригады, был вдумчивый, рассудительный, толковый рабочий. В скором времени ребята пошли за ним, зауважали.

Работали мы на базе УМТС ВАЗ. А до нашего строительного городка было почти два километра — не набегаешься. Володя подал идею провести телефонную линию с участка до нашего объекта. Запараллелили мы их телефон и стали решать вопросы более оперативно. Володя оказался исполнительным, старательным работником, но опыта в строительном деле у него было пока маловато. Я поручал ему лишь ту работу, с которой он был уже знаком, которую сумел освоить. Всю геодезию я отдал ему: нивелировку фундаментов, планировку поверхностей, нанесение отметок, выполнение эскизов и схем.

Практика подсказывала мне постоянно, и это со временем я стал сам замечать: где тонко — там рвется; не проверишь, не убедишься сам — опять впросак. У меня во всех делах со временем выработался свой принцип, как говорят: доверяй, но и проверяй.

Завершалось строительство ПТО. Мы вели работы внутри административно-бытового помещения. Монтировали подвесные потолки и межкомнатные перегородки. Варили металлоконструкции, направляющие, а по ним затем заполняли перегородки стеклопакетами с резиновыми прокладками. Стеклопакеты от длительного хранения на складе покрылись пылью и грязью изнутри и снаружи. Стеклопакет представлял собой плоскую пустотелую

стеклянную трубу шириной тридцать и толщиной десять сантиметров. Пыль снаружи смыть не было проблем. Внутри — посложнее. Длина его была около четырех метров. Мы и здесь нашли выход. Подключили к гидранту пожарный рукав с брандспойтом и струей воды мыли эти стеклопакеты, как изнутри, так и снаружи.

Перед началом работы прораб проинструктировал звено Володи Карцева по технике безопасности, так как старшим я назначил его. Рабочие расписались в журнале. Работа со стеклом со пряжена с долей риска, стекло само по себе хрупкое, да и стеклопакеты от длительного хранения имели невидимые глазу микротрещины. Мы с прорабом предусмотрели все и выдали на каждого рабочего по три пары брезентовых рукавиц, категорически запретив им работать раздетыми, а только в спецовках и брезентовых рукавицах.



Но, как гласит пословица, «на грех и грабли стреляют». Мылимыли хлопцы стеклопакеты, расслабились, рукавицы намокли — а ну их, в баню! Голой рукой легче.

Тонкостей не помню. Как было дело, наверное, Вовка взял стеклопакет за середину, на перелом, он у него в руках и треснул. Порезал сухожилия двух пальцев на левой руке.

Халатность, спешка, нарушение правил ТБ привели к несчастному случаю. Володя две недели лежал в больнице и еще больше месяца болел. Ну что здесь скажешь! И обидно, и досадно, и неприятно.

Вот она, надежда на «авось».

Техника безопасности, иными словами, работа без травматизма, была одним из показателей в подведении итогов соцсоревнования. Бессспорно, больше всего пострадал сам Володя. Пальцы срослись, но кисть не скималась, сухожилия были перерезаны. А причина вся та же — русский «авось».

После окончания строительства Володя ушел на комсомольскую работу. И до самой перестройки работал инструктором в Тольяттинском горкоме КПСС.

\*\*\*

Прет полоса невезенья,  
Снова в овчинку мой мир!  
И к моему сожалению  
Нету божественных лир.

Постно в душе моей, грязно,  
Нечем ее мне отмыть.  
Содой ли мылом — не важно,  
Чем же ее отскоблить?

Или совсем мне смириться  
С этой злодейкой-судьбой?  
Или слезою умыться,  
Иль родниковой водой?



## ДАЛЬШЕ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Вновь созданные комплексные механизированные бригады работали в три смены. Работы было невпроворот. Подтягивались все новые и новые силы, привлекались специалисты из других республик и областей. Автогигант строила вся страна. Главный корпус, согласно проекта, имел восемь вставок. В них, по технологии, сосредотачивалась технологическая начинка, поддерживающая жизнедеятельность всех цехов: электроснабжение, вентиляция, теплоснабжение, подача масел, удаление отходов производства и тому подобное. Вставка имела ширину порядка сорока восьми метров, длиной около полукилометра, глубиной подвалов до девяти метров. Возвышалась над поверхностью земли выше пятиэтажного здания. Котлован под третью вставку был уже готов — выкопан. Суглинок вывезен за пределы площадки, уложен в огромные бурты. Грунт под основание фундаментов уплотнен.



Бригады приступили к устройству фундаментов. Согласно СНиП, допуски были не более тридцати миллиметров. Опалубки для них были более унифицированы, поступали на объект в комплекте с крепежом. Выполнены из обрезной доски толщиной до пятидесяти миллиметров, с ребрами жесткости из бруса. В летний период бетонирования, щиты с внутренней стороны обшивались жестью. Зимой с этими делами было сложнее, приходилось применять электропрогрев бетона специальными мощными трансформаторами, с напряжением на выходе двенадцать

вольт. На деревянные щиты опалубки нашивались электроды, затем путем хомутиации подключали к трансформатору. За электропрогревом круглосуточно следили электрики. Лаборанты постоянно измеряли температуру фундаментов, вели журналы учета прогрева бетона. Работы осуществлялись комплексно и были весьма ответственны. На строительной площадке постоянно находились кураторы — заказчики от фирмы ФИАТ.

К середине января морозы уменьшились. Зима с 1967 на 1968 год была снежная, что препятствовало ведению «нулевых работ». Но и здесь находили решение и выход — утепляли фундаменты войлочными матами, строили «тепляки», укрывали брезентом, ставили тепловые пушки, которые нагнетали горячий воздух, создавая дополнительный прогрев фундаментов. Снегопады создавали значительные помехи, забивали арматурные каркасы снегом. И с этой проблемой удалось справиться — применялись реактивные установки для таяния и выпаривания влаги. Для примера: морозы в декабре были так сильны, что стержни стальной арматуры звенели, как чугун, а при ударе ломались, прилипали к голой руке, как язык к дверной металлической ручке.

К весне с северной стороны главного корпуса были сооружены столовые модули. Мы наконец-то смогли избавиться от своих кусков и термосов. И теперь были обеспечены горячими обедами. Меню в столовых было разнообразным. Обед стоил не дороже пятидесяти копеек. Включал в себя первое, второе, компот и стакан сметаны.

В каждой бригаде была женщина — помощница бригадира по хозчасти. В ее обязанности входила уборка помещений, выполнение каких-то мелких поручений, занятие очереди в столовой на всю бригаду, снабжение питьевой водой в жару и т.д. Перед праздниками или другими событиями она с помощником командировала в город для закупки спиртного и закуски. Замечу, в то время и водка была настоящая. Ею никто не травился. И колбаса была из мяса, даже самая дешевая пахла колбасой, была без сои и бумаги. В дни торжеств, чубастые, вихрастые, раскрасневшиеся от мороза, мы садились всей бригадой, за накрытый стол. Заходил прораб или мастер, поздравлял с тем или иным событием: именинника с днем рождения, коллектив с праздником и т.д. Вспоминаю то время. Работали на холода. И в дождь и в снег, в жару и на ветру, но не болели. А бутылку Российской сразу разливали на троих в граненые стаканы. Жили дружно, работали с огоньком, с юмором и задором. А наши застолья доходили до песняков, с любимой песней бригадира «Шумел камыш, деревья гнулись».

В бригадной будке стоял огромный деревянный стол, где в оставшееся минуты обеденного перерыва забивали «козла». Над всем этим восседал бригадир Тимофеич, как коршун со своими белесыми бровями, белокурым вихром, хищным носом с неболь-

шой горбинкой, ноздри которого расширялись, когда Тимофеич нервничал. Сыгранные игроки делились на двойки. Особенно престижным считалось выиграть у бригадира. Костяшками били так, что стук был слышен в десяти шагах от бригадной будки. Игра шла «на высадку». Ломались костяшки. Попадались виртуозы этой игры. Били с оттягом, артистично. Приступивая локтем, с широкой амплитудой и высоким замахом. Дым стоял кромыслом, адреналин и азарт, что в работе, что в игре, что за праздничным столом. Бесхитростно, по-мужски, ловко и профессионально — так было во всех наших делах.

\*\*\*

В этой жизни мы все потерялись,  
Как огарки сгоревших свечей.  
В результате во тьме оказались  
Беспространно-кромешных ночей.

Не спаслись от огня и пожарищ,  
Сколько ран нанесла нам война!  
Этих дней не забыть нам, товарищ, —  
Хватанули мы лиха сполна.

И врага сообра побдили,  
Собрав силы в единый кулак.  
Своей кровью мы землю полили,  
Но живем, почему-то, не так.

И новаторов эксперименты  
Завели государство в раздрай.  
Не видать за текущим моментом,  
Куда движемся — в ад или в рай?

Олигархи сейчас у корыта  
Жирной лапой сгребают вершки —  
В этом соль, здесь собака зарыта,  
А народу объедков горшки.

Много лет коммунизма идею  
Мы носили в горячих сердцах.  
Гордо шли к Ильичу, к мавзолею.  
Жили просто, пусть — не во дворцах.

Были Сталин и Брежнев, Никита —  
Все правители втоптаны в грязь.

Партбилет бросил Ельцин сердито,  
Горбачеву сказал: «С кресла — слазь!»

Президенты менялись ролями,  
И пытались рассеять нам мрак.  
Но Обама клин вбил между нами,  
А Европе без газа — никак.

Я слыхал про тропу Хо Ши Мина  
И читал про железный поток,  
А планета, вращаясь незримо,  
Ожидает всемирный потоп.



## КАК МЫ ТОЛКАЛИ ТРОЛЛЕЙБУС

Строительство первой очереди Автозавода вступило в его завершающую фазу. Стройка велась по всем направлениям, рабоча шла в три смены по скользящему графику. Основной целью был выпуск первого, пробного автомобиля к столетию вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Вся партийно-политическая и организационно-massовая работа была направлена на мобилизацию всех трудовых коллективов строителей и заводчан к достижению этой цели.

ЦК КПСС и Совмин СССР выдвинули лозунг: «Сократить сроки строительства в два раза». Эта, задача решалась комплексно по всем направлениям. Коллективы бригад брали встречные планы. Просто сократились до минимума. Повысилось качество строительства. Доставка рабочих на объекты была четко отлажена и осуществлялась служебным автотранспортом. До марта 1972 года я с семьей по-прежнему проживал в Комсомольске, в бараке. За нашим строительным управлением был закреплен служебный ЛИАЗ. Автобус ходил по маршруту Жигулевск-Автозавод, через Комсомольский и Центральный район, погутно забирая рабочих, обратно возвращаясь тем же маршрутом.

С осени 1966 года был построен участок автодороги, соединивший Старый город и Автозавод, так называемое Южное шоссе, по которому стал регулярно ходить троллейбус № 5 «Соцгород-КВЦ».

Вспоминаю один случай. Дело было в начале января. Закончилась вторая смена, вечерело, было ветрено, заметно холодало. Мы мерзли на конечной остановке в районе КВЦ, служебный автобус по какой-то причине за нами не пришел. Вся надежда оставалась на троллейбус. По данному маршруту было задействовано три или четыре машины, с интервалами движения минут по сорок. Чтобы не замерзнуть, мы переминались с ноги на ногу, курили и чертыхались. И вот он, долгожданный, пришел. Всей толпой мы набились в его салон, как в бочку селедка. Троллейбус, закрыл двери, сдвинулся с места и мы застыли на морозе, радуясь этому, тронулись в путь. В троллейбусе было чуть теплей, чем на улице. Водитель сидел в отсеке, отгороженный от салона плексигласом. Добротно был одет в малахай, в унты и в меховую безрукавку. Ему было комфортно. В ногах стояла электрическая печка для обогрева. За окнами мела поземка, смеркалось. В лучах фар кружились снежинки, временами превращаясь в снежные вихри. Мы ехали стоя, слегка покачиваясь, руками держась за поручни, хотелось тепла, скорейшего возвращения домой, к семьям.

Троллейбус вдруг резко стал сбавлять ход, и мы услышали, как в наступившей тишине, под его колесами, продавливаемый шинами, заскрипел снег. Троллейбус замедлил движение и встал.

«Приехали», — сказал водитель, чертыхнувшись, сплюнул, вышел из кабины. По привычке постучал носком унта по колесу, обошел троллейбус вокруг. Забрался по лестнице наверх, подергал за веревку, пошевелил штанги. Искры не было. Зацепив штанги за проушины, он возвратился в кабину. Что-то пробурчал себе под нос, сел за баранку, закурил. Так продолжалось минут десять. В троллейбусе стало заметно холодать. Безысходность и тоска обуяла нас, мы поняли, что встали надолго и домой попадем не скоро. И тут кто-то самый нетерпеливый промолвил: «Ребята, давайте толкнем, может, на следующей подстанции будет ток?» Особых споров на это предложение у нас не возникло. Мы, дружно, всей толпой вышли из троллейбуса, оставив в нем женщин, которых было не много.

Обступили эту железную машину всей мужской братией, стали потихоньку толкать. Троллейбус сдвинулся с места со скрипом и пошел вперед. Мы не теряли надежду на лучшее. Дорога, шедшая вдоль главного корпуса, имела длину около двух километров. Мы с трудом проделали этот путь. Но и здесь, на этой подстанции электроэнергия тоже отсутствовала. Но нам терять было нечего, и мы с утрупленной энергией продолжили путь, протолкав троллейбус до кольца. Там в настоящее время находится ладья. Понятное дело, троллейбус весил несколько тонн. Благо по сухому асфальту — одно дело, а здесь дорога местами была уже переметена небольшими снежными сугробами. И здесь нам ничего не светило в прямом смысле. Сколько ни тряс водитель штангами, сколько ни водил ими по проводам, признаков жизни троллейбус не подавал. Правда, отсюда легче было уехать. Что мы и сделали. Часа через полтора я был дома, в Комсомольске.

\*\*\*

Закружит голову январь  
Метелью белую.  
И позовет к себе февраль  
Тебя, несмелую.

Он шубу снежную надел  
На даль безбрежную.  
Укрыть лишь душу не успел  
Твою мятежную.

И в снежном вихре закружил  
Свою песнею,  
И все сердца он покорил  
Любовью вешнею.

И бесшабашного меня  
Умчит куда-либо,  
Капелью звонкою маня —  
Мое в том алиби.

Закружит голову январь  
Метелью белою.  
И позовет к себе февраль  
Тебя, несмелую.



## НЕМНОГО О БЫТЕ

Наступил новый 1968 год с его морозной и снежной зимой, с новыми грандиозными задачами и планами в части строительства. Сыну Евгению шел пятый месяц. Работая в ЖЭКе № 2 техником, моя жена Людмила получила служебную комнату в малосемейном бараке в Комсомольском районе по улице Чайкиной. Барак был старый, построенный еще со времен ГЭС, с общей кухней на каждое крыло и туалетом, на двенадцать семей. Как говорится, с милой рай и в шалаше. Мы свою жизнь, как и стройку, начинали с нуля. Как таковой, свадьбы у нас не было. Мои родители в качестве приданного подарили нам постельные принадлежности и дали денег на кровать. Мы ее тут же приобрели, полуторку с панцирной сеткой. Постепенно обживали свое жилище, теща подарила нам самодельный кухонный стол и две табуретки, купленные на Колхозном рынке. А из дома в подарок привезла с собой две перьевых подушки.

Барак был деревянным, с полчищами тараканов, которые в ночное время выползали из всех щелей, грызли обои, шуршали, ползая по стенам в поисках пищи, залезали во все доступные места. Однажды ночью я чуть не проглотил одного из них, забравшегося в носик чайника. И как бы мы ни морили и ни травили их, они появлялись вновь. Холодильники в те времена были роскошью, поэтому запасов продуктов мы не держали. Как-то по просьбе жены я сделал за окном полку, где на холоде в авоське лежала всякая снедь до той поры, пока у нас не украли кастрюлю супа с фрикадельками. Любители супа были жильцами барака напротив, это было мужское общежитие. Они даже не вернули кастрюлю! Но в любом случае мы жили весело, имели друзей-сверстников, таких же, как мы, молодоженов.

Здесь-то я познакомился с Вовкой Ошурковым, демобилизованным воином, женатым на красавице Лильке. Вовка до армии окончил автомобилестроительный техникум, был зачислен в штаты заводчан на должность механика-испытателя. Вскорости был командирован в Италию на завод в Турин с такими же, как и он, водителями. Оттуда они пригнали своим ходом через Москву четыре легковых автомобиля марки ФИАТ-124. Данный автомобиль своим внешним видом напоминал вторую модель «Жигулей», которые впоследствии стали сходить с конвейера. Одну из машин закрепили за Вовкой. Он денно и нощно рассекал на ней, где попало. Задача стояла одна — гонять на износ, с нормой пробега за день шестьсот километров, с целью выяснить ее слабые технические стороны и узлы.

Во втором сборнике своих стихов, вышедшем в свет в 2013 году под названием «Второе дыхание» я разместил целую главу, посвященную строителям Волжского автозавода. Глава называ-

ется «Трудовые будни». В нее вошло четырнадцать стихотворений, одно из них и посвящается ему с названием «Друг мой Вовка Ошурков».



\*\*\*

Друг мой Вовка Ошурков  
Был уже на все готов.  
Побывал он на ФИАТе,  
Разбирался в автомате.

Эрудицией своей  
Удивлял всегда гостей.  
Был технически подкован  
И в карман не лез за словом.

Он испытывал ФИАТы  
И гонял через Карпаты.  
По дороге своим ходом —  
Не водой, не теплоходом.

Из Туринा до Тольятти  
Шли по трассе и по гати  
Цугом несколько машин,  
Не жалея дисков, шин.

Вроде, был и путь недолгий —  
Двое суток — и на Волге.  
Он заданье получил:  
«Сколько в двигателе сил?»

Пятидверный, яркий, новый...  
Вовка за рулем — фартовый,  
Полюбил он свой ФИАт.  
Гнал его в натяг, в накат.

Установку дал начальник  
Испытать им этот «чайник»,  
Выжить соки из авто,  
А за это Вове то:

«Благодарности, награды»,  
Разгадать его шарады,  
Его слабые места —  
А задача не проста.

С честью выполнил заданье.  
Рапорт подал он заранее.  
Черт где только ни носил —  
И на все хватило сил.

К дружбе с Вовкой я еще вернусь в следующей главе. Перейду к описанию новых событий, так как жизнь не стояла на месте: ни минуты, тем более, что шла такая грандиозная стройка, как наша.



## ВЕСЕННИЙ ПАВОДОК 1968 ГОДА

Весна 1968 года застала стройку врасплох. Всего не учтешь, всего не предусмотришь, тем более капризы стихии. Строительная площадка Автозавода располагалась вблизи Жигулевского водохранилища, на расстоянии приблизительно пяти километров. Рельеф местности имел незаметный естественный уклон в его сторону. И вода при таянии снегов с окрестных полей с северной стороны хлынула на территорию стройки. В результате создалась угроза затопления строительных площадок и, самое страшное, котлованов будущих цехов, в которых во всю ширь велись бетонно-подготовительные работы, а так же устройство каркасов под ленточные и другие фундаменты. Вода, как ртуть, стала просачиваться сквозь снег, а в цехах он еще не до конца растаял. Лужи, глубиной до колена, стояли посреди цехов. Под водой был такой скользкий лед, что преодолеть эту водную преграду было невозможно. Я однажды поскользнулся, переходя это озеро, чуть не утонул, нашел в себе мужество и силы, кое-как выбрался на сухое место. Промок до нитки, холодная вода с меня стекала, как с гуся.

Талая вода, находила лазейки, незаметными ручейками размывала грунты, все шире становились борозды. Стекала вместе с илом в котлован, сводя на нет все, что было ранее сделано руками строителей. Заиливала жидкой глиной армокаркасы, подмывала откосы, накапливаясь в отдельных местах в виде озер. Здесь-то и начался аврал! Важно было срезать бульдозерами у краев котлована нерастаявший снег, убрать его с территории, затем сделать обваловку суглинком, завозя его самосвалами по всему периметру. Вода находила свои ходы то тут, то там, все прибывая и прибывая.

Значительным препятствием для ее стока являлся построенный участок автодороги с высокой насыпью. Для оперативного решения вопросов по борьбе с паводком был создан чрезвычайный штаб во главе с начальником управления строительства «Куйбышевгидростроя» Н.Ф. Семизоровым. Управляющий до конца воздерживался от принятия решения по затоплению одного из котлованов вставки главного корпуса с целью сохранения остальных объектов. И оказался прав, что не отдал приказ о затоплении. Грамотно сработала инженерная мысль. Было решено сбросить часть накопившейся воды через полотно автодороги. Это было в срочном порядке сделано. На данном участке за несколько часов была сосредоточена необходимая техника, завезены трубы большого диаметра. Груженые грунтом и щебнем самосвалы ждали своего часа. Все рассчитали по минутам. В одну из ночей два мощных экскаватора в течение получаса разрыли полотно дороги. Монтажники тут же уложили четыре нитки труб, и сразу же восстановили дорогу, засыпав место разрыва грунтом и щеб-

нем. К утру по ней вновь двинулся бесконечный поток машин, груженых стройматериалами. Вода бурлящим потоком пошла через трубы, найдя себе новое русло.



Клич «Все на борьбу с паводком!» оставался актуальным на весь его период. Строители не покидали объекты сутками, дежури с лопатами вокруг котлованов, находились все время начеку, а в случае опасности принимали незамедлительные меры: заделывали бреши, забивали своими силами места прорыва, привлекая бульдозеры, самоходные скреперы, самосвалы с грунтом. Там где были незначительные промызы, вода существенного урона не нанесла. Стойку мы с честью отстояли. Работа продолжалась, пошла более быстрыми темпами.

Началось лето. Наш участок перевели на круглосуточную работу по скользящему графику. Вот одно из стихотворений той поры из книги «Второе дыхание», из главы «Трудовые будни».

\*\*\*

Вновь команды «Майна!», «Вира!»  
Голос зычно подает,  
А у нас на кране Ира,  
А бетон все прет и прет.

Запах свежего цемента  
И вибратор в глубине,

Каски, робы из брезента  
И бетон, как грязь на мне.

Ну, а мы со всей споровкой  
Смену трудную несем.  
И в опалубку мы ловко  
Из бады бетон все льем.

Утро зиждется рассветом:  
Пересменок скоро ждем.  
И восход уж манит светом.  
Небо хмурится дождем.

И усталость ломит мышцы,  
И уж затекла спина:  
До краев залито, «Ишь ты!»,  
Вся опалубка до дна.

А стрела все ходит, ходит.  
«Вира, майна, взад, вперед!»  
Самосвалы в хороводе,  
А вибратор, знай, ревет.

И уже в разгаре лето,  
Ночь тепла и коротка.  
Под щекою нежной где-то  
Лежит детская рука.

К этому времени я был уже звеньевым, за ударную работу  
неоднократно отмечался в приказах. Тимофеич меня зауважал и  
ставил в пример другим.



## СНОВА О ГЛАВНОМ КОРПУСЕ

Длина главного корпуса составляла 1847 метров, ширина — около 500 метров. При таких огромных площадях цехов теснота на стройке была неимоверная. Работало около 165 экскаваторов, около 280 бульдозеров и скреперов, полтысячи гусеничных и башенных кранов, несколько тысяч автомобилей и множество другой техники.

Вздрагивала земля от ударов бетонных «баб», ревели тяжелые самосвалы, электросварка сверкала искрами фейерверков. Казалось, что здесь действуют какие-то грозные стихии... И так без конца: днем и ночью, из недели в неделю, из месяца в месяц...

В едином порыве, на одном дыхании работали заказчики и подрядчики.

Зима 1967 года была на редкость снежная. Мы, строители, с ног сбились, борясь со стихией. Счищали лед и снег с бетонных фундаментов, с арматурных каркасов, предназначенных для дальнейшего бетонирования. Работа была весьма трудоемкая, оттягивала на себя значительные силы. Здесь к нам на помощь пришли заводские инженеры помогли решить и эту проблему — бетон стали сушить реактивными установками, со специально сконструированными широкими плоскими соплами. Это сразу сказалось на производительности труда, увеличилась выработка, работа пошла быстрее.

Остановлюсь еще на некоторых важных моментах. Стройка к осени 1968 года достигла своего апогея. Помимо техники, о которой я говорил выше, на строительной площадке автозавода была сосредоточена огромная армия строителей, порядка 65 тысяч, включая субподрядчиков, военных строителей, отделочников, плиточников, кровельщиков, из вновь созданных специализированных управлений. В связи с чем, значительно увеличилась потребность в товарном бетоне. А, бетон, как известно, хлеб стройки. В сутки потребность его достигала объема свыше двух тысяч кубов. Бетон распределялся четко по объектам, во все смены. Бетонные заводы работали с полной нагрузкой. Но в иные дни не могли обеспечить всех, ждать никто не хотел, всем было некогда, каждая минута — в большой цене. Тогда некоторые бригадиры прибегали к уловкам. Начали выставлять на пути следования самосвалов с бетоном своих людей, которые всевозможными способами перехватывали чужой бетон. Ухитрялись, чем-то задобрить водителей. Может жидкой валютой, не знаю. Но и эти лазейки были скоро перекрыты. Водителям стали выписывать маршруты, поминутно — какой рейс, куда и во сколько. Была заведена на каждого карта учета. Признаюсь, я не был грешен в этом деле. И, вскоре, во вторую смену сам убедился в том, что кто-то перехватывает наш бетон. Сел на попутную машину, которая шла

порожним рейсом на бетонный завод, захватив с собой кулек шоколадных конфет. Смело подошел к диспетчеру бетонного завода, объяснил ситуацию. Большую роль в строительстве, играла взаимовыручка, так называемое, строительное братство. Диспетчер пошла навстречу, обеспечив объекты моей бригады бетоном с лихвой.

На нашу стройку постоянно поступали новые автомобили. Не секрет, что их, как правило, получали опытные, проверенные водители.

Вспоминается случай. Вели мы работы в подвале шестой вставки по устройству фундаментов под оборудование. Ритмично шли самосвалы с бетоном, дело двигалось к обеду. И вдруг затор. Один из самосвалов, сдавая задним ходом, зачихал и заглох. Как ни пытался водитель его завести, все было бесполезно. Как ни проворачивал рукояткой стартер все напрасно. Двигатель, на все потуги водителя не реагировал. За рулем сидел молодой парень, как оказалось демобилизованный воин. Этот самосвал достался ему две недели назад, уже довольно изношенный, предшественник выжал из ЗИЛа все соки. Парень вылез из кабины. Со злостью стал бить заводной ручкой то по бамперу, то по капоту. Шум стоял в ушах от звона железа. Но тут разъяренного водителя остановил голос моего зама Витольда Лянцевича. Обняв шоferа за плечи, Витольд ласково произнес:

— Остынь, остынь, милок, пойдем-ка перекурим, — при этом спросил, как его звать.

— Петр.

— Давно ли ты на этой посудине? Витольд был дипломат. До приезда в Тольятти два года отработал на целине в Казахстане. Много чего повидал и испытал на себе. Был и механизатором, и водителем.

— Пойдем, милок, поостынь малость. Там моя Галка кое-что сгношила на обед. Айда перекусим. Откуда ты? Парень оказался рязанским. Минут через двадцать, будучи уже приятелями, наши герои, обнявшись, подошли к самосвалу. Витольд открыл капот, что-то там поколдовал с зажиганием, проверил провода высокого напряжения и свечи.

— Заводи! ЗИЛ заурчал с пол оборота. С тех пор Петюнчик, как мы стали называть незадачливого водителя, постоянно просился к нам на объект, поставляя бетон.

Почему-то больше запомнились майские праздники 1969 года. Строительство шло весьма успешно по всем направлениям, благодаря сплоченности, организованности всех коллективов. Люди, съехавшиеся из отдаленных уголков Союза, были разных национальностей. Но их объединяло одно — гордость за нашу Родину, и девиз «если не я, то кто же» звал всех на самоотверженный ударный труд. Во главе с ЦК комсомола стройка поистине стала

ударной — комсомольской. На первомайской демонстрации, проходя мимо трибун, каждый из нас ощущал сопричастность к делам всей страны. Было лестно слышать здравицы в честь строителей, в частности, в честь нашей бригады. Люди, стоящие на тротуарах вдоль улиц, у окон домов и на трибунах, особенно тепло приветствовали нас, передовиков производства, несших знамя победителей социалистического соревнования. Моя бригада была интернациональной, в ней все трудились в едином порыве, рука об руку. В основном комсомольцы, почти из всех республик нашего огромного многонационального государства.

За двадцать месяцев стройка развернулась в ширь и в глубь. С утра и до утра, на площадке в 560 га все кипело и грохотало. Работа велась в три смены по скользящему графику. Графики были составлены так, чтобы последующая смена переходила предшествующую на два часа. Это делалось с целью ликвидации простоев, работа велась теперь непрерывно. Обедали подменно, звенья менялись ритмично, работа шла без сбоя. Не нужно было сдавать инструмент, он автоматически переходил из рук в руки. В среднем, сменные задания стали выполнять на 130-150 процентов.

Наступая на пятки строителям, шли монтажники. Разворачивалась массовая установка оборудования. Грузы прибывали тысячами тонн по железной дороге, по автомагистралям. А когда пришло лето, двинулся поток его по Волге и с юга, и с севера. За навигационный период 1966 года в Тольятти побывало 45 теплоходов, курсировавших между портами Италии и Советского Союза, между портом Генуя и Комсомольским речным портом. За этот период теплоходы перевезли свыше 28 тысяч тонн грузов для Волжского автозавода.

Наступление шло на всех участках, по всем позициям. К осени стало ясно: стройка набрала достаточно высокий темп, управление отлажено, и следующая зима 1969-1970 года никого уже не страшила, коллективы строителей и автозаводцев уверенно шли к цели.

На всю жизнь врезалась в мою память крылатая фраза нашего непосредственного шефа, умудренного опытом начальника «Автозаводстроя» Михаила Степановича Цвирко: «Строитель — вот самая творческая универсальная профессия. Когда он возводит плотину, должен доподлинно изучить повадки грозной стихии. Когда строит химический завод — познать характер таинственных реакций. А вот теперь — детально представить себе всю технологию машиностроительного завода. Перед ним — котлован, вырытый в земле, а он должен видеть все ткани будущего производства, все звенья, все его коммуникации, причем не на мертвой схеме, а в жизни, в действии. Нет, я не знаю профессии выше, чем строитель!»

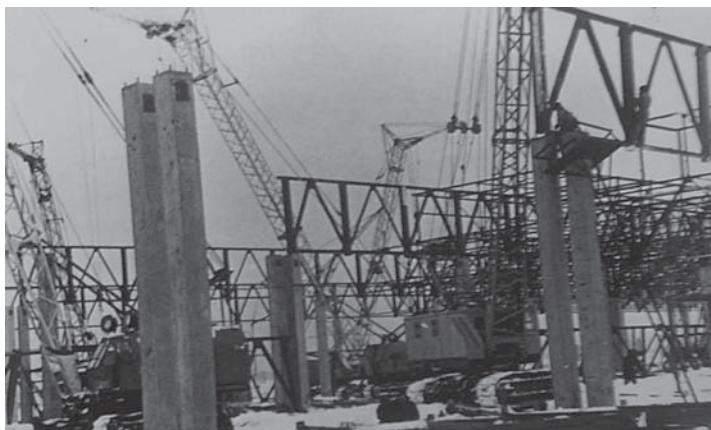
\*\*\*

Нам писали одни — что делать,  
А другие ломали умы.  
Не успели одно доделать —  
Угодили вновь в царствие тьмы.  
И песчинками нас носило  
По извилистым тропам судьбы,  
Поднимало, войной косило,  
Верстовые сметало столбы.  
И, не ведав путей спасенья,  
Безысходность швыряла в тупик.  
А Она с косой в нетерпенье,  
Под крестом ждала, кто бы сник.  
Разгулялись ветра-эпохи,  
Им с тоской подпевает труба,  
Собираем барские крохи —  
Такова, видно, участь раба.  
От кого теперь ждать ответа,  
Кто же выход найдет с тупика?  
А разгадка, как лучик света,  
Но никак не блеснет он пока.  
И все кружат ветра эпохи,  
Бьют крылами со всех сторон.  
Звон литавр и фаготов вздохи,  
Да российских церквей перезон.



## НЕ СБАВЛЯЯ ТЕМПОВ

Год 1968 завершался. Бетонирование третьей вставки подходило к концу, и нас срочно перевели на новый объект. Это был цех колес главного корпуса, зажатый между третьей и четвертой вставкой. Точнее, перевели на один из участков цеха колес, в подвал гальваники. Цех находился под крышей. Уже проводились работы по его остеклению, устройству фонарей и механизмов их открывания. Здесь я познакомился с новым членом бригады Петром Мельниковым, который несколько месяцев назад прибыл к нам на стройку. Поначалу Петр работал на арматурном дворе, варил арматурные сетки на станке-полуавтомате. Работа несложная и низкооплачиваемая. А Петр был дипломированный сварщик-паспортист, их, в нашей бригаде не хватало. Мельникова взяли сходу, без испытательного срока. Он приехал на стройку из далекой Ферганы, вместе с матерью. На первых порах проживал в частном секторе. Снимал угол в деревянном доме, перенесенном еще со старого Ставрополя. Мы с ним были одного возраста. Быстро сдружились, нашли общий язык. Петя был холост, работящ, немногословен. Я поначалу к нему присматривался, не мог понять, что он за человек, но особо в душу ему не лез. Да и он о себе много не рассказывал. К женскому полу большого интереса не проявлял, зато был любителем «принять за воротник». Отличался редкостным бесстрашием. Однажды в субботу поспорил с товарищем, что легко залезет на стрелу крана, который имел высоту выше пятидесяти метров. Мы с содроганием смотрели, как Петр карабкается наверх. По всему было видно, что он проделывает это не в первый раз. Добравшись до вершины стрелы, Петр уселся на ней, поплевывая, закурил, глядя на нас с высоты. Такое лихачество мы оценили, отметив его отчаянный поступок в пивнушке.



Об этом сейчас неудобно говорить, но хочется вспомнить былое, ведь это так и было. Наша монтажно-строительная бригада частенько бедствовала из-за недостатка такелажных приспособлений. А это сказывалось на производительности труда. Струбцин, стропов, удавок, инвентарных алюминиевых лестниц, сварочных проводов, ручных механических лебедок явно не хватало. Некоторые монтажные бригады других управлений, которые работали вахтовым методом, меняя смены, оставляли без присмотра это добро. Частенько навешивая его на крюк крана, подтянув на большую высоту, уложив в специальную люльку. Здесь-то наш Петя и отлился. Подал идею забрать оснастку для нужд бригады. Мы подогнали кран КА-161 на пневмоходу, перегнав его с другого объекта. Подвели стрелу под висящую гирлянду добра. Затем Петя забрался по стреле пневмокрана наверх и все перецепил на свой крюк. Затем мы припрятали оснастку на черный день, опасаясь возмездия. Заровняли метлами следы от колес, покрыв пылью и песком. Вот такой у нас был Петя, хозяйственный и бесстрашный.

Специалистом он бы классным. Умел варить во всех положениях, на его сварные швы можно было залюбоваться — ровные, с нужной высотой катеты, без раковин и наплыков. Я стал учиться у Петра этому ремеслу. Чаще стал брать в руки держак, вскоре приобрел навыки, и неплохо овладел сварочным ремеслом. А когда организовали курсы сварщиков, при нашем строительном управлении я успешно их закончил, получил свидетельство с записью «электросварщик третьего разряда».

К весне монтаж подвала был завершен, и мы приступили к устройству фундаментов под гальванические ванны. Всю работу пришлось выполнять вручную, потому что это был подвал, в котором нельзя было установить технику, там было слишком тесно. Осталось лишь несколько технологических проемов, через которые осуществлялась подача всех строительных материалов: арматуры, опалубки, бетона. Мы сделали наклонные желоба, сбили два короба для приема бетона сверху и снизу, обив их жестью. Подходил самосвал, сыпал бетон в короб, и его массу объемом 3,2 куба, направляли лопатами в желоб, где он попадал в короб, из которого растаскивался вручную носилками или тачками по всем направлениям. Затем забрасывался лопатами в опалубки. После чего уплотнялся вибраторами. Никакой малой механизации не было, но никто не роптал, не сетовал на тяжелый ручной труд.

\*\*\*

Дверь с мороза в комнату открою,  
Вслед за мной ворвется холодок.  
Был я молод и хорош собою,  
Стройный, гибкий, словно тополек.

Папин возглас, радостный от встречи,  
Мамин любопытный взгляд.  
Запах пирогов в духовой печи,  
И на маме кухонный наряд.

Слушали отцовские рассказы...  
Таяли ватрушки с творогом.  
Яств таких с тех пор не ел ни разу,  
Убывал в графине самогон.

И текла неспешная беседа.  
Ароматный с курицей бульон.  
Завтрак затянулся до обеда.  
Потянуло с сытости на сон.

Папа свой рассказ вел про Победу,  
Мы листали старенький альбом.  
...Деревенской улицей вновь еду,  
Но другой хозяин в доме том.



## ЗИМА. ТРЕТЬЯ СМЕНА

К строительству Волжского автогиганта было привлечено внимание всей страны. Я не побоюсь этого слова, наверное, — всего мира! Это было негласное соревнование двух систем, кто кого, доказать, в чем преимущества социализма над капитализмом. Нам за рубежом тоже было чему поучиться. Еще В.И. Ленин в одной из своих работ указывал, что нельзя отмечать все передовое: технологию, развитие новых идей, внедрение новых изобретений и так далее. Если это применимо к нашему социалистическому строю. Мы же считали, что преимущества социализма — налицо, но это было не совсем так. Передовые технологии, высокая производительность труда, качество выпускаемой продукции в капиталистических странах говорили сами за себя. С этим нельзя было не согласиться. А срок строительства автогиганта, три года вместо шести, многим казался нереальным. В связи с этим, для выполнения поставленной задачи, была создана единая связка из опытнейших специалистов заказчика и строителей. Эта идея пронизывала всех руководителей, от мала до велика, снизу доверху и наоборот. Все знали конечный срок, а путеводным маяком являлся столетний юбилей В.И. Ленина. Партия и комсомол приложили максимум усилий для мобилизации коллективов на выполнение поставленной цели.

Январь 1969 года был на редкость холодным, с пронизывающими ветрами и лютыми, обжигающими морозами. Мы бетонировали фундамент третьей вставки. Работы велись в котловане, который представлял собой амфитеатр шириной порядка сорока, длиной почти пятьсот и глубиной 6-9 метров. Работа шла беспрерывно в три смены по скользящему графику.



В первую смену основной состав бригады вел подготовку к бетонированию: сварку арматурных каркасов, установку опалубки, ее крепление и выверку по осям, устройство растяжек и укосин.

Монотонно гудели редуктора дизельэлектрических кранов, звенели в напряжении тросы лебедок, звучали команды стропаль-

щиков — «вира», майна», «влево», «вправо», «подай стрелой». Мелькали фигуры строителей в лучах прожекторов, а их тени отражались на стенах котлованов и фундаментов этакими зловещими великанами. Над площадкой стоял пар и изморозь, пахло свежим цементом, выхлопами бензина и солярки. На отлогом пандусе стояла вереницей колонна автосамосвалов груженых бетоном, вплотную одна за другой. По команде стропальщика, в порядке очередности, самосвал разворачивался задом, целясь сдавал к бадье. Здесь начиналось самое интересное. Самосвал поднимал кузов, в котором плотной массой, как пирог, лежала бетонная смесь. Бетон доставляли с нескольких бетонных заводов, в том числе с левобережного. Расстояние до стройки составляло порядка пятидесяти километров. Современных бетоновозов, с врачающимся барабаном, в то время не было. Для перевозки бетона применялись автосамосвалы ЗИЛ-555. По ухабистой дороге от тряски бетон уплотнялся. Благо, на БСУ воду слегка подогревали, чтобы не дать бетону замерзнуть в пути следования.

И вот, кузов поднят, бетон лежит недвижимой массой, пластом. Один из самых ловких бетонщиков залезал в кузов, становился на задний борт, который болтался на боковых шарнирах. Бетонщик, как эквилибрист в цирке на канате, балансировал на нем. Держась одной рукой за борт, а другой топор-ломом сшибал бетон с углов кузова, чтобы в эти места бить затем с размаху огромной кувалдой, весом до пяти килограммов. Кузов дрожал, бетон постепенно начинал отслаиваться от днища, наступал критический момент. И вот, масса объемом свыше трех кубов, с нарастающей скоростью слетала в бадью всем своим весом, с характерным воздушным хлопком и брызгами. После этого бетонщик, зачистив дно кузова штыковой лопатой, спрыгивал на землю. Стропальщик подавал команду водителю отъезжать. Самосвал опускал кузов и по кольцу резко уходил из котлована. Поступала команда «на подъем», бадья устремлялась вверх, зависала над опалубкой, где ее ждали трое молодцев, стоящих на деревянных лесах, экипированных в брезентовые робы, в касках, с ног до головы обляпанные бетоном. Открывался затвор бадьи и бетон с шестиметровой высоты, устремлялся в чрево опалубки, заполняя ее пустоты. После чего бадья уходила снова вниз на площадку для следующего приема бетона. В это время звено, находящееся наверху, опускало вовнутрь опалубки на веревке вибратор, весом 24 кг, так называемую, булаву. Следом за ним в эту раскрытоую пасть залезал бетонщик. Стоя по колено в бетонной массе, включал вибратор для его уплотнения. Видимость на дне колодца была почти нулевая. Подняв голову, можно было разглядеть над собой только звездное небо. Переносные низковольтовые фонари применялись редко, по причине недолговечности. Бетонщик уплотнял бетон на ощущение, интуитивно, доверившись своему опы-

ту. Куски щебня, застрявшие в арматуре, сыпались сверху на голову, вибратор гудел, периодически задевая за армокаркас, издавал звенящие звуки. Пот заливал глаза, с каждой минутой было жарче и жарче. Степень уплотнения бетонщик определял по звуку вибратора. Затем подавал команду на подъем и вместе с вибратором, который за веревку тянул его напарник, поднимался на верх. Вид у него был плачевный — весь по уши в бетоне, мокрый от пота и пара. Времени на перекур практически не оставалось. Следующая бадья была уже на подходе. Все начиналось сначала. Самосвалы подъезжали и подъезжали. Никто не нервничал, каждый выполнял свою работу со всей ответственностью и серьезностью. Каждая машина ждала своего момента. Все было отлажено и четко шло в заданном ритме.

В то время писали, что средний возраст заводчанина и строителя 25-30 лет. Мы были молоды. Полны энергии, сильны духом и физически. Такую стройку могли осилить лишь молодые, это факт. Назову рекордное число машин, которое мы принимали за смену, это порядка семидесяти самосвалов. После такой работы к утру не чувствуешь ни рук, ни ног. От кувалды ломило руки и плечи, тело испытывало дискомфорт. Но проходило какое-то время, организм восстанавливался, все вставало на свои места. Все привычно, работа не в тягость.



Все зависело от работы небольших звеньев, от упорства каждого из нас. Кирпичик к кирпичику складывалось что-то большое, отсекалось сделанное. Усилия направлялись на оставшуюся часть этих больших дел. Нам все было по плечу!

\*\*\*

Волга спит, покрыта гладью,  
Спят седые Жигули.  
И спокойно дремлют ладьи,  
Мачты видятся вдали.

В сладкой неге «Мореходец»  
После праведных трудов.  
Синевы небес колодец,  
Иzmорозь от холодов.

Подо льдом таится чрево —  
Волжских вод потоков мощь.  
Над скалой нависли древа  
С сединой сосновых рощ.

Сколько было обновлений  
Эпоса молва гласит,  
И божественных явлений.  
Здесь «Хозяин гор» басит.

Эти чудные картины  
Дал Господь нам на века.  
Выставила на смотрины  
Их Самарская Лука.



## МЕТЕЛЬ

Помню, был конец марта 1969 года. Наша бригада вела работы по подвалу гальваники, укладывала бетон в фундаменты под гальванические ванны. Работа была организована в три смены. Сегодня эта участь выпала мне, выйти на работу в третью смену. С утра и весь день мело, к вечеру значительно потеплело. Дороги на автозавод были забиты снегом. Техника тщетно пыталась что-либо сделать, автогрейдеры и бульдозеры не успевали их чистить.

Я добрался до окраины Северного поселка на перекладных, в район нынешнего «Парк Хауса». Весь транспорт, двигавшийся по направлению к стройке, стоял на приколе, занесенный снегом. Вырисовывалась невзрачная картина. Я был в раздумье, не знал, что делать. Дальше — тупик. Часть людей, не осмелившись идти дальше, поворачивала обратно. Некоторый грузовой и пассажирский транспорт, кое-как сумев развернуться, пытался возвратиться обратно в гаражи, но застряв, буксовал в этом снежном месиве.

Мы с группой ребят, посоветовавшись, решили идти пешком. Мы знали о том, что на нашем объекте сегодня с утра беспрерывно идет бетон. До пересменки оставался ровно час, похоже, ребята ни с первой, ни со второй смены еще не покинули объект. Конечно, мы могли вернуться, нас никто не просил, не заставлял. Можно было оправдаться, все списать на стихию. Но мы знали, что наши товарищи, голодные и усталые, продолжают работать. И эта мысль с еще большим упорством заставляла нас двигаться в сторону автозавода. Мы знали, что опоздаем, идти было тяжело, дороги практически не было. Шли по тропе, проторенной строителями других бригад, которые так же, как и мы, стремились на выручку к своим товарищам.

Через полтора часа мы были на объекте. Часть людей с первой смены, по-походному полулежа, кто сидя, дремал в бригадном вагончике. Вторая заканчивала начатое дело. Мы поделились с ребятами кусками, кто что с собой принес. Сменив их, приступили к работе. Ритмично шел бетон, и мы в трудах не заметили, как подошло утро. Небо очистилось от туч, просветлело, вышло солнечко. На душе каждого из нас стало светлей и радостней.

Себя героями мы не считали. В то время слово «надо» уже звучало магически. Нас никто палкой не гнал на работу. В одном из месяцев, в моем табеле из тридцати одного календарного дня, тридцать один день был отмечен, как рабочий. Хотя КЗОТ не допускал такого, ОТИС смотрел на эти вещи сквозь пальцы. Работа не была нам в тягость, а обязанностью, долгом и делом совести. Павел Корчагин и другие пламенные образы героев-

комсомольцев были маяком для нас. «Нам хлеба не надо, работу давай!» — звучало и в шутку, и всерьез.



\*\*\*

Друг мой ехал после пьянки,  
Нагулялся видно всласть,  
Оприходовал полбанки,  
В путь отправился молясь.

По степи вела дорога  
И с утра мела метель,  
Перебрал вчера немного,  
В теплую хотел постель.

И вдруг резко отключился,  
Провалился в краткий сон.  
И в кювете очутился,  
Вверх колесами вдруг он.

И в себя пришел не сразу,  
Еле выполз из авто.  
Произнес с испугу «фразу»,  
Второпях забыл пальто.

Снегом трасса вся забита,  
Потерял ориентир.  
Ветер завывал сердито,  
Не осталось больше сил...

А метель мела, кружила  
И ей не было конца.  
От удара тело ныло,  
И не чувствовал лица.

Засыпать стал ненароком,  
Куда полз, не знал и сам.  
И почувствовал вдруг боком  
Кто-то трется по усам.

Чье-то жаркое дыханье,  
Услыхал он на лице.  
Снова жить пришло желанье,  
А, ведь, думал о конце.

Если б трезвым был, наверно,  
Непременно бы замерз.  
Этот факт замечен, верно,  
Не приди на помошь пес.

Оказалось рядом ферма,  
Из трубы валил дымок.  
А спасителя звать «Верный»,  
Друга отыскать помог.

Запряг конюх быстро сани  
И, закутав армяком,  
Обогрел его он в бане,  
А в нутро влил самогон.

## ВТОРАЯ СМЕНА

Как я писал ранее, бригада делилась на звенья, и здесь все зависело от бригадира, от его мудрости, смекалки, опыта. Бригада была общестроительная, комплексная, ребята в ней были самых разных профессий. Комплектовали звенья, исходя из мастерства и навыков рабочих. Учитывалась и совместимость характеров, как в экипаже на космическом корабле для длительного полета и духовный настрой каждого.

Моим звеном руководил опытный звеньевой Иван Липатов, который вместе с костяком бригады и, разумеется, бригадиром, успел поработать на многих стройках города Тольятти. Иван был плотного телосложения, лет тридцати пяти, родом из пензенской области. Жена Антонина работала в детском садике воспитателем. А тринадцатилетняя дочь Варенька училась в шестом классе. Василий был мастером на все руки, плотничал с юных лет, после седьмого класса закончил в Пензе РУ, по путевке комсомола попал на «Куйбышевгидрострой», плотником. Мы с Иваном сджутились. Дружили семьями, часто бывая в гостях. Он был на двенадцать лет старше меня, но разница в возрасте не препятствовала нашему общению. Мы уважали друг друга. Иван Васильевич не отличался особой эрудицией, я был грамотнее и начитаннее. Он — опытнее и рассудительнее. Я разбирался в чертежах, за что Иван меня особенно ценил. Конечно, нас связывала не только работа. Мы имели слабость частенько выпивать, находя для этого повод. Получка и аванс для нас были законом, как для всех мужчин.

Это, так сказать, прелюдия. Заканчивалось лето 1968 года. Мы вели работы по устройству фундаментов третьей вставки. Была суббота. Работа шла непрерывно по скользящему графику. Выходной мог выпасть и среди недели. В тот день нам предстояло бетонировать подпорные стенки между фундаментами. Посуда была подготовлена заранее предшествующим звеном, раскреплена ребрами жесткости из бревен, стянута обожженной металлической проволокой-катанкой, диаметром 8-10 мм, затянута скрутками через каждый метр сквозь петли. Опалубка была дополнительно раскреплена швеллерами и двутавровыми балками, поджата деревянными клиньями вплотную к каркасу. Наступило время приема бетона, заурчали самосвалы, первая партия посыпалась из кузова в бадью. Вечерело, зажглись прожекторы, ритмично шел процесс бетонирования. Посоветовавшись, мы решили на обед в столовую неходить, а в целях экономии времени послали самого шустрого за кефиром и бутербродами в буфет, чтобы закончить работу пораньше.

Как всегда, на грех, сыграл закон подлости. Во всех делах есть свои тонкости — хорошо работать с бетоном на мелкой

крошке, пластичным, с нужной нормой воды в нем. Мы всегда просили водителей самосвалов выбирать такой бетон. На БРУ есть разные течки и разные операторы, отсюда и разный бетон. Чуть воды переборщил — и он менее пластичен. Начнешь вибрировать его в опалубке, а вода находит щель, как ни плотны доски, вымывает цемент, снимет цементное молочко, как мы говорим на языке строителей. Снимешь опалубку, а там — раковины, порой проступает арматура, как ребра дохлой собаки. Тогда — все, пиши пропало, скандала не миновать. Сразу выяснят причину, найдут виновных — кто, когда и почему. В моей практике такое случилось впервые. Немаловажную роль в уплотнении бетона играет вибривание, а так же многое зависит от конструкции самого вибратора, от объема бетона в опалубке, от массы арматуры. Здесь-то опытный бетонщик и подбирает нужный вибратор, подходящий по форме и мощности. Для небольших конструкций фундаментов с небольшим объемом бетона применяются игольчатые, глубинные вибраторы, а для фундаментов значительного объема — более мощные, этакие «дуры» весом в 24 кг, так называемые булавы. В целях экономии времени неопытный бетонщик-дилетант засунет его в центр бетонной массы, полагая, что процесс уплотнения будет более эффективным, но это совсем не так. Бетон начинает расширяться, давить на стенки опалубки, вызывая дополнительное напряжение в крепеже. Наступает критический момент, что зачастую приводит к обрыву скруток, ослабевают хомуты, держащие щиты опалубки. Щиты раздуваются, расходятся в углах, и тогда бетон под своим весом, через щели вырывается наружу. Так и случилось в этот раз.

Мы завершили бетонирование подпорной стенки. Кран подал последнюю бадью с бетоном на монтажную площадку. Мы стали выливать его равномерно, через затвор в посудину подпорной стенки. Вдруг раздался сильный треск, и бетон через щель с шестиметровой высоты устремился наземь, уходя из только что залитой нами опалубки.

Тут-то, мама не горюй! Мы схватились за головы, поняв в чем дело, с содроганием думая, что же с этим будем делать дальше. Опалубку монтировала первая смена, не мы. Видно где-то, недоглядел бригадир, может проволока, из которой делались скрутки была необожженной. Может, оказалось слишком сталистой, — от этого скрутки и лопались. Вот она картина Репина «Приплыли!». А чем это чревато: во-первых — не бросишь начатое дело, бетон лежал у основания фундамента огромной кучей, и мы знали, что через определенное время начнется процесс схватывания, и тогда его ничем не раздолбишь; во-вторых — как исправить это положение? Решение было одно, другого быть не могло. Нельзя было уйти бросить все, как есть. Необходимо по новой выпрямить опалубку, усилить ее надежным крепежом и закончить бетонирова-

ние, как положено. Поняли, что своими силами этого нам не сделять, послали за прорабом, который тут же явился. Сначала он на нас окрысился, у него, видно, на этот вечер тоже были свои планы, но сообразив, в чем дело, успокоился, сказал, что поможет людьми. Прораб был опытным и мудрым строителем. Тут же снял с другого объекта, нам в помощь, рабочих. Нас стало восемь человек, включая крановщика. Как бы мы не чертихались, как бы не ругались, но не откладывая ни на минуту, приступили к переделке. В течение часа реставрировали опалубку, затем приступили к бетонированию вновь. Для этого опускали бадью на пол, забрасывали бетон лопатами, подавали обратно наверх, снова заливали и вибрации бетон. Не помню сейчас, но наверно кубов 10-12 пришлось перебросать вручную.

Об этом ЧП бригадир даже не узнал, а прораб промолчал, не желая никого наказывать. А мы, пролив семь потов, потом конечно выяснили, кто напортачил. Косо на них посматривали, намекая на брак.

В дальнейшем при вибрации бетона в подпорных стенках, мы дополнительно простукивали ребра жесткости опалубки с наружной стороны кувалдами, чтобы бетон не имел такого напряжения и равномерно заходил во все углы и щели, во избежание брака.

\*\*\*

Я сегодня проснусь до рассвета,  
Хорошо на селе у нас тут.  
И стихи напишу вам про лето —  
Эти мысли мне спать не дают.

А еще напишу про рыбалку,  
Как встречали на Волге восход,  
Как мы шли по тропинке вразвалку,  
Как в тумане гудел пароход.

Никогда берег не был в запрете,  
Здесь любой находил свой приют.  
И в ночи соловей пел в дуэте...  
Неуютно теперь стало тут.

В те далекие дни жилось просто —  
Никакого в стране дележа.  
А сегодня покрыла коростой  
Души наши какая-то ржа.

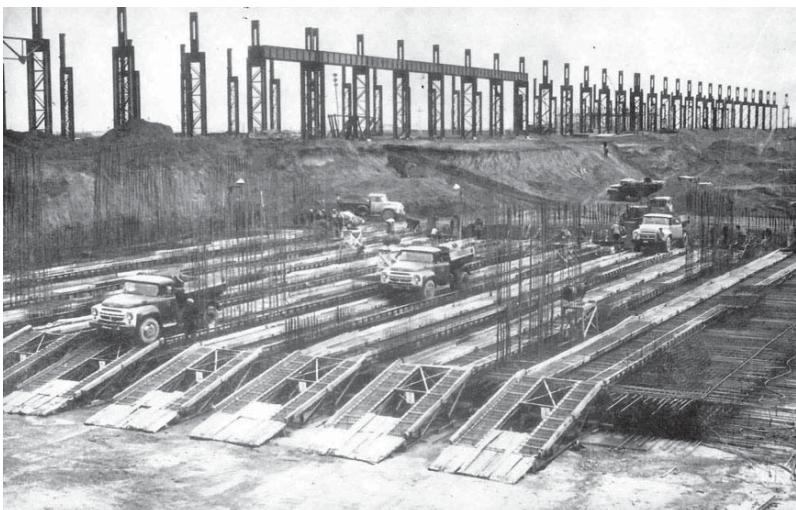
Обуяла нетленная зависть —  
Было наше, а стало мое.

Проросла эта чуждая завязь —  
Все святое ушло в забытье.

И туман в голове, как на речке.  
Режет сердце тоски острье.  
Затухает сознание свечкой,  
Ей на смену пришло бытие.

А волна бьет о стену бетона,  
Только нет компромисса ей в том.  
Отголоском бурлацкого стона  
Чайки лишь оглашают затон.

Ковш стальной рушит скалы в натуре,  
Скроет берег неприступной стеной.  
Сохрани нас Всеизынний от бури,  
Чтоб душа обрела вновь покой.



## НЕЛЕПЫЙ СЛУЧАЙ

В конце лета к нам в бригаду вместо выбывших двух опытных рабочих пришли новенькие, два украинца. Память сохранила их имена и фамилии. Одного звали Молодец Василий, другого — Кулинич Петр. Петр был плотен, среднего роста. Василий, наоборот, статный, кряжистый, ростом примерно метр восемьдесят. Петр был плотником-бетонщиком, Василий — электросварщиком. Припоминаю — их связывали родственные узы, они были зятями. Петр, как и Василий, имел семью, жил на частной квартире. Василий жил с женой и тещей в частном доме, жена была из местных, волжанка. Василий о себе рассказывал мало, был скрытен и немногословен, Петр ему в противоположность, общителен, болтлив, любил прихвастинуть. Поначалу строительства, в обеденный перерыв, мы питались в буфете или брали с собой куски из дома. Василий с Петром уединялись, трапезничали в сторонке от коллектива. Обед у них всегда был сытным: традиционное сало, лук, вареные яйца и, разумеется, зелень, помидоры, огурцы. Нас постоянно дурманил запах вареной курятины с их стороны. Они ежедневно съедали за обедом курицу, весом килограмма на полтора. Куры были домашние с желтой жировой прослойкой. Отсутствием аппетита на свежем воздухе никто не страдал, он у всех был отменным. От курицы оставались лишь косточки для собак. В завершение трапезы Василий доставал из своей кирзовой сумки банку сгущенного молока, дырявил ее ножом и моментально, запивая чаем, высасывал содержимое до дна. В то время банка сгущенки стоила 45 копеек.

Василий непрестанно трудился, перестраивал жилище, ему требовалось усиленное питание. Все прихоти жены и тещи выполнял беспрекословно. Был в их семье примаком, жил на территории жены. Свояки были молоды, им только-только перевалило за тридцать. Теща любила свою дочь и зятя, поэтому Василий был всегда обижен и обстиран, работал полный световой день. Был не равнодушен к тому, что плохо лежит. Имел слабость к гвоздям, таскал их домой в карманах понемногу.

Помню, в молодости, работая в столярке, мы треть обеденного перерыва тратили на калым. Включали минут на двадцать все деревообрабатывающие станки — кто делал табуретки, кто ульи для пчел, кто клепки для бочек. Плотник Иван Глухов не имел возможности таскать доски, так как жил далеко, и на вахтовый автобус с досками его не пустили, вот он и довольствовался кирпичами, клал их в хозяйственную сумку в конце смены, по двадцати. Это вошло в привычку и если «шабашка» кому-то не удавалась, тогда он ходил, как больной — «без шабашки, как дурак». Кроме гвоздей, досок и кирпичей со столярки утащить было нечего. Мы как-то подшутили над ним, втихаря поменяли в его сумке

кирпичи на тяжелые стальные шестеренки, а на следующий день ждали с нетерпением его появления. Нам была интересна его реакция. Иван в то утро был злой, хмурый как туча. На всех смотрел косо, вглядывался в лица, пытаясь определить, кто подложил ему эту «свинью». Ребята хихикали за его спиной. Кирпичи после этого он таскать перестал.

Так, день за днем, проходили наши трудовые будни. В то время мы работали на подвале гальваники, крепили к анкерам арматурные каркасы, разваривая их электросваркой. Работало три звена на трех сварочных аппаратах. Геодезист делал съемку, выверял каркасы по высоте и осям, после чего мы ставили опалубку, раскрепляли ее хомутами и растяжками. Почему-то один из каркасов оказался завышен на 85 мм. Бугор дал команду Василию обрезать арматурные стержни по его верху.



Молодец залез на каркас, удобно устроился наверху. Работа спорилась. Дело двигалось к обеду. Усилив ток, он с треском резал арматурные прутья сварочной дугой. Раскаленные искры и огрызки арматуры падали вниз на основание фундамента, бетон шипел на его поверхности оставались раковины и пузыри. Мы

работали поодаль, навешивали на очередной каркас щиты опалубки, готовили посуду под последующее бетонирование.

Вдруг мы услышали вопль электросварщика, который заставил нас вздрогнуть. Увидели следующую картину — Василий тряс правой ногой, пытаясь сбросить с нее кирзовый ботинок, который нещадно вонял и дымил то ли резиной, то ли мясом. Отчаявшись освободиться от ботинка самостоятельно, он, корчась от боли, свалился с каркаса на наши подставленные руки, затем вскочил и стал прыгать на одной ноге. Тут мы поняли, в чем дело. Схватили ведро с водой, стали лить воду ему на ногу и в ботинок. Разрезав шнурки, сняли прожженный ботинок с ноги. Василий стонал и корчился от боли, а свойяк поливал ему стопу водой.

Услышав сирену «Скорой помощи», мы затащили пострадавшего в автомобиль. Несчастный был бледен и жалок. В результате ожога Василий пролежал больше месяца в больнице, после чего, прихрамывая, вышел на работу на легкий труд. Причина была в мелочном обстоятельстве — его брезентовые брюки были заправлены в ботинки, а по СНиПу должны были их закрывать напуском, вот поэтому огрызок раскаленного металла и попал между ногой и ботинком, прожег ногу до кости. Все пункты СНиПа по технике безопасности, как говорил инженер по ТБ, были написаны кровью. За эти десять лет, что проработал я на строительстве ВАЗа, насмотрелся на многое. Это был лишь единичный случай. В своей книге я буду рассказывать и о других, менее и более серьезных.

В бешеном ритме строительства нельзя было все учесть и предусмотреть. Падали с высоты монтажники и строители, а на их головы — инструмент, детали крепежа, болты и гайки. Как-то имел место случай — под реактивную установку попал солдат строитель. После чего вылетел из-под сопла, как обгоревший цыпленок. То упадет лом с крыши, воткнется в ногу кровельщицы, то из-за девичьего лихачества слетит с кровли грузовой мотороллер вместе с седоком. И так далее.

\*\*\*

Не прекращая льем на мельницу мы воду,  
Истории все крутим жернова  
Зимой и летом, невзирая на погоду,  
И повторяем до наивности слова.

Совсем не трудно в жизни затеряться,  
А заблудившись, прокричать «Ay!»  
И небу, облакам о том признаться,  
И лучше бы во сне, не наяву.

То лик святой в полуночи приснится,  
То стая птиц, щебечущих в раю,  
То засмеется дико филин-птица,  
То сам во сне с чего-то запою.

Слова и сцены до банальности расхожи,  
То вдруг архангелы на дудках затрубят.  
За дымкою костра чертей увижу рожи —  
В кипящий битум грешных бросить норовят.

И с детства надо пробовать пытаться,  
С чего исходит хлад или огонь,  
Чтоб в этой жизни не дай бог не затеряться,  
Чтобы душа в ней пела, как гармонь.

Нас прилежанью в ней учили в школе  
И прививали любовь к ближнему, к труду.  
И я по жизни раб стал поневоле,  
И не держал Всевышнего за бороду.

Совсем не сложно в толпе нам затеряться,  
Ведь в городе не закричишь «Ау!»  
И солнышку в любви своей признаться,  
Ну а пока белую реву.



## КАК МЫ С БУГРОМ КАЛЫМИЛИ

После того, как мы однажды сцепились с бугром в словесной перепалке, не помню, чем она была вызвана, чем он меня обидел, — скорее всего, своей заносчивостью, а может самоуверенностью. Я не любил, когда ко мне обращались в приказном тоне, так как в строительных делах я уже поднаторел, приобретя опыт. Бригадир почувствовал, что погорячился, сменил гнев на милость, видно, вспомнил о том, что наш начальник участка Кокин Василий Иосифович доводится мне родственником. Чтобы как-то наладить наши отношения, бугор предложил мне подкальмить, втайне ото всех. Как-то к нам на стройку пришла опалубка высокого качества из строганых шпунтованных половых досок, а оборот использования ее составлял пять-шесть раз, после чего доски списывались. Но в данном случае эти щиты мы использовали всего один раз. Вот на них и положил глаз наш старший прораб. Попросил бугра разопалубить фундаменты, снять щиты, разобрать по доскам, аккуратно выдергивая гвозди. Посулил при этом бригадиру определенную сумму, на что тот, разумеется, согласился. Видно, прорабу очень понадобились доски на дачу.

Этот случай врезался в мою память на всю жизнь.

Наверное, был выходной день, так как рабочие на данной строительной площадке отсутствовали. Мы с Тимофеичем подключили сварочный аппарат, подтащили кабели, необходимый инструмент: лестницы, ломы, кувалды. Начали последовательно снизу доверху срезать сваркой крепеж. Бетон давно схватился. Простоял в опалубке около двух недель. Щиты намертво пристыли к его телу. И он явно набрал необходимую прочность. Обрезав арматуру крепежа, убрав в сторону весь лишний инструмент, мы забрались наверх, на высоту шести метров, стали ломами отдирать щиты. У меня на правой руке был намотан сварочный кабель с держаком, которым я периодически срезал оставшуюся сверху арматуру. Мы с бугром с усилием стали отдирать ломами один из больших щитов. Сначала он не поддавался, затем забив кувалдами деревянные клинья между опалубкой и бетоном, мы повторили эту операцию вновь. Щит начал клониться и падать вниз. Каким-то образом кабель зацепился за ребро щита, и щит за собой с силой потянул меня вниз. Бригадир стоял от меня в пяти метрах, ничем не мог помочь, все произошло мгновенно. Я упирался, сопротивлялся изо всех сил, пытаясь удержаться на площадке. Понял, что или сейчас упаду вниз, или мне оторвет руку. Все происходило стремительно, в какие-то доли секунды. Из последних сил я держался левой рукой за фундамент. И, о Боже! Кабель вдруг ослаб, щит начал падать, а я с оставшимся куском провода, стоял наверху, цел и невредим, не веря в свое счастье. Причина спасения была в том, что от напряжения скрутки кабеля

разошлись, и он разделился. Щит, выбивая пыль, с грохотом упал на землю, обдав нас воздушной волной. Бугор, бледный от пережитого, смотрел на меня, не мог прийти в себя. Этот случай нас сдружил, мы зауважали друг друга, поняв, что и делить-то нам нечего. Не помню, сколько мы скальмили, но в любом случае я остался довolen той суммой, которая мне досталась. Бугор расстался со мной в тот день со словами: «Ты, Алексеич, зла на меня не держи, с кем не бывает». Мы пожали друг другу руки, крепко при этом обнявшись.

\*\*\*

Вижу я с другого континента  
Русь многострадальную мою.  
Нет для оптимизма аргумента  
И тебя я не совсем люблю.

Проку нет в топтании на месте,  
Наша жизнь дала обратный ход.  
Поскучились добротой и честью  
И живем сейчас наоборот.

И лишившись всех завоеваний,  
Мы во власти хаоса и лжи.  
И заслугам нашим нет признаний,  
Говорю себе я: «Не тужи.

Ты живи, на лучшее надейся  
И на жизнь не ной и не ропщи.  
Не грусти теперь и больше смейся,  
И причины бед в себе ищи».

И, по сути, в жизненной спирали  
Есть ее развития виток.  
В девяностых нам пообещали  
Новой демократии глоток.

Мысль моя как дуновение ветра  
Гонит все песчинки в пустоту.  
И стучит в стекло тревожно ветка,  
Навевает грусть мне и тоску.

Крутимся как в броунском хаосе,  
Варимся как в бесовом кotle.  
И наш доморошенный в Фаросе,  
Словно черт пронесся на метле.

О каком, скажите, созерцании,  
О каких картинах идет речь?  
Мы живем в эпоху без названия.  
Как Россию в ней нам уберечь?

Вижу жизнь в реалиях суровых,  
В суетном мытарстве мы у ней.  
Не приверженцы мы слуг Еговых  
И не Адвентисты семи дней.

Чтобы в нашей жизни не случилось,  
Чтобы в нашей жизни не стряслось —  
С нами так судьба распорядилась,  
Так у нас в России повелось.

Явно, мы не можем жить без грязи,  
Нам ведь нужно что-то отнимать.  
А из грязи можно сразу в князи,  
И умом Россию не понять.



## ПРО ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

Вот еще о чем хочу рассказать. Не могу судить о других, что да как, поделюсь своими мыслями и чувствами. Много в жизни случалось всяких событий казусных и серьезных, больших и малых, радостных и грустных. Жизнь каждого человека можно разделить на вехи. У Льва Николаевича Толстого есть трилогия: «Детство», «Отрочество», «Юность». Я же пишу о молодости. Пришло время подводить итоги, сожалея лишь о том, что память несовершена. В голове отложились отдельные эпизоды, так сказать, наиболее яркие эмоциональные всплески тех или иных моментов. Сожалею о том, что не вел подробных дневников. Да и фотографировался мало. Поэтому сложно восстановить все отрезки жизненного пути.

Касаясь конкретно этих заметок, не надеясь на память, мне пришлось прибегать к иной информации, копаясь в архивах, роясь в подшивках газет, знакомясь с воспоминаниями журналистов, читая их книги, постоянно прибегая к помощи интернета, радуясь любой статье, любой фотографии, рассказу участников тех свершений.

На моем жизненном пути много было интересных встреч, вот одна из них.

Николай Федорович Семизоров более двадцати лет возглавлял управление строительства «Куйбышевгидрострой». С ним мы сидели за одним столом, будучи членами парткома КГС. Николай Федорович был постоянно сосредоточен, погружен в свои мысли, обложенный со всех сторон бумагами и документами. Не побоюсь высоких слов, это был государственный деятель, человек неординарный, относящийся к плеяде руководителей высокого ранга. Я не уверен, что он вникал в тонкости партийных дел, когда вопросы касались какой-то обыденной кабинетной рутиной. Но менялся в лице, ожидал, когда рассматривались серьезные вопросы, касающиеся строительства, сдачи объектов. Например, отчет того или иного начальника о текущей работе. В этом



случае Николай Федорович оживленно вступал в диалог, вникал в суть дела, высказывал свое мнение по разным вопросам. Критиковал нерадивых руководителей за упущения в работе, давая разумные, профессиональные советы. Непримирим был к жуликам, хапугам и карьеристам. На всю жизнь я запомнил его крылатое выражение, которое на заседании партийного комитета или партийной комиссии слышал неоднократно из его уст: «Работа — лучший друг!»

\*\*\*

И не с ходу, и не сразу,  
И пришло оно не вдруг,  
Не слыхал с тех пор ни разу:  
«Что работа — лучший друг»

Мы в работе были стойки,  
Одержаные в труде.  
На заводе и на стройке,  
На земле и на воде.

Слово гордое строитель  
И в делах, и на слуху,  
Первый наш руководитель  
Нам изрек как на духу.

Князев, Горбонь, Семизоров,  
Скажете: «Куда полез?»  
Был обуздан Волги норов  
И построил Комзин ГЭС.

Шли на стройки эшелоны  
Изо всех концов страны.  
Добровольцев миллионы  
В освоенье целены.

Китобойщики во славе,  
И Стаханов, и Мамай,  
И шахтер в угольной лаве,  
И Октябрь, и Первомай.

И в победном сорок пятом  
В ратных и иных делах  
Коммунист был не запятнан  
Не за жизнь и не за страх.

И вела народ к победе  
Партия большевиков.  
И их: «Азы, буки, веди»  
Были ярче всяких слов.

И трубил горнист зарницу,  
Горд был человек труда  
За страну и за столицу,  
И героем слыл всегда.

С теплом и уважением вспоминаю Н.Ф. Семизорова, горжусь тем, что был с ним знаком, решая текущие задачи, которые в те дни являлись важнейшими в судьбe строительства.

Еще одна знаменательная встреча врезалась в мою в память. Помню, как сейчас, был конец июля 1967 года. Я работал тогда плотником в бригаде Олексеенко Владимира Тимофеевича. Мы вели работы по устройству фундаментов КВЦ, так называемые, «нули». Обеденный перерыв, солнечный, теплый день. Щебетали птицы, перекликаясь между собой на разные голоса, слышались пения жаворонков. Вокруг простирались необъятные поля, на юге просматривались очертания

Жигулевских гор. Стойка жила своей кипучей жизнью. Рядом дружно шлепали трамбовки, уплотняя грунт, рычали бульдозеры, гудели автосамосвалы. Отобедав мы, сидели на лавочках около бригадного вагончика, ожидали приезда секретаря парткома КГС Бориса Самуиловича Кащунина. Действительно, в скромном времени подкатила белая «Волга», из которой вышел коренастый мужчина лет тридцати пяти, в белой отутюженной рубашке с короткими рукавами, по-армейски подтянутый, с добрым открытым лицом. Его сопровождал корреспон-



дент из газеты «Гидростроитель». Борис Самуилович внимательно оглядел панораму строительства. Лицо его от увиденного радостно просветело. Улыбнувшись нам, он похлопал бригадира по плечу. С ним секретарь был давно знаком. Пожал руку каж-

дому из нас. Встреча продолжалась не более получаса. Гость выступил с краткой информацией об общей картине на стройке, спросил, какие у нас есть вопросы по быту, по доставке на объект, по питанию, есть еще какие проблемы. Вопросов было немного. Нас беспокоило отсутствие столовой и буфета. Обед приходилось брать с собой из дома, перекусывать всухомятку. Так же отсутствие медпункта на объекте сказывалось не лучшим образом, так как производственные травмы иногда случались. Борис Самуилович обещал помочь в решении этих вопросов. Свои обещания он выполнил в самый короткий срок.

Но на должности секретаря парткома долго не задержался, в скором времени занял пост руководителя Тольяттинского горисполкома, где проявил себя с самой похвальной стороны, положив все силы на развитие нашего города, на его благоустройство и процветание. Из многочисленных поездок в Москву он привозил пакеты документов, призванные улучшить Тольятти во всех сферах жизни.

«Жизнь наша, — говорил Борис Самуилович, — дела наши. А дела наши — это наша жизнь». К сожалению, его жизнь 10 августа 1978 года оборвала автокатастрофа, но его дела увековечены в истории Тольятти. Память о нем не стерлась.



## ДЕЛА БРИГАДЫ

Моя бригада комплектовалась не сразу, не в один день. В феврале 1970 года на стройку прибыл отряд комсомольцев из Белоруссии. Мне сразу в бригаду дали трех парней и одну девчушку. Следом приехали ребята из Башкирии. Как сейчас помню их имена — одного звали Ринат, другого — Рим. Эти ребята уже имели строительные профессии. Так постепенно бригада росла. И за каких-то два-три месяца была полностью укомплектована, в том числе и строителями разных специальностей. Но были и такие, которые к строительным делам не имели никакого отношения.

Расскажу немножко о девчатах. Доля женского труда в объеме строительства автозавода была огромна. Для этой цели трестом «Автозаводстрой» было сформировано несколько специализированных строительных управлений, состоявших в основном из девушек, прибывавших по путевкам комсомола на стройку.



Львиная доля труда ложилась на хрупкие девичьи плечи. Они работали каменщицами, малярами, штукатурями, плиточницами, кропельщицами, изолировщиками. Но некоторые из них попадали и в строительные управления. Не берусь судить, как это им удавалось, не имея никакой строительной специальности, но думаю, что по их настойчивой просьбе. Время тогда было другое, но какое надо было иметь мужество уехать в неизвестность, от родителей, не имея профессии. Так к нам на участок попала Наташа Кравченко и Татьяна Сипер. Обычно, в любой общестроительной бригаде девчат было не более одной-двух.

Вот и наших подружек в конце февраля 1970 года привел на участок наш мастер Амиров Анвар со словами: «Вот вам новое пополнение, прошу любить и жаловать», — сказал он бригадиру Загулину Жене и мне, — выбирайте в бригаду любую». Девчонки были хороши собой. Мне почему-то больше приглянулась Татьяна, она показалась побойчее. А Наташа, более спокойная и рассудительная, ушла в бригаду Загулина. Так как дело двигалось к обеду, ребята, окружив новеньких девчонок толпой, повели их в столовую, угостив за свой счет обедом. Познакомились с девушками, разузнали, откуда они. Девчонок приняли бетонщиками по второму разряду, хотя понятия об этой работе они вообще не имели, так как они работали раньше на минском часовом заводе. С этого дня Татьяна и стала хозяйкой в бригадном домике. На первых порах они были на подхвате. Мы дали им осмотреться, познакомиться состройкой. В ее обязанности входила уборка вагончика, доставка питьевой воды, выдача инструмента и другие хозяйственные дела. Девчонок мы жалели, берегли — какой там лом или кувалда! Но они одержимо рвались в бой, сообразив, что на таком труде много не заработаешь. Начали таскать носилками бетон, хватались за совковые лопаты, укладывая его в полы, равняя мастерками и гладилками.

Буквально через три-четыре месяца девчонки втянулись в работу. Их заработка плата стабилизировалась. И этих денег им хватало не только на пропитание, но они могли себе позволить купить что-то модное из одежды. Однажды, в пятницу, Татьяна пришла на работу в новом демисезонном пальто, решила пофорсить своей обновкой. После окончания смены, не помню уж по какой причине, но мы остались с ней вдвоем в бригадном вагончике — то ли она окрашивала полы, то ли еще что-то. Начало смеркаться. Пшел моросящий летний дождь. Мы заспешили домой. Решив срезать путь к автобусной остановке, пошли напрямую через стройку. К тому времени тропа намокла, стала скользкой. Татьяна поскользнулась на мокрой глине и растянулась в своем новом пальто в грязи. Ее слезы обиды смешались с каплями дождя. Я, как мог, утешал ее, очищая пальто носовым платком.

Поклонников у девчат хватало. Они были постоянно в центре внимания. Тогда-то Наташа и познакомилась с будущим своим

мужем Анатолием Шарыбой, впоследствии работая в бригаде Андрея Кахнюка. Наташа с Татьяной проработали на стройке до мая 1976 года. Слава Богу, живут Наташа с Толиком в любви и согласии больше сорока лет. Я часто разговариваю с ними по телефону, живут они в Новом городе, бываю у них в гостях, вспоминаем былое. Особенно благодарен я Наташе и Татьяне за фотографии для этой книги, которые они помогли найти в своих семейных архивах.

Дела не ждали, пришлось учиться строительному ремеслу на ходу, так сказать, набираться опыта. Поэтому я сразу назначил звеньевыми пригляднувшихся мне толковых ребят. Пришли переводом из другого строительного управления Владимир Рожков, Иван Фалюшин, Роман Сейтгазов. В скором времени бригаде дали имя «Общестроительная комсомольско-молодежная». Хочу заметить, что мастера и прорабы не стояли в стороне, проводя занятия и семинары, учили нас разбираться в чертежах и СНИПах. Дела в бригаде заметно улучшились, пошли в гору, поднялись показатели в выработке и качестве. Конечно, у меня, как у бригадира, были свои любимчики. Я их при каждом удобном случае всегда материально поощрял. А девиз и призыв мой звучал так: «Малыми силами — большие объемы». Через полгода ребята повысили свой профессиональный уровень и, соответственно, разряды. Мы не боялись работы ни простой, ни сложной. Было нам по плечу любое задание. Но основной задачей оставалась для нас устройство фундаментов под каркасы будущих цехов. Мы полностью были обеспечены инструментом, ручным и электрическим. За бригадой был закреплен дизельный электрический кран ДЭК-25. Я, как бригадир, постоянно следил за исправностью оснастки: стропов, траверс, удавок и так далее. В состав бригады входили обученные стропальщики, имеющие удостоверения.

\*\*\*

Словно лебедь гусек на кране  
Устремился в манящую даль.  
Снова утро в густом тумане,  
И дождался марта февраль.

Бьется пульс у гигантской стройки,  
В одержимом порыве она.  
И строители духом стройки.  
Их позвала сюда страна.

Всего тысяча дней до пуска.  
Стройке даден зеленый свет.

Всесоюзному штабу нагрузка,  
На раскачку времени нет.

И строительству жесткие рамки  
Обозначил концерн «Фiat»,  
И поставил высокую планку  
Генрих Форд, из Детройта магнат.

Зачесали затылок янки  
На советской страны прогресс:  
Это вам не консервная банка,  
А завод «Жигулей» возле ГЭС.

Мы построили ВАЗ во славу,  
На эмблемах машин ладья.  
А пока бетонную лаву  
Льет в фундамент моя бадья.

Пот степенно смахну рукавицей.  
Вот творенье мозолистых рук.  
Будут нами потомки гордиться,  
И строителем станет внук.

И за несколько лет, что не так и плохо,  
Мы построим завод средь пшеничных полей.  
Назовет стройкой века его эпоха,  
У крутых берегов, у седых Жигулей.

Я до сегодняшнего дня гадаю, при каких обстоятельствах, может быть, по просьбе руководства, мне в бригаду прислали дядю Мишу. Парадокс — комсомольско-молодежная бригада и дедок, которому было почти шестьдесят лет. Собирая материал для этой книги, нашел для себя любопытнейшую вещь — оказывается, на одном из оперативных совещаний, проводимых в управлении строительства «Куйбышевгидростроя», была высказана такая идея — закрепить опытнейших ветеранов-строителей за каждой бригадой, попросить их помочи в опеке над молодыми коллективами. Так появился и дядя Миша. Он являлся и помощником бригадира, и наставником, и отцом родным. Дядя Миша поначалу стал предметом постоянных шуток. Жил он со своей бабкой в частном доме на Северном поселке. Все умел делать, был мастером на все руки. По характеру был застенчив, немногословен, вечно курил козью ножку, держал в кисете табак, и пальцы у него на правой руки были от никотина прокурены до желтизны. Как-то для ремонта бытовых вагончиков понадобился стекольщик. Дядя Миша тут же вызвался выполнить эту работу. Вагончики

привезли с железнодорожной станции и по пути следования с завода-изготовителя некоторые стекла были побиты. А сами вагончики требовали небольшого ремонта. Нужно было подправить полы, навесить двери, подремонтировать рамы. Когда дело дошло до остекления, мастер дал дяде Мише это задание, Наумыч взял в руки разноску с инструментом, направился на остекление, прихватив подмышку несколько небольших кусков стекла. Мастер был обескуражен и несколько удивлен: «Как же ты будешь стеклить такими небольшими кусками?» На что находчивый дедок ответил: «Да как-нибудь натяну». Так за ним и закрепилось это выражение. С тех пор дядю Михаила Наумовича не называли по имени-отчеству, а «Как-нибудь натяну».

Но если говорить откровенно, морально-психологический климат в бригаде был на высоте. Здесь находилось место и шуткам, и незлобным подкалываниям, и даже прозвищам. Петя Николаенко до этого работал у себя в Белоруссии на селекционной станции, проводил опыты с растениями. Приехав сюда, тосковал по этому делу и, живя в общежитии, продолжал проводить свои опыты. На всех подоконниках у него стояли баночки с какими-то растениями. Петя постоянно вел дневник наблюдения. Так к нему и пристала кличка «Агроном». Петя нисколько не обижался. В перекуры, особенно летом, его можно было видеть лежащего на боку в густой траве, прислоненным головой к земле. Как-то Таня Сипер у него спросила: «Ты что здесь прячешься?» Тот ответил: «Я слушаю, как растет трава». Петя был неравнодушен к своей землячке. Татьяна ему очень нравилась. Но она его старалась не замечать, так как ей хотелось заслужить доверие и особую благосклонность бригадира, человека, полезного во всех отношениях, в отличие от Пети. Петя же, несмотря на равнодушие Тани, надеялся на лучшее и пытался завоевать ее внимание, даря ей букетики полевых цветов. Она принимала их без особой радости, поставив букетик в незаметное место, сохраняя безразличие к его ухаживаниям. В бригадира же не уставала стрелять глазками, не обращая внимания на то, что он женат. И она добилась своего! Но, правда, их мимолетный роман ничем не закончился.

Витольд был у нас бульбашом, так его называли за любовь к картошке. Особенно ему нравились вареники с рубленой картошкой со сметаной. Но раз уж речь зашла о прозвищах, в бригаде у нас появился свой доморощенный художник Репин — им оказался наш электросварщик Женька Федюков. Как-то в мое отсутствие, а я сдавал зимнюю сессию в институте, бригада монтировала лотки в цехе под теплотрассу, после чего пришлось их покрывать гидроизоляцией — вот для этой цели мастер притащил битумоварку, компрессор с шлангами и соплом для подачи горячего плямера (смесь битума с соляркой). За битумоваркой было закреплено звено из трех человек, которые чередуясь, каждую ночь с

вечера и до утра, под ней жгли дрова, готовя битумоварку к первой смене. Для выполнения этих работ всем были выданы брезентовые костюмы, защитные маски и резиновые сапоги. Но как ни защищайся от брызг гудрона, наши изолировщики каждый раз оказывались по уши в битуме, в том числе и звеньевой Евгений Федюков. Однажды он плеснул на этот компрессор, сделал из лыкового мочала огромный квач на палке и им вручную размазывал гудрон по лоткам. Тут-то он и получил кличку «Репин». Он не обижался, только отшучивался.

Конечно, у каждого была своя малая родина, но ребята не ощущали себя брошенными. Нам казалось, что мы нужны государству, да и забота о нас была весьма ощутима. Но в любом случае погоду в своем маленьком коллективе мы делали сами. Все-таки мы были единомышленниками, звеньями одной цепи, делали общее дело, уделяя внимание своим товарищам — поздравляли с днями рождения, отмечали комсомольско-молодежные свадьбы, участвовали в коммунистических субботниках, были членами дружины по охране общественного порядка в городе. На майские и октябрьские праздники шли единой дружной колонной. Нам было лестно, когда оратор с трибуны кричал здравицы в адрес нашего коллектива СУ и бригады в частности.

\*\*\*

К пересменке двигалось время,  
Тень усталости на лице.  
Нам не в тягость работы бремя,  
Льем фундамент на КВЦ.  
За Корчагина держим смену,  
А фундамент объемом лих.  
Все заметнее перемены,  
Мы работаем за двоих.  
И в последних штрихах картина,  
Не на ватмане этот вид.  
Завершила свой ряд машина,  
Трехступенчатый наш залит.  
И стоит монумент бетонный,  
Посчитай, пять десятков лет,  
Комсомольцами сотворенный,  
В жизнь мы дали ему билет.  
А потом какой-то фотограф  
Разглядел на его торце  
Нацарапанный наш автограф,  
Мастерком на его лице.



## СИЛЬВА

Подхожу я как-то к своему дому. Дело было летом. Жили мы уже на Ленинградской. Иду мимо книжного магазина, спешу с работы домой. Оглянулся, а за мной бежит собачка. Небольшая, светло-коричневого окраса. Уши торчком, а вместо хвоста — помпончик. Я — за угол, она — за мой, я — в подъезд, она — тоже. Открываю лифт, она — в лифт. Вышли мы на шестом этаже, стою в раздумье, зная о том, что моя жена с детства терпеть не может ни собак, ни кошек. Что делать? Собачка смотрит на меня внимательным взглядом, крутит своим помпончиком, будто хочет что-то сказать, а не может. Я возьми и назови ее Сильва. А она мне в ответ: «Тяф-тяф-тяф», — как звоночек. Тут-то я ей: «Сильва, за мой! Будь, что будет». Звоню в дверь, открывает жена. Не успел порог переступить, а Сильва шмементом рванула на лоджию, свернулась клубочком на половике, притворилась, будто спит. Жена мне: «А это что за псина? Немедленно отнеси туда, где взял». Я утром увез ее на работу. С тех пор Сильва стала членом нашего коллектива. Ребята сделали ей собачий домик, там она и жила до следующей весны, несла службу, охраняя наш вагончик. Собачка стала любимицей бригады. Каждый норовил притащить ей лакомый кусочек. И Петя, наш агроном, показал любовь к животным — то косточку ей принесет, то крыльышко. Взялся как-то Сильву дрессировать. До чего послушная оказалась сучонка! Вела себя так, словно понимала нашу речь. Меня полюбила фанатично. Я по утрам, обычно перед оперативкой, обходил объект, проверял сделанное за ночь. Ребята рассказывали мне: «Ты, Алексеич, еще метров за триста от вагончика, а Сильва уже рвется на своей цепочке и тяфкает. Ни разу не ошиблась! Как часы! Мужики говорят, бугор идет». Татьяна тоже в собачке души не чаяла. Возвращается с обеда хозяйшка, тащит нашей певунье котелочек с остатками мясной пищи, а Сильва в благодарность служит — встанет на задние лапки, да как заскучит! Ну, прямо арию Сильвы из одноименной оперетты.

Инстинкт есть инстинкт. Как-то по весне, не ошибусь, загрустила наша псица. Лежит, морду положила на лапы, и так грустно водит глазами по сторонам. Перестала жрать. Я — к Петру: «Не заболела ли часом?» Петр, сделав серьезное мудрое лицо, произнес: «Кобеля ей надо». Я, ему в ответ: «Ну, сделай что-нибудь». Что тут делать? Отцепил Петро карабин, убежала Сильва. Опустела будка. Не слышно нашего звоночка. Теперь загрустили и мы. И что вы думаете, недели через три пережидали мы ливень в бригадном вагончике, сушили рукавицы и брезентухи. В окна били порывы ветра, заливали стекла водой. Каждый был занят своим делом. Вдруг слышим, кто-то скребется в дверь. Я — Петру: «Посмотри, кто там?». Петр открывает дверь, а эта грязная псица проскочила у него между ног, прыг ко мне на колени и ластится, ластится. Я говорю Петру: «Заверни ее в

телогрейку, пусть отогреется, а то еще оклеет». Где она была это время? Вскоре Сильва понесла. Стала на глазах поправляться, мы поняли, в чем дело. Затем я попросил дядю Мишу, чтобы он забрал Сильву в частный сектор, в свой дом, сторожить подворье. У него был теплый сарай с коровой и свиньями. А потом кто-то из ребят рассказывал, что раза три видели, как к нашему вагончику прибегал пятнистый кобель дворняга. С ошейником и огрызком веревки на нем, все вынюхивал и кого-то искал. Сильва принесла трех кутят, которых дед утопил тут же в бочке. Прожила она до глубокой собачьей старости, верно служа Наумычу.

\*\*\*

С юных лет довлею к оперетте,  
В ней своих героев узнаю:  
«А без женщин жить нельзя на свете», —  
Арию я Эдвина пою.  
Ну а он: «Какой любвеобильный!  
У него гусарский бравый вид,  
Дерзкий наш герой, талантлив, стильный,  
Всех очаровать он норовит.  
Не дает покоя эта фраза,  
Закружила мне голову канкан.  
Зажигает своим танцем Аза,  
Словно кружит вихрь или буран.  
Оперетта Кальмана чарует,  
Душу жжет божественным огнем.  
Героиня с Эдвином танцует,  
Ну, а мы всем залом подпоеем:  
«Сильва, ты меня не любишь,  
Сильва, ты меня погубишь,  
Сильва, ты меня с ума сведешь,  
И другой, как Сильва, не найдешь».



## ДОПОЛНЕНИЕ К ДЕЛАМ БРИГАДЫ

Господь Бог или счастливая звезда хранили нас от серьезных производственных травм и несчастных случаев в те далекие годы, когда я был бригадиром. К тому времени у меня был богатый опыт руководства, я старался не плошать, предвидя и замечая, откуда может исходить опасность. Тому же учил и членов бригады.

Особенно жестко пресекал нерадивых нарушителей, тех, кто надеялся на «авось». «Да, ладно, Ляксеич, и так сойдет!» — После таких слов я зверел. Не уставал проявлять требовательность в ношении защитных касок, монтажных поясов, особенно к тем, кто работал на высоте. Они ворчали за спиной, но подчинялись. Я поддерживал дисциплину во всем: в технологии производства и в соблюдении чистоты на рабочем месте, был нетерпим к лености и браку. Если попадались доски от разобранной опалубки с торчащими гвоздями, разбросанные рядом с фундаментом, от меня пощады не жди. Сколько раз по запарке и сам наступал на гвозди, особенно в резиновой обуви. Гвоздь протыкал ногу, как шило. В общем, приучил всех следить за порядком и, разумеется, к аккуратности.

С особой теплотой вспоминаю своего зама Романа Сейгазова, Сашу Капленкова, дядю Мишу, Аню Солдатову. Благодаря им в нашей бригаде всегда был доброжелательный климат и ровная деловая обстановка. Были свои шутники и балагуры. Особенно этим отличался Бульбаш. Постоянным же предметом беззлобных насмешек стал Петр, наш Агроном, мечтатель и выдумщик. А если возникали вопросы по сельскому хозяйству, это Петино хобби, он всегда был на высоте, в таких делах все понимал. За медлительность и нерасторопность ему часто доставалось на орехи. Наверное, все его мысли занимала любовь к Татьяне. Женщины, по своей сути, не любят робких и застенчивых. Его можно было вывести из этого состояния только встрихнув окриком, а порой даже нецензурным словом. Петя ожидал, приходил в себя, недоуменно хлопал ресницами, но обид не держал.

Как-то раз Петр наступил на оголенный электрический сварочный провод, держась руками за арматурный каркас. Он не мог разжать кисти рук, так как они были парализованы судорогой. Стоял, повиснув над траншеей, трясясь, мычал что-то нечленораздельное, косил глазами на провод, как бы указывая взглядом на причину. Проходя мимо, я, увидев эту картину, сразу понял, в чем дело. Подскочил к нему, резко разорвал провода по скрутке, Петр мешком упал мне на руки. А затем ребята, взяв его под руки, довели до вагончика, уложили на скамью, чтобы он пришел в себя. Я освободил его от работы до конца смены. Окажись на его месте обычный здоровый работяга, то ничего особо страшно-

го не произошло бы, не настолько ток был сильным, чтобы свалить взрослого мужика и вырубить его. Но, учитывая Петину ранимость, детскую наивность и нежность, мы понимали, что для него это глубокая психологическая травма. Это произошло на глазах у Татьяны, которая была мною тут же приставлена дежурной к пострадавшему. Она сама по себе уже была лекарством для Петра, бальзамом для его души. О чем они говорили, пробыв вместе до конца смены, мне неведомо. Когда я вошел в вагончик к концу рабочего дня, Петр был вполне здоров, счастлив. А они оба, смущенные и розовощекие, сидели рядышком, обнявшись. Позже я старался всегда их ставить рядом в одном звене. Они, между делом, как воробушки чирикали о чем-то сокровенном на своем мелодичном белорусском языке.

Но любовь Петра до конца пуска третьей очереди ВАЗа и отъезда его на родину так и осталась безответной. Татьяна оставалась верна кому-то другому.

Рабочие дни у нас на стройке насыщены были до предела, так что мы не замечали времени. Быстро пролетали рабочие часы — не успеешь оглянуться, а уже обеденный перерыв. На прием пищи и отдых давался всего один час. Все было отлажено до мелочей. Очередь в столовую занимали на всю бригаду. И неважно, лето это было или зима, прямо с объекта, в своей спецовке, каждый устремлялся в столовую. В столовой была налажена своя система обслуживания, все было четко и быстро.



Мы выстраивались в очередь вдоль турникета всей бригадой, где на раздаточных столах дымились разнообразные блюда. Каждый мог себе выбрать по вкусу все, что хотел. Двигаясь вдоль раздаточных столов, брали тарелки с первым, вторым, третьим. Повара готовили вкусно, разнообразно и сытно.

Были у нас на участке шустрые ребята, особенно среди них выделялся новенький, не так давно пришедший к нам на стройку — бетонщик Михаил Пестриков, худой долговязый парень лет тридцати-

ти пяти. В отличие от других он постоянно себя позиционировал, выделялся своей интеллигентностью, эрудированностью и начитанностью. В минуты отдыха декламировал стихи Есенина. Но ребят смущали его перстни-наколки на пальцах и вечно прокуренные желтые ногти. Мишка постоянно стрелял сигареты, хотя имел свои, это была его слабость. Зайдет, бывало, в столовую, зырк-зырк по сторонам. Присматривался я к нему, догадывался, где он выработал в себе этот инстинкт осторожности и самосохранения. Непонятно было, как он попал на стройку? Михаил работал в соседней бригаде. С ним общаться мне не приходилось. Но об одном случае, который произошел у нас на глазах, хочу рассказать.



Дело было в той же столовой. Идет как-то Мишка вдоль раздачи, а там — самообслуживание, берет себе полную тарелку рисового молочного супа, молоко жирное, с желтыми разводами, пахучее, деревенское. Быстро движется очередь. Смотрит Мишка — перед ним противень с жареной курятиной, куски большие, чуть ли не четверть курицы, курята ароматная с жареным луком. Мишка хватать куриную ляжку и быстро положил ее в суп, притопил ложкой, а сверху придавил тремя ломтями хлеба вместо груза. Набрал целый разнос всякой еды, не забыл блины со сметаной. Только подошел к кассе, может, кто его толкнул или бес попутал, хлеб возьми и соскользни с ложки, и курица на глазах кассира вынырнула из супа. Кассир и говорит: «Не пойму, а это что у вас?» Мишка, нисколько не смущаясь, ей в ответ: «Я с детства люблю суп молочный с курятиной». Кассир, наверное, подумала, каких только чудиков не бывает на свете. Придираться не стала, посчитала Мишкину курятину, а тому — хоть плуй в глаза, видно прошел хорошую школу жизни в тех отдаленных местах, где был человек человеку — волк.

А вот еще один случай. Как-то зимой два друга из моей бригады пристрастились таскать сметану в столовой, одним словом, воровать. Монтажники в морозы поверх ватников надевали презентухи с капюшоном сзади. Вот они и ухитрялись на ходу два-три стакана сметаны умыкнуть. Положат в капюшон — касир и не заметит. Как-то раз перепутали сметану с кефиром, стакан — возьми и пролейся, а капюшон — оказался, как на грех, с прожженной от сварки дыркой. Кефир и потек по спине. Опозорился наш герой. Долго мы помнили эту историю. Их имен называть не буду, ребята-то были все классными строителями. И на старушку бывает и прорушка.

\*\*\*

Дождь слегка попугал грозою,  
Щедро струями пыль прибил.  
И не пахло уж так газолью,  
Да и рев дизелей поостыл.  
Звезды меркли, рано светало,  
Рассосалась с туманом хмаръ.  
На ветру листва трепетала,  
И луны погасила фонарь.  
Казалось, что где-то далеко,  
Может быть на краю земли,  
Великан сверкал своим оком,  
Колесницей скрипел вдали.  
Стрелы молний в землю вбивая,  
Остриями швырял их ниц.  
Вдруг умолк, и степь, оживая,  
Наслаждалась пением птиц.  
Всем пичугам место хватало,  
Каждый год и во все века.  
Но гнездовий былых не стало,  
Оборвалась жизни река.  
Жаворонок вернулся к дому,  
Кот все также греет бока.  
Но хибару готовят к слому,  
От картины этой тоска.  
А машин стальные ручиши  
Земляные крушат пласты,  
Братьев меньших руша жилища,  
Достигает пыль высоты.  
Им подвластно дело любое,  
Повернуть могут реки вспять.  
Но все также сюда весною  
Летят птицы гнездиться опять.

## ЭСТАФЕТА

В конце января 1970 года, меня пригласили в комитет комсомола «Куйбышевгидростроя». К тому времени я прошел годичный испытательный стаж и стал коммунистом. Секретарь комитета комсомола Николай Абрамов, побеседовав со мной, рассказал о текущих делах на ударной стройке. Спросил, учусь я или нет. Из моей биографии он знал, что армия прервала мою учебу в техникуме. Посоветовал мне поступить на рабфак политехнического института. В то время это было необходимо. Если имелось направление со стройки, на рабфак зачисляли без проблем. Я ответил, что подумаю над этим вопросом. Николай рассказывал о комсомольской эстафете, которая движется по крупным ударным стройкам Советского Союза. Эстафета приурочена к столетнему юбилею В.И. Ленина. Так комсомольцы рапортуют Ильичу о своих делах. Кубок передается из одного города в другой. Везут кубок молодые передовики производства, победители соцсоревнования. Николай показал мне кубок, который на днях прибыл с комсомольской делегацией из Магнитогорска, где строится завод-спутник ВАЗа, с прокатным станом-2500, на котором будут катать стальной лист для кузовов выпускаемых автомобилей. Кубок выполнен из нержавеющей стали, с гравировкой со строек, где он успел побывать. Николай, наверное, не случайно выбрал меня. Кубок был тяжел, весил не менее пяти килограммов. Затем секретарь проинструктировал меня, сказал, чтобы я готовился к поездке, с делегацией комсомольцев в город Новокуйбышевск. В домостроительный комбинат треста № 25. Там по современной московской технологии возводятся высотные экспериментальные панельные жилые дома. Методом монтажа с колес, который только начал внедряться. Мы должны передать эстафету комсомольцам этого треста.

Наступил долгожданный день, была пятница, шел легкий снежок. На служебной «Волге», в десять часов утра, торжественно, под напутственные слова друзей, мы отбыли в город Новокуйбышевск, к обеду были на месте. И вот мы уже в Доме культуры домостроительного комбината. Нас встретили, как дорогих гостей, тепло и радушно, окружили заботой и вниманием. С восхищением смотрели на нас, каждому было лестно сфотографироваться с нами. Возглавлял комсомольскую организацию треста Юрий Калошин, молодой коммунист, как и я. Ему было около тридцати лет.

Сценарием была предусмотрена обширная программа с торжественной частью, с докладом, с выступлением передовиков. Слово дали и нам, посланцам ударной стройки. Затем наступила вторая часть, так называемый «Голубой огонек», для передовиков и комсомольского актива. Мы сидели в центре зала на почетных мес-

так. Столики были уставленными легкими спиртными напитками, конфетами и фруктами. Шел непринужденный разговор, мы обменивались мнениями, смотрели концерт художественной самодеятельности. Слышались хлопки открываемых бутылок шампанского. Звучали здравицы в наш адрес, в адрес Коммунистической партии СССР, в адрес ЦК Комсомола. Потом заиграл эстрадный духовой оркестр, начались танцы, чередуемые песнями. Вечер проходил весело, с огоньком и задором. Кругом стоял шум и смех. Звенели девичьи голоса, сверкали радостные улыбчивые лица, сыпались комплименты в адрес местных красавиц, которые томно поглядывали на нас. Мы держали марку, выглядели непринужденно, солидно и представительно. Вечер прошел на должной высоте. Приближалась полночь. Наш благодетель и хлебосол Юрий Калошин пригласил к себе в гости, застолье продолжалось, но уже в узком кругу. Угомонились мы в третьем часу ночи. Наших девиц, передовиков производства, забрала к себе на ночлег кто-то из секретарш.

Будильник дал возможность выспаться, поднял в десять утра. Успев привести себя в порядок, мы сели за стол. Хозяйка угостила вкусным завтраком, хозяин как следует опохмелил. Спирта было — залейся! После обеда, под парами, довольные и радостные, с массой гостинцев и подарков, мы отбыли вовсю. Я сидел на заднем сидении, зажатый двумя комсомолками. Было жарко, тесно и неуютно. Активистки сидели с постными лицами, жеманились, что-то из себя воображали. Были скованы, неприсступные, как куклы-недотроги. Меня бесила их напыщенность и наигранное высокомерие. Я был полон желания пощупать одну из них. Поездка была скоротечной, но весьма утомительной, с неукоснительным соблюдением принципов морали и устава. Не оставив никакой надежды на минутную слабость.

После Новокуйбышевска эстафета ушла в Прибалтику.

\*\*\*

«Друг мой преданный Витюша,  
Ты о нас рассказ послушай».  
И трудясь одной семьей  
Мы и летом и зимой.

Были радость и лишенья,  
Труд был всем нам в утешенье.  
Стадион, театр, кино  
Посещали все равно.

И болели за спидвей,  
И ходили на хоккей,

И влюблялись, и женились,  
Жили и не разводились.

И совсем другой был век,  
Был душевней человек,  
И не думал о монетах  
В парусиновых штиблетах.



## ВИЗИТ ГЕНРИ ФОРДА

Весной 1970 года стройку, как и всю страну, всколыхнула весть: город Тольятти посетит Генри Форд, американский магнат, представитель крупнейшей автомобильной корпорации из Детройта. Молва о его приезде передавалась из уст в уста. К этому времени строительство ВАЗа достигло своего апогея, приближался юбилей Ильича.



Если посмотреть на объект с высоты птичьего полета, то вырисовывалась невзрачная картина: после зимы только что сошел снег, земля не успела еще просохнуть, весеннюю распутицу усугубили дожди, кругом была сплошная грязь и озера талой воды. Повсюду траншеи, валы грунта, вороха арматуры, штабеля железобетонных и стальных конструкций. Чтобы не ударить в грязь лицом, М.Ф.Семизоров заранее собрал штаб стройки, на котором скрупулезно, по пунктам были разработаны мероприятия, обеспечивающие предстоящий визит американского гостя. Намечен предполагаемый маршрут следований делегации, который бы продемонстрировал гостям степень готовности объектов. Здесь-то и началось самое интересное, не обошлось без курьезов и головотяпства. Некоторые руководители, чтобы выслужиться перед вышестоящим начальством, переусердствовали, решили перестраховаться. По маршруту следования магната, в буквальном смысле, все пустили под нож бульдозера: заравнивались траншеи; закапывались детали и изделия; корежились и ломались перевозимые с места на место инвентарные вагончики; убирались

времянки, всевозможные будки и другие строения, портящие вид строительных площадок. Устанавливались щиты с наглядной агитацией с красочными плакатами и текстами на них: «Добро пожаловать!», «Слава КПСС!», «Стройке — ударные темпы!», «Даешь автомобиль к юбилею Ильича!», «Ленин-Партия-Комсомол!»

Стройка представляла собой растревоженный муравейник перед дождем. Все двигалось, урчало, шумело на разные голоса. Но организованно, без паники и хаоса. Куда-то все тащилось, перемещалось, поднималось и опускалось... Среди массы всевозможной строительной техники мелькали фигуры строителей, сверкали огни электросварок.

И этот день настал. 15 апреля Генри Форд побывал к нам на стройку. Нет сомнения, он был поражен размахом строительства и сжатыми сроками выполнения работ.

Перелистывая фотографии той эпохи, заснятые в момент его визита, всматриваясь в лицо заокеанского гостя, проезжающего по цехам, видно, с каким вниманием и любопытством, разглядывал он творения рук советских людей. Бросается в глаза уверенность и спокойствие, гордость за свое детище на лицах наших первых руководителей: замминистра Минэнерго Александрова А.П., начальника строительства Семизорова Н.Ф., генерального директора автозавода Полякова В.Н.

Не думаю, что руководитель такого масштаба, как Г. Форд, не смог оценить одержимости и сплоченности коллективов, начиная от простого рабочего и до замминистра, не заметить уверенности на лицах хозяев стройки в том, что завод будетпущен в срок.

После визита босса автомобильной индустрии ходили слухи, а, может, это были его слова из интервью журналистам, не знаю, будто Генри Форд сказал, что нецелесообразно строить большие объекты, занимая под них обширнейшие площади плодородных земель, что американцы более рачительные, строят подобные предприятия на неудобьях. Наверное, он был в чем-то прав. Думаю, его слова были искренни, не скептичны. Стройка покорила его своими масштабами. Полагаю, что после поездки в СССР, Форд еще не скоро пришел в себя, впечатленный энтузиазмом строителей, мудростью руководителей, современной передовой инженерной мыслью, которая существовала в строительной практике в нашей стране. Он был восхищен волей к победе, которую он прочел на лицах Полякова В.Н. и Семизорова Н.Ф. И в том окончательно убедился через несколько дней — 19 апреля первые шесть автомобилей марки «Жигули» сошли с конвейера. Это был триумф советских автостроителей.

Что касается черноземов, нерачительного использования плодородных земель, то в этом, наверное, есть своя логика. В нашем государстве, с его огромными территориями, сколько бы ни затопляли пахотных земель, лесов и лугов в связи со строительством

гидроэлектростанций — а их только на Волжском каскаде около десятка — пахотных земель оставалось предостаточно. Да, нерачительно, но в то время это было необходимо. А сколько сейчас брошено пахотных земель, зарастающих бурьяном и кустарником! Но это другой вопрос.

А визит Генри Форда вошел в историю строительства Волжского автозавода, в том числе и в этот короткий рассказ о нем.

\*\*\*

Ничего о жизни не знали,  
Повзрослев, постигали потом  
Путь тернистый ее реалий, —  
Где по шерсти, а где кнутом.  
И несясь по ней без оглядки,  
На поступки свои не смотря,  
И играли с судьбою в прятки  
С легкомысленностью и зазря.  
Дабы знать про картины эти,  
Где соломинку постелить...  
А сейчас я один на свете,  
И меня ничем не удивить.  
Находили мы, что-то теряли,  
Кто сейчас, да и что утет.  
И, бросая камни, не знали:  
Собирать их время придет.



## СТРОИТЕЛЬСТВО ВАГОНЧИКА

Еще раз скажу, что только сейчас начал осознавать и сожалеть о том, что в свое время не вел записей и дневников. Пытался заниматься фотографией, имел кое-какие навыки в этом деле. Некоторые фотографии с молодых лет до сей поры храню в альбоме. Но их не много.

Не мало было интересных событий и случаев в жизни, которые сейчас трудно восстановить по памяти. Самый яркий след из них оставили годы молодости, годы исторических свершений, годы строительства Волжского автозавода. В этой небольшой главе, я остановлюсь на жизни моего коллектива, коллектива комсомольско-молодежной бригады, которая начала формироваться в феврале-марте 1969 года. Бригада, по мере увеличения объемов строительных работ пополнялась все новыми людьми. Это были не только мобилизованные воины, но и комсомольцы, прибывавшие на стройку по путевкам. Бригада выросла с восьми до двадцати пяти человек. Цеха уже готовили под монтаж оборудования, в связи с этим, бригады строителей стали пополнять вазовцами, как мы их тогда называли. Это были высококвалифицированные специалисты, прошедшие стажировку на заводах Турина в Италии.

Понятное дело, они не имели навыков в строительстве, у них был другой профиль, другие специальности. Их давали нам в помощь при производстве валовых работ, не требующих большого опыта и мастерства. Яставил их, в уже существующие свои звенья. В скором времени бригада выросла до сорока четырех человек. По утрам, в первую смену в бригадной будке начиналось столпотворение. Возникла необходимость в строительстве нового просторного бригадного помещения. Я собрал совет бригады, показал эскиз вагончика, выполненный на миллиметровке, в масштабе. В его конструкции мы учли все: и способ перемещения, и площадь, и место для хранения инструмента, и место для сушки спецодежды. Предусмотрели небольшой кабинет-отсек для бригадира с сейфом и столом. Дело осталось за малым. Но просить материалы у прораба было бесполезным делом. Ответ однозначен: «Изыскивайте резервы. Пиломатериалов не хватает даже на опалубку. Ишь! Раскатали губенки, думайте сами!» Мы недолго думали. С нашей колокольни было виднее, где и что взять.

Мы были хозяевами стройки, поступили так, как считали нужным. Заревел трактор ДТ-54, и вот нужные трубы, два конца метров по двенадцать сечением 325 мм, уже лежат на монтажной площадке. С металлом вообще проблем не было, ни с уголком, ни со швеллером, ни с дутавровой балкой. В течении рабочей недели каркас вагона был сварен. Пиломатериал мы позаимствовали у вазовцев, благо, к тому времени многотоннажное оборудование к нам на строительную площадку шло полным ходом.



Это были объемные деревянные ящики из строганых досок. Проблема с деревом была решена. Будку с двух сторон обшили досками, проложив внутрь рубероид со шлаковатой, и по черному полу, и по потолку. Рамы заказали плотнику Геннадию Боброву, который на нашем участке заведовал столяркой. Железо на крышу позаимствовали у вентиляционников. Внутри, по периметру устроили рундук для сидения, с откидывающейся крышкой. Рундук для хранения инструмента, гвоздей, скоб, электродов, сварочных проводов и других вещей. По центру соорудили

вместительный стол. Рядом — электрокамин с решеткой для сушки рукавиц и обуви. Вагончик быстро высох после окраски. Его светло-зеленый колер гармонировал с зеленью газонов строительного городка, в сочетании с разноплановой наглядной агитацией, с вывеской о принадлежности к такому-то участку, с фамилией бригадира и красным флагом. Нам было все под силу!

Открытие и заселения происходило без особой помпезности. Вагончик обмыли, не забыв освятить углы водочкой. В вагоне стало просторно и уютно, пахло свежей краской. Красиво подобранные обои, колоритно дополняли голубенькие занавески на окнах, делая помещение домашним, придавая ему жилой вид. На одном из конкурсов, проводимом трестом, наше творение было отмечено, как лучшее бытовое помещение, и выделено на нужды бригады 300 рублей.

На стройке частенько возникали проблемы с питьевой водой. Вода была привозная, доставлялась на площадку бойлерами, тары под нее не хватало. Что для бригады два двадцатилитровых бачка на день, особенно в летнее время, нет-ничто. Мы и эту проблему

му решили самостоятельно. Шел 1972 год, июнь, начало лета. Мы вели работы по строительству подвалов-бомбоубежищ между шестой и седьмой вставкой, с южной стороны главного корпуса. Лето было жарким, помыться после трудового дня было негде, запас воды для этой цели отсутствовал.

Кому-то пришла в голову мысль притащить из цеха вентиляционный цилиндрический оцинкованный короб. Метра два в диаметре и высотою в три метра. Подобрали для него удобное место, поставили на попа, на заранее забетонированную плиту с анкерами, прикрутили низ на гайки, забетонировали снаружи и изнутри. Зажелезили поверхность, врезали один кран для отбора воды, второй снизу — для сброса и очистки емкости от грязи. Этим баком мы пользовались года два. Зимой утепляли, делали электроподогрев. Воды теперь стало вдоволь. С этой проблемой мы справились. Мой друг кавалер ордена Ленина Виктор Быков, бригадир кралистов, иногда в обеденный перерыв заезжал ко мне в гости, набирал воду в резиновое ведро для себя и самосвала. За чашкой чая мы перебрасывались новостями, вели разговоры о текущих делах.



Вот еще о чем хотел рассказать. Материалы на стройку шли централизованно, строго по заявкам согласно графикам. Недостатки у прорабов по ним не возникало. А в данном случае мы у соседей просто позаимствовали материалы на строительство бригадного вагончика. Материалы в то время были очень дешевыми, как дерево, так и металл. А, что касается его выписки, для нужд частным лицам, здесь возникала огромная проблема. Материалы запрещалось выписывать за наличный расчет, поэтому легче было что-то утащить, чем подписать накладные на их отпуск. Конечно, ящики из-под оборудования сыграли для дачников первостепенную роль. А что касается стройки — бери, вези, используй, но лишь на площадке в строительных целях. Никто искать не будет, даже тогда, когда ты взял его без выписки у соседей с другого участка или треста. Да, находились шустрые прорабы, ухитрялись загнать доски или подтоварник в соседнее село. Но это бывшие в употреблении материалы, неоднократно использованные, но еще пригодные для строительства. А в то время, на бутылку можно было обменять самосвал бетона. Может, кто-то и погрел на этом деле руки, не знаю, это тема иная.

\*\*\*

Снова о бригаде  
Поведу рассказ.  
Как бетон из бадей  
Лили первый раз.  
Пели и шутили,  
Идя на парад.  
Вместе грязь месили,  
Не просив наград.  
Парни на все руки,  
Все, как на подбор.  
Мы не знали скуки,  
И звенел топор.  
Нам семья бригада,  
И был другом лом,  
И кувалда, вага.  
Наша будка — дом.  
Коллектив рабочих,  
Сколько глаз и лиц.  
Были среди прочих  
Несколько девиц.  
Таня и Наташа,  
И бугру кранты.  
Всех девчонок краше  
Таня — это ты.

Для кого-то мамой,  
Для кого сестрой,  
Девочкой упрямой,  
Чистой и простой.  
Нам судьбина сводня  
Не хотела зла.  
Милостью Господней  
К нам была добра.  
Посмотреть охота  
Через призму дней,  
Сделанной работой,  
И горды мы ей.



## БЕТОННЫЕ ПОЛЫ

Людская память небезгранична, сложно понять, как устроен человеческий мозг, эта электронная машина заложенная Господом в голову каждого из нас. Какие-то события из прожитой жизни всплывают ярко, как сейчас, вплоть до мельчайших подробностей и деталей, а другие время затушевало. Трудно вспомнить даты, объекты, отдельные эпизоды, имена и фамилии людей.

Как я отмечал в предыдущих рассказах, наша бригада крепла с каждым днем, люди набирались опыта, появился свои лидеры. Как бригадир, я знал, кто на что способен, кому какое дело можно поручить и доверить. К лету 1968 года основные цеха главного корпуса были под крышей, началось бетонирование полов и фундаментов под оборудование. На устройстве полов я и хотел остановиться. Чтобы быть объективным, обращу внимание на то, что, как и везде, в том числе и в строительстве, все складывается из мелочей, из отдельных деталей. А результатом всей подготовки к тому или иному процессу является конечный продукт. Все строители в этом со мной согласятся.



Как на кухне: хозяйка задумала испечь пирог. Казалось бы, несложно. А если все рассмотреть в деталях, начав с того, что надо иметь все необходимое: соответствующую посуду, сковороду, плиту и так далее. Приготовить начинку, разумеется, тесто, слепить пирог. Суметь его испечь, чтоб не подгорел и не был сырьим. Без соблюдения этих условий результата не будет, пирог не испечь. Имеют значение форма, цвет, запах и вкус. Так и при устройстве бетонных полов — своя специфика, особая технология производства.

А начинается все с подготовки грунтов под основание будущих полов — планировка и уплотнение их до нужной прочности. Подстилка выравнивающего слоя из песка и щебня, с выдержкой нужной толщины материалов, с последующей их укаткой-уплотнением. Разметка температурных швов, с установкой направляющих швеллеров, по ширине карт, с выверкой их нивелиром по отметкам, закрепление штырями арматуры. Подготовительные работы закончены, наступает кульминация, главная часть — бетонирование. Бетон, как и всякий другой материал, имеет свойство к деформации под воздействием температур, к расширению или сужению. Это качество, на первый взгляд незаметно, но это так. Температурные швы на бетонных картах компенсируют его деформацию, не давая бетонным полам пучиться и растрескиваться. Бетон должен быть пластичен. Предпочтение отдается той массе, которая замешивается на мелком щебне, без излишней влаги.

Подготовлен соответствующий инструмент к приему бетона, люди занимают свои места, процесс пошел. Укладку бетона в полы выполняет звено в составе четырех наиболее опытных бетонщиков. Подается команда самосвалам. Они последовательно, один за другим, заходят задом на карту, вываливая бетон. Для первой захватки хватает пяти-шести машин. После чего начинается растаскивание и разравнивание бетонной массы по всей поверхности. Применяются специальные гребки в форме тяпок, на длинных деревянных ручках или металлический совок, который за веревку тянут два бетонщика, растаскивая бетон по всей поверхности карты. В этом деле необходимо соблюсти ряд тонкостей. Учитывая то, что при вибрировании бетон начинает оседать, заполняя пустоты в подстилающем слое, поэтому его поверхность должна быть на несколько сантиметров выше уровня направляющих швеллеров. После чего начинается уплотнение бетона вибрацией, протаскивание виброрейки несколько раз по всей карте. Бетонщики следят, где убрать лишний бетон с поверхности, где наоборот — подбросить. Следом в дело пускается ручная гладилка, выполненная из идеально ровного уголка, шириной в четыре метра. Этой гладилкой проходят по всей поверхности два-три раза, доводя ее до уровня швеллера. Даётся выдержка десять-пятнадцать минут на его усадку. За это время на поверхности бетона выступает цементное молочко.

Я не берусь судить о том, есть ли в каких-либо учебниках все тонкости по укладке бетона в полы. Изложена ли эта технология, как доношу ее я. Но мы добивались качества проводимой работы методом проб и ошибок, путем экспериментов. А некоторый ручной инструмент придумали и сконструировали сами.

Если бетон по той или иной причине суховат, бетонщик мочит веник в ведре с водой, равномерно разбрзгивая ее по поверхности. После чего начинается доводка. Самые опытные бетонщики берут за ручки с двух сторон специальную гладилку, выполненную из транспортерной резиновой ленты, несколько раз протягивают ее по всей поверхности, следят за тем, чтобы под резинку не попал камешек щебня, не оставил полос и царапин. Поверхность бетона доводится до зеркального блеска.



У меня в альбоме сохранились любительские снимки с производства. Я как-то показал их дилетантам и спросил: «Что вы видите на снимке?» Толком никто не мог ответить, лишь пожимали плечами. На фотографии, на бетонной поверхности, как в зеркале, отражались наши силуэты. Бетонные полы принимали итальянские кураторы, к проверке качества они относились с особой тщательностью, не пропуская брака, составляли акт на переделку. А это приводило к финансовым затратам и наказанию виновных.

Поверхность бетонного пола шла под последующую укладку деревянной торцовой шашки из высокопрочных лиственных пород древесины, пропитанных и вываренных к креазоте. Деревянная шашка наклеивалась на поверхность бетона специальной мас-тикой, с выглаживанием и уплотнением электрическими утюгами.

С особой благодарностью я вспоминаю своих помощников, профессионалов своего дела, асов в устройстве бетонных полов: Романа Сейдгазова, Сашу Капленкова, Витольда Лянцевича, Ивана Фалюшина, Сашу Хотяновича, Володю Рыжкова, Таню Сиппер, Наташу Кравченко, Анатолия Шарыбу и других ребят. Эти истинные строители оставили свой след на этой земле!



\*\*\*

Завершалась ночная смена,  
Мы собрали свой инструмент.  
И охапку душистого сена  
Приволок Петруха-студент.  
И готово к трапезе ложе,  
В голове у нас мысль одна.  
Соберем к столу кто что может,  
А с утра уж течет слюна.

А в желудке давно сосало,  
И уж всем было не до сна.  
У Петрухи в заначке сало,  
У Витольда с едой сума.  
В ней есть всё: вареная бульба,  
И, конечно, пяток яиц.  
Верно, ждёт нас знатная гульба,  
Нет счастливее наших лиц.  
На зубах хрустела цыбуля,  
Сало таяло на глазах.  
Все ж унюхал его грязнуля,  
И вся морда его в репьях.  
Получил свою пайку сала,  
И к Татьяне под бок залез.  
Настрадался, стервец, немало,  
Кобелина знал себе вес.  
Видно он считал себя тоже  
Нашим, пятым членом звена.  
Только видно не вышел рожей,  
Эта рыжая сатана.  
Уж пичуга дала начало,  
На побудку стройку звала.  
А для счастья так надо мало,  
Было лето, и степь цвела.



## СЛУЧАЙ С В.И. КОКИНЫМ

Еженедельно по пятницам, в конце смены, начальник управления В.И. Кокин вместе со своей свитой, совершал обход объектов строительства, убеждаясь в степени их готовности, указывая на недостатки ведения работ в адрес того или иного прораба, оперативно вмешиваясь в их ход, давая советы и наставления. Тыкая их носом, коря и бичуя за огрехи. Мы эту картину, о которой пойдет речь, увидели воочию. Бригада вела работы по бетонированию рамп внутри цеха экспедиции. Март 1971 года подходил к концу. В результате того, что с осени фонари не были закрыты, не застеклены за зиму через них надуло столько снега, что тая, он превратил цеха в сплошные озера. Неглубокие, где вода была чуть выше щиколоток, в резиновых сапогах можно было легко перемещаться. Вертикальная планировка была выполнена по всей площади, засыпана песком и щебнем, разровненная и укатанная.



Василий Иосифович шел впереди, держа руки за спиной, в распахнутом длинном демисезонном пальто, в блестящих резиновых сапогах кофейного цвета, в черной фетровой шляпе, на шее развевался яркий шарф, подарок египетского президента Гамаля Абделя Насера в благодарность за строительство Асуанской ГЭС, полученный им вместе с большой президентской Звездой. Начальники участков, прорабы и мастера семенили следом за ним. Кокин был небольшого роста, коренаст и лобаст, что говорило о его мудрости и уме. Обход подходил к концу, как вдруг Василий Иосифович осекся на полуслове, пропал из виду, будто про-

валился сквозь землю. Вода забурлила, пошла пузырями, а на ее поверхности осталась плавать черная шляпа и конец яркого шарфа, подарок Насера не успевший утонуть. Через несколько секунд из воды показалась лысоватая голова нашего шефа. Прорабы поспешили к нему на помощь, подхватили под мышки, выдернув из воды. Кокин широко дышал открытым ртом, отплевываясь и с перепугу заикался. Как оказалось, с осени по цеху были проложены инженерные сети. А один из колодцев не то водопровода, не то канализации оказался открыт, затоплен водой, став незаметным. Вот Кокин в него и нырнул. Постепенно он начал приходить в себя, отфыркивался, ругался трехэтажным матом на всех и вся. Прорабы вывели его на сушу, вода стекала с него потоками. Кое-как его разули, стащив с него сапоги и пальто. Василий Иосифович стоял на сухой поверхности, дрожал, не попадая зуб на зуб. Находчивый прораб, а это был Виктор Щаев, быстро притащил запасные сапоги, штаны и телогрейку, в которые мигом переодели шефа. Прорабы вылили воду из сапог, выкрутили кое-как пальто, которое превратилось в грязный и мокрый ком. Рабочие растерянно смотрел на эту картину, а кое-кто из строителей, недолюбливавших шефа, украдкой хихикал. Кокин дал команду расходиться, заверив, что кое с кем в понедельник разберется. В попыхах надел свою шляпу задом наперед, устремился, плюясь и чертыхаясь к поджидавшему его у ворот УАЗику.

Этот курьезный случай мы еще долго, посмеиваясь, вспоминали в нашем коллективе.

А если говорить в целом о соблюдении правил техники безопасности, то они строго выполнялись, но все равно, все нельзя было предугадать и учесть. Иногда нерадивость мастеров и прорабов, да и бригадиров, приводила к таким происшествиям, — там не доглядели, здесь не закрыли, не подумав о последствиях. Сжатые сроки строительства иногда не давали возможности абсолютно все предусмотреть, так как работы велись одновременно и на земле, и наверху, на фермах, на перекрытиях, на кровле. Сверху летело все — стекло и крепеж, болты и гайки, инструмент и другие детали. Бывало, что падали монтажники и строители, не обоходилось без человеческих жертв.

Вопиющий случай произошел на КВЦ с бригадой отделочников, который потряс всюстройку. Прораб утром собрал бригаду на оперативку, на высоте, на металлических лесах из профнастила, где велась покраска металлоконструкций. Профлист от тяжести согнулся, и все восемнадцать человек вместе с прорабом, посыпались вниз на бетонный пол, как горох, что привело к жертвам и тяжелымувечьям. Вот результат спешки и беспечности.

\*\*\*

Объявил ударной стройкой  
Стройку века Комсомол.  
Штаб был грамотен и стойкий,  
Все до мелочей учел.

И десантник, и солдат  
Поменял свой автомат  
На совковую лопату,  
Получать стал он зарплату.

Кто был в армии танкистом,  
Классным стал бульдозеристом.  
Принимает штаб десанты,  
Были у людей таланты.

И в Тольятти дембеля  
Потянулись и не зря.  
И на стройке, и окрест  
В изобилии невест.



## У СЕМИ НЯНЕК ДИТЯ БЕЗ ГЛАЗА

Цех колес располагался между третьей и четвертой вставкой главного корпуса. Бытует издавна на Руси пословица «семь раз отмерь, один раз отрежь».

Так было и на этот раз. Об этом мое повествование. Что может быть проще: вот объект, вот чертеж, вот грамотный обученный специалист, а вот он вездесущий закон подлости, который в определенный момент сыграет свою роль.

Строительная сетка на чертежах была с шагом 6 метров. Пересечение цифровой и буквенной оси дает точные координаты и название, в данном случае, фундамента. К примеру: ряд Б, ось № 13 – что проще?

И вот вам, мама, пиши пропало. Я тогда работал в бригаде Олекseenко. Дело было летом. Идем это мы, значит, бригадой по ряду Б и шлепаем фундамент за фундаментом. Технология простая. Залили бетон в опалубку, дали ему выстоять, набрал он нужную прочность, сняли щиты, сделали гидроизоляцию, обмазав его битумом со всех сторон — вот всего-то и делов. А после уж — дело техники. Завезут самосвалы суглинок, засыпят пазухи вокруг фундамента, а трамбовки уплотнят послойно грунт. Сдали ось, следом идут монтажники, наступают нам на пятки.

Думаю, что первым этот огрех увидел геодезист, так как он делал исполнительную схему. Не знаю, доложил ли он начальнику управления или нет про этот случай? Но, похоже, что этот момент особо не афишировался. Собрали консилиум из руководства участка: прорабов, мастеров, геодезистов, бригадиров. Что делать — фундамент посажен не на месте. Здесь должен стоять фундамент простой, двухстаканный, а посадили четырехстаканный, объемом бетона около семидесяти кубов. Грубо прикинули его вес — 120 тонн. Тут-то мы и зачесали затылки. Такую «дуру» не разобьешь, не передвинешь. Подумали-подумали и решили его похоронить, причем, тайно, ночью. Выкопали рядом огромный котлован и свалили его набок и тут же засыпали суглинком, уплотнив это место крановой трамбовкой. К утру от него не осталось и следа, а на месте прежнего залили другой, согласно проекту. Разыскал я совсем недавно одного геодезиста, разговорился с ним по телефону, напомнил ему про этот случай, а он, вроде, и забыл, а, может, и не работал на том объекте. Но этот факт имел место, мне бы в голову не пришло выдумать подобное. И мой знакомый Леша стал что-то припоминать. Да, кажется, был такой случай, мы тот фундамент передвинули... Что, конечно же, было уже его фантазией. В то время у нас не было такой техники, да и как его передвинешь? Для этого нужна идеально ровная поверхность. Да и какое надо усилие и какой механизм, чтобы эту машину с таким весом, да еще и в вертикальном положении передвинуть на две-

надцать метров? Просто абсурд! Чего только не бывало на стройке. Говорят, стройка все спишет. Так случилось и на этот раз.

\*\*\*

Та история не нова,  
Что поведаю я вам.  
Отобедав в полвторого,  
Приступили мы к делам.  
Вновь путейская бригада  
Засучила рукава,  
Перегон «Валы-Услада»...  
О том целая глава.  
И захлебывалась «жёстка»,  
А вибраторы, рыча,  
Шпалы подбивали жестко,  
Костили били с плеча.  
Молоток свистел с замахом,  
В древо лез костьль с трех раз.  
И в поту была рубаха,  
У путейца точен глаз.  
Один слесарь зазевался,  
Не слыхал команды: «Раз!»  
Без зубов тогда остался,  
Хорошо, что не без глаз.  
А сорвалась тогда лапа,  
Саданув как кистенем.  
Захотел он взять с нахрапа,  
Теперь зуб один при нем.  
А работа все кипела,  
Мастер отдавал приказ.  
Рельсы двигали умело,  
По команде всякий раз.



## О ПРОФСОЮЗЕ

Если на партбилете члена КПСС была написано «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», то на билете члена профсоюза: «Профсоюз — школа коммунизма». На эту тему дискутировать не берусь. В данной главе постараюсь рассказать о роли профсоюзного комитета в общественных делах в период строительства.

В каждом СУ был свой профсоюзный комитет, на участках и бригадах — профоргы. Надеюсь, никто не будет оспаривать меня в том, что роль профсоюза неоценима. Работа комитета многообразна: ведение списков учета получение жилья; распределение мест в детских садах; обеспечение материальной помощью нуждающихся; выдача льготных путевок в санатории, дома отдыха и туристических путевок за границу. Скажу конкретно, какими льготами пользовался я, работая в то время на стройке, и что мне дал профсоюзный комитет

О получении квартиры я уже писал.



В Портпоселке, в зоне отдыха, перед началом строительства ВАЗА, был возведен профилакторий КГС — «Звездный». Здесь мог отдохнуть и поправить здоровье любой член профсоюза, с отрывом, так и без отрыва от производства. В нем был создан комплекс услуг, все удобства — профилактика и лечение. Трехразовое питание, которое можно было заказать даже заранее, по своему вкусу. Индивидуально, на выбор: завтрак, обед, ужин. Конечно говоря, кормили «на убой». Сейчас вспоминаю и удивляюсь.

Скептики твердят, что тогда был застой, все разбалансировано. Это не так! Ничего подобного не было. Все было четко, продумано, культурно и вежливо. В профилактории можно было плотно позавтракать, сесть на служебный бесплатный транспорт, добраться до рабочего места, а в обеденный перерыв обернуться за час туда и обратно, пообедав там. Вечером после смены, здесь каждого ожидал сытный разнообразный ужин, всевозможные медицинские процедуры. Завершался вечер культурно-массовыми мероприятиями — выступлениями участников художественной самодеятельности. Зимой — лыжи, летом — прогулки по воде, катание на веселых лодочках и водных велосипедах.

Профсоюз и комсомол регулярно организовывали спортивные соревнования на стадионе «Строитель» по многим видам спорта. У нас в бригаде была своя футбольная и волейбольная команда. Даже брали какие-то места, участвуя в состязаниях. Профсоюз контролировал выход дружинников на закрепленные участки. Дни дежурств приурочивал к дополнительно оплачиваемому отпуску. Профсоюз следил за тем, чтобы рабочие систематически повышали свой профессиональный уровень. Направлял на обучение смежными профессиям в учебный комбинат КГС. Без отрыва от производства организовывал всевозможные конкурсы: «Лучший по профессии», «Золотой мастерок» и другие. Помню широко афишированный конкурс «Золотой мастерок», в нем каменщики соревновались между собой, делились опытом. Этот конкурс завоевал огромную популярность на стройке, выявил ряд победителей.

Накануне ленинского юбилея состоялся слет бригадиров КГС. Слет прошел под девизом «Бригадир, младший командир производства — наш золотой фонд. Поднять роль бригадира до уровня хозяина на стройке — насущная задача дня». Основные качества бригадира, по словам Н.Ф. Семизорова, — деловитость, личная культура, организаторские способности, постоянное стремление к повышению мастерства.

Летом 1970 года многотысячный коллектив «Куйбышевгидростроя» отметил свое двадцатилетие. Значительную подготовительную работу к этой дате провели общественные организации — партийный, профсоюзный и комсомольский комитеты. Во всех бригадах и участках прошли рабочие собрания с подведением итогов, с поощрением передовиков денежными премиями, знаками «Победитель соцсоревнования», почетными грамотами. Одним из ярких событий юбилея явилось чествование коллектива на стадионе «Строитель». Мне со своей семьей удалось побывать на этом торжестве в качестве зрителей. На трибунах яблоку негде было упасть. Программу вела неповторимая Людмила Лядова, в присутствии руководителей КГС и почетных гостей. Среди них: Комзин Иван Васильевич (бывший начальник строительства ГЭС им.

Ленина), замминистра энергетики электрификации Александров Александр Петрович, Комаровский Николай Сергеевич, Горбань Афанасий Афанасьевич и другие. Песни в исполнении Валентины Толкуновой покорили всех нас. Из юмористов особенно запомнился Ян Арлазоров. Людмила Лядова, взяв бразды в свои руки, со всей присущей ей энергией, командовала звукорежиссерами и осветителями.

На следующий день, в воскресенье, мы с супругой посетили магазин «Изумруд», на улице Победа. Искали для нее сережки. И здесь нос к носу столкнулись с Комзиным И.В., который с дочерью и директором магазина выбирали чайный сервис. Я подумал, наверное, Иван Васильевич собирается подарить этот сервис супруге Н.Ф. Семизорова.

В то время газета «Гидростроитель» писала в одном из своих номеров, посвященном двадцатилетию «Куйбышевгидростроя»:

«Весь наш большой народ за то, чтобы труд

Введен был в культ, как высшая святыня.

Где нет труда, сады там не цветут.

Где нет любви к труду, там мир — пустыня».

«Строитель — первый человек на земле, где он пройдет, там жизнь начинается. Уж кому-кому, а строителям всегда приходится начинать с нуля. И всегда трудовой их ритм максимально напряжен».

Летом этого же года профсоюзный комитет организовал поездку в город Ульяновск, по Ленинским местам. С посещением Ленинского мемориала «Золотой венец», открытого к юбилею вождя. Для этой цели был зафрахтован двухпалубный теплоход «Ом». Поездка была организована для коллектива нашего участка, насчитывающего свыше ста человек. В таком массовом мероприятии я участвовал впервые. Мы отчалили от Комсомольской пристани вечером, а ранним утром швартовались у причала в Ульяновске. Поездка проходила в неформальной обстановке, вся ночь была в нашем распоряжении. Тогда мы и оттянулись по полной программе. Буфеты работали на обеих палубах, предлагая сравнительно недорогие закуски с легкими спиртными напитками. В культурной программе соседствовали современные танцы, популярные песни и музыка. Мы наперебой читали стихи перед микрофоном. Профсоюз приготовил номера художественной самодеятельности, каждый мог показать, на что способен. Далеко за полночь закончилось веселье. Кто заснул, кто бодрствовал, ждал рассвета. Корабль, слегка покачиваясь на волнах, двигался к намеченной цели. Поутру, руководитель кое-как растолкал спящих туристов, пригласил к трапу. Высадившись на берег, мы попали в руки местного экскурсовода. При этом наш руководитель облегченно вздохнул. Обессиленные, с большим трудом, после бессонной ночи, преодолев крутой подъем, мы вышли к мемориалу вож-

дя. Началась экскурсия с фотосъемкой, с посещением мемориала, гимназии и дома, где жила семья Ульяновых. Мы побывали в сквере на могиле Ильи Николаевича Ульянова. Впечатлений получили массу. Прикоснулись к вещам, которые держал в руках наш вождь и учитель. Посмотрели его школьные дневники и тетради. Я подержал ручку, которой Володя писал сочинения в гимназии.



Довольные и усталые, мы возвращались к причалу, где нас ждал корабль. После бессонной ночи не все туристы чувствовали себя комфортно. Но, посетив мемориал, взбодрились, пришли в себя. К причалу спускаться по широким мраморным ступеням было значительно легче. Проведя перекличку, гид проводил нас до корабля. Помню как сейчас, недосчитались двух туристов. Тогда-то я и услышал шутку из уст экскурсовода: «Мы без труда находим потерявшихся, как правило, это туристы из Тольятти, скорбящие на могиле Ильи Николаевича». Не каждый турист выдерживал такую нагрузку, после бессонной ночи, находясь в рас slabленном состоянии. Вот они и засыпали на указанной могиле в густой траве, под ветвями сирени и щебетание птиц.

Поездка на родину Ильи Чайки оставила яркий след в памяти каждого из нас. Такие путешествия были большой редкостью. Работа стояла на первом месте.

\*\*\*

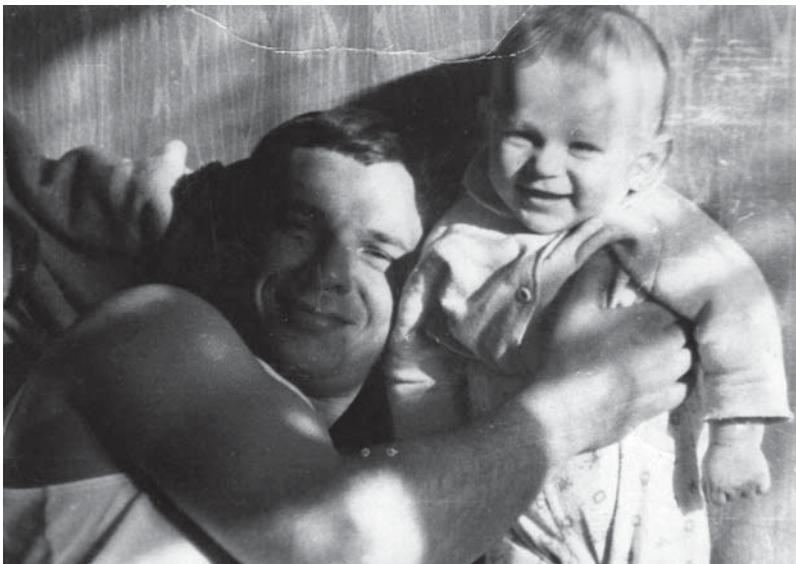
От Москвы и до Чукотки  
Пролетела весть,  
Волжских берегов находка,  
Будет город здесь.

В развитом социализме  
Были все равны.  
Светлый город коммунизма  
Строим для страны.

Коммунисты всего мира  
Смотрят свысока.  
И протянута Пальмиро  
Брежнева рука.

Для Италии Пальмиро,  
А для нас Ильич.  
Стал призывом всему миру  
Коммунистов клич.

Будет здесь завод построен  
В память Ильичу.  
И Генсек будет доволен,  
Все нам по плечу.



## ПОДРОБНОСТИ БЫТА

Комсомольский поселок в начале пятидесятых годов располагался в районе бывшей деревни Кунеевки. Сейчас это возвышенный левый берег Куйбышевского водохранилища. В историю вдаваться не буду. Это другая тема. Опишу лишь то, что осталось в моей памяти о том времени.

Это был рабочий поселок, утопающий в зелени тополей и кленов. Здесь было намешано все разнообразие кварталов и застроек. Можно увидеть улицу из частных домов, если смотреть от улицы Матросова вверх до улицы Механизаторов, с правой ее стороны, вдоль леса, простирался частный сектор, а слева, где-то с середины начинался парк, часть девственного леса сохранившегося до наших дней. По всему поселку, еще со времен ГЭС, были разбросаны деревянные бараки и двухэтажные восьмиквартирные дома из бруса. В центре Комсомольска красовались дома сталинской застройки и традиционные хрущевские пятиэтажки. Особенно хорош был поселок в летнюю пору после дождя. Листья тополей, омытая водой, источала терпкий, приятный аромат леса, а свежий воздух, насыщенный озоном, создавал комфорт, своеобразный колорит, напоминая зону отдыха. Так как поселок строился на песках, то в суховеи здесь пыли хватало. Дождь являлся для жителей в радость, спасением от пыли и грязи. Главной достопримечательностью Комсомольского района являлась Волга, с пристанью, с примыкающей к ней набережной, с современным кинотеатром «Маяк».



Смешанный лес огибал поселок с востока на запад, с лихвой обеспечивая район кислородом. В сосняке, вдоль пешеходной тропы, можно было встретить резвившихся белок и синиц, и покормить их с руки семечками. К тому времени не перевелись еще лоси и

косули. По дороге, соединяющей Комсомольск с Портпоселком, идущей через лесную зону, стояли знаки, ограничивающие скорость движения. А вдоль дороги висели плакаты с текстом: «Внимание! Переход лосей». Были случаи аварий, даже со смертельным исходом, когда животное неожиданно выбегало на дорогу. Однажды разбился здесь экипаж ГАИ.

За грибами не нужно было далеко ходить, их собирали тут же, под ногами. Мы как раз и жили с семьей в этом районе, в бараке, на углу улиц Чайкиной и Механизаторов. До леса было рукой подать. Шикарнейшего места отдыха для детей и взрослых не придумать — ни шума машин, ни пыли. Единственным недостатком являлось огромное наличие собак. Они своим лаем не давали спать ночами. Когда я шел со второй смены поздно ночью, собачья свора как-будто подкараулила, ждала моего появления. Приходилось брать с собой кусок арматуры для защиты.

В Комсомольске мы прожили с семьей более пяти лет. С женой оба работали. Поначалу ребенка водили в ясли, затем — в детский сад. Мы жили, как и любая молодая семья того времени, надеясь на себя и на лучшее. Жизнь начинали «с нуля», родителям своим не создавали проблем, не были для них обузой, помощи не просили — сами трудились, этим и жили. Чем были заняты в свободное от работы время? По субботам ходили в общую баню. Уборка и стирка входила в обязанности жены, я же гулял с ребенком, водил его летом в парк на всевозможные аттракционы, зимой — на каток, катаясь с горки на санках и лыжах. В погожие летние вечера выходили на набережную Речного вокзала. Эти прогулки подгадывали к приходу пассажирских туристических лайнера — они обычно швартовались вечерами. Мы фланировали вдоль причала с мальшом, ведя его за руку, или везли в коляске. Разглядывали витрины киосков с сувенирами, которые предназначались для иностранных туристов. Здесь были и балалайки, и матрешки, всевозможные игрушки, деревянные ложки, лапти, много-много чего еще. Мы с завистью и любопытством поглядывали на ухоженных дам и стариков, которые между собой переговаривались на иностранных языках, фотографировали наши достопримечательности, не жалели денег на сувениры, удивляя нас своими толстыми кошельками. Набравшись смелости, иногда подходили к ним — нам немного понятен был немецкий язык, еще по школьной программе, и перебрасывались с иностранцами незначительными фразами. На следующий день туристов возили в город на экскурсии.

Напротив речного вокзала к тому времени был построен современный кинотеатр «Маяк», с просторным холлом, вестибюлем и буфетом. Кинотеатр имел два демонстрационных зала на триста мест каждый, голубой и розовый. Телевизоры в то время были дефицитом, не каждый мог себе позволить его приобрести. Мы с

женой иногда ходили на премьеру фильма в единственный кинотеатр района, оставляя сына Евгения под присмотром друзей Ивана и Зины Липатовых. А театра в городе не было еще и в помине. Припоминаю такие киноленты, как «Женя, Женечка и Катюша», «Свадьба в Малиновке», «Три тополя на Плющихе», «Вертикаль», «Хроника пикирующего бомбардировщика», «Война и мир»...

В летнее время в парке на летней эстраде частенько выступали приезжие артисты: Вадим Мулерман, Ян Арлазоров, Валентина Толкунова и многие другие, всех не упомнишь. На открытые стройплощадки ВАЗа часто приезжали артисты, даже из Москвы, как во время войны фронтовые бригады. Они выступали прямо с кузова автомашин. Мы так же выезжали в областной центр город Куйбышев, в цирк, и однажды нам повезло попасть на концерт В.С. Высоцкого во Дворец спорта. Активным участником Грушинского фестиваля я не был, но несколько лет подряд участвовал в нем.

В 1967 году впервые узнал, что такое спидвей. Это был год рождения команды «Жигули», которая была создана при спортивно-техническом клубе ДОСААФ «Куйбышевгидростроя». Радетелями за тольяттинский спидвей стали начальник «Куйбышевстстроя» Н.Ф. Семизоров, его заместитель К.А. Борисов, В.В. Харченко и секретари парткома В.И. Таланов, А.Н. Голубь. Мы частенько приезжали на выступления нашей команды поболеть за «Жигули», посещая в выходные спортивные соревнования.

Летом навещали моих родителей, проживавших в селе Пере-волоки, в этой жемчужине Поволжья, где у отца был бревенчатый дом, огород двадцать соток, да деревянная весельная лодка. Мы иногда выезжали со старшим братом на ней на рыбалку, на леща.

Вспоминаю такой случай. Было летнее солнечное утро, начало июля. Мы пришли на берег с братом Виталием, собравшись на послеобеденную рыбалку, готовились к отплытию. Несколько мужиков чинили на берегу здоровую дощатую лодку. На костре разогревался битум. Мужики, с перекурами, конопатили щели, пробивая швы смолянистой паклей. И только мы хотели отчалить, как вдруг увидели такую картину — с горы, верхом на лошади, спускался конник. Это был цыган. Его горделивый вид выдавал в нем цыганского барона. Выглядел он весьма колоритно — лет пятидесяти, седой, с длинной бородой. Одет был богато — в синюю атласную рубаху, в черные шаровары навыпуск, на ногах — хромовые высокие сапоги. Цыган ловко соскочил с лошади, степенно подошел к мужикам, поздоровался с каждым за руку. Присел рядом на чурбак, вынул кисет с ароматным табаком, угостив им мужиков, затем стал набивать свой вишневый чубук. Мужики закурили, повели с бароном непринужденный разговор, как старые приятели, будто были с ним давно знакомы. Минут через двадцать показался еще десяток лошадей, спускавшихся с горы,

на которых сидели пять или шесть молодцов, ведших под уздцы оставшихся лошадей. Это были молодые ребята-цыгане лет двадцати-двадцати пяти. Оказалось, что за деревней встал своим кочевьем цыганский табор, расставив телеги, натянув над ними огромные полога. Молодые цыгане и привели своих коней на водопой. К слову, в этом же году в наших краях впервые появились колорадские жуки, которых выбрасывало волной на берег. А рыба сплошь была заражена солитером, особенно лещи. Цыгане спешились, стали поить и купать лошадей, тут-то и разглядели огромных лещей, которые во множественном количестве плавали поверху, рассекая прибрежную гладь, как лодки-торпедоносцы. Парни сначала не поняли, в чем дело. Затем, сообразив, стали прицельно швырять в рыбу камни, гоняясь за ней вплавь. В скором времени у каждого из них на проволочном кукане висело килограммов по десять лещей. Мужики, видя эту картину, сказали барону, что рыба солитерная, есть ее нельзя. На что барон, подумав, спокойно ответил: «Ерунда, цыганки на костре рыбу пожарят, всю молекулу уничтожат, съедят на воздухе за милую душу». Сейчас кочующих цыган не увидишь нигде, разве что в кино.

Много я чего еще мог рассказать, да боюсь, страниц в книге не хватит.

\*\*\*

В суете городов и рабочих поселков,  
Там, где ветер срывает рекламы с щитов,  
Собираются в стаи собаки, как волки,  
Каждый пес в вашу глотку вцепиться готов.

Разлагает корысть наши души, как плесень,  
И набил всем оскомуину доллара курс,  
И от своры авто городок наш стал тесен.  
А карман мой, признаюсь, по-прежнему пуст.

Разработал сценарий заморский продюсер,  
Реформатор бездарно загнал нас в тупик.  
Закружила по задворкам истории мусор,  
И копается в нем одинокий старик.

Что еще норовит депутат сделать с нами,  
Чтоб сильней животы нам поджали ремни?  
Прикрываясь народом, играя словами,  
Чтоб с судьбою своей мы остались одни.

А мы все говорим, обсуждаем чего-то,  
Бережем свой карман — не залезли б рвачи.  
А что дальше нас ждет, знать того не охота —  
Не поможет никто, хоть ты SOS прокричи.

Блат и хамство повсюду, уловки имущих,  
Равнодушно другие взирают с печи,  
И дерет рать чиновничья бедно живущих,  
Проку нет и от них, хоть кричи, хоть молчи.

И гуляют ветра по задворкам и свалкам,  
Чуя падаль над ними кружит воронье,  
Лишь одна нищета станет внукам подарком,  
И в тревоге сердца — и твое, и мое.



## СИТУАЦИЯ В ГОРОДЕ

Остановлюсь на некоторых хозяйственных темах, ситуациях, сложившихся в городе Тольятти в 1966-1973 годах. Снабжение продуктами питания и товарами повседневного спроса начало улучшаться и в скором времени перешло на обеспечение города по первой категории. Продукты были натуральные, как молочные, так и мясные. В Комсомольске, только что был запущен в эксплуатацию молокозавод. Молоко продавалось в магазинах, фасованное в пакетах и бутылках, а в жилых кварталах из бойлеров на разлив, шло напрямую из близлежащих колхозов и совхозов. Кстати, замечу, дочь тети Таисии, Шура, как раз и торговала молоком из бойлера, мы жили тогда в Комсомольском районе. Шура каждый вечер после работы приносила домой бидончик сливок. Вот такой жирности было молоко. Колбасы — любые, по доступным ценам — молочная, докторская, чайная. Цитрусовые уже не являлись дефицитом, лежали горками на прилавках, как в столице: и апельсины, и мандарины, и лимоны.

В один из майских праздников передовиков производства премировали нейлоновыми рубашками, которые только-только входили в моду. Все рубашки были почему-то одного цвета — синие. Сразу видно, что идет строитель, «синеблузник».

Люди тянулись к знаниям и культуре. Строители тоже не оставались в стороне — следили за эстрадой, пели современные песни. В то время книга была лучшим подарком, оставаясь пока что дефицитом. Приобрести подписку на то или иное издание, как поощрение профсоюзного комитета, было большой радостью. На всех проводимых в городе мероприятиях, в домах культуры, в других залах, обязательно работали выездные книжные лавки, где можно было купить полюбившуюся книгу.



Штаб стройки постоянно распределял талоны передовикам производства, что служило дополнительным стимулом для новых дел и свершений. В дефиците были ковровые изделия, холодильники, стиральные машины, мебель. В преддверии праздников на строительные площадки выезжали автолавки с продуктами: с шоколадным маслом, сгущенным молоком, колбасами, апельсинами, мандаринами, лимонами и т. д. Развита была система премирования, как в денежном выражении, так и в мануфактуре. Было приятно, когда того или иного работника поощряли за труд. Хорошо, если это была грамота, или знак «Ударник труда», но и японские цветные плавки шли в зачет.

Скажу несколько слов о работе общественного транспорта, автобусах и троллейбусах, курсирующих по городу. Приток населения резко возрос, транспорт не в состоянии был обеспечить весь пассажиропоток. Возникали проблемы в транспортном сообщении в городе, особенно между Центральным и Комсомольским районами. Часто можно было видеть такую картину: троллейбус движется по улице, переполненный, с висящими пассажирами на лестнице почти до самых дуг. Милиция была бессильна, не могла с этим ничего поделать. Еще картина: пассажир прыгал на одной ноге по асфальту зажатый дверью автобуса, пока не оторвал часть двери. По инерции бежал с дверью в руках за автобусом, пока не упал.

Или другой случай. На команду водителя освободить заднюю дверь, чтобы ее закрыть, пассажиры не реагировали. Слишком плотной была висящая толпа. Тогда водитель взял в руки вентиляционный ремень, подошел к ним сзади и в ярости стал хлыстать пассажиров этим ремнем по ногам, пока двери не закрылись. Никто не обижался, всем надо было ехать.

\*\*\*

Свежий ветер, утро, город,  
Та же толчея.  
И собак гуляет свора...  
Сущность бытия.

Кошка моет лапой морду,  
Стая голубей.  
И расхаживает гордо  
Жулик воробей.

Что я видел? Что я слышал?  
Сам я испытал.  
Из автобуса я вышел,  
Репу почесал.

Палкою гоняет  
Бабка воробья.  
Семечки таскает  
Из ее куля.

Карманникам в такой ситуации была благодать, они ощущали себя вольготно, как рыба в воде. В город кто только не наехал, в том числе и жулики любых мастей: домушники, медвежатники, гастролеры, воры-карманники. В бригады иногда попадали освободившиеся уголовники. Так, в одной из соседних, работал один, просидевший за бандитизм десять лет. Мы только потом узнали об этом.

\*\*\*

С виду вылитый доцент.  
И наметан глаз.  
И в очках интеллигент  
Не моргнет сейчас.

Заурядного таланта.  
Пальцы скрипача.  
И задатки музыканта,  
Вора-щипача.

Свежий ветер, утро, город,  
Та же толчея.  
И собак гуляет свора.  
Сущность бытия.

Кошка моет лапой морду.  
Стая голубей.  
И описывает хорду  
Жулик воробей.

Что я видел, что я слышал.  
Сам я испытал.  
Из трамвая тоже вышел,  
Репу почесал.

Выдает профессионала  
Нервный тик бровей.  
Нет плачевнее финала  
Года лагерей.

На локте его авоська,  
Поднят воротник.  
Со своей подругой Фроськой  
Едет на пикник.

Колбаса, батон в авоське,  
Плавленый сырок.  
И московской водкой Фроська  
Запаслся впрок.

Выдал он себя неожиданным образом, цитируя стихи Есенина, а в порыве откровенности рассказал, в каких столь отдаленных местах он их выучил. Видно, для этой цели у него было достаточно много времени. Он знал наизусть почти все стихи любимого поэта.

И о быте. Бессспорно жилье, это был первостепенный вопрос.

У нас, у строителей, дела с жильем обстояли значительно хуже, чем у заводчан, хотя мы стояли в очереди на него. Приоритет отдавался вазовцам и понятно почему. Холостым строителям с жильем было легче, их расселяли по общежитиям. У семейных пар особенно молодоженов с жильем была проблема. Каждый ютился, где мог. Снимали углы и в коммунальных домах, и в частном секторе, в ближайших деревнях и селах. Летом было веселее, как говорят, каждый кустик ночевать пустит. При наших зимах, во времянке долго не проживешь. Все бараки в Комсомольском районе были переполнены. Считалось за счастье получить служебную конурку, какую-нибудь комнатенку, свой уголок. Профсоюзный комитет четко следил за распределением жилья. Жилье строилось довольно активно, кроме своего, строителям, полагалось десять процентов от сдаваемого в городе.

За год до пуска первой очереди кому-то из строителей пришла в голову мысль, написать письмо председателю Совета министров СССР Алексею Николаю Косыгину, с просьбой о продаже особо отличившимся кадровым строителям, малолитражек по ее себестоимости. Инициативная группа, стихийно созданная, стала собирать подписи. Говорят, что собрали более тридцать тысяч подписей. Не могу сказать, был ли официальный ответ, рассматривался ли этот вопрос в министерстве или нет. Но после выпуска автомобиля нам, строителям, без труда выделялись «Жигули» по очереди за полную стоимость. А стоимость «Копейки», как в то время называлась марка автомобиля, была 5 тысяч 500 рублей.

Подошла и моя очередь на получение автомобиля, но наш семейный бюджет был весьма скромен, не позволил сделать это. Я не смог набрать денег и бескорыстно уступил очередь другому человеку. Но права на вождение к тому времени я уже имел. Жигули приобрел я значительно позже. До сих пор езжу на седьмой модели и нисколько об этом не жалею.

## РЕСТОРАН «ВОЛНА»

Стояла глубокая осень 1970 года. Октябрь завершал свой бег. С деревьев облетела листва. Погода выдалась на редкость хмурой, с моросящими, нудными дождями. Строительство второй очереди Автозавода подходило к концу. Моя комсомольско-молодежная бригада за свои трудовые дела получила широкую известность. Заметки и очерки о ней нередко появлялись как в местной, так и в областной прессе.

Коллектив стройки шел в ногу со временем, партийные, профсоюзные, комсомольские комитеты постоянно проводили всевозможные активы, конференции, слеты, направленные на мобилизацию работников строительства в выполнении поставленных задач. Подведение итогов, приуроченных к тем или иным событиям, сопровождалось награждением победителей соцсоревнования почетными грамотами, дипломами, знаками «Ударник коммунистического труда», денежными премиями.

После одного из таких мероприятий, получив квартальную премию, мы с моим другом Евгением Загулиным, таким же бугром как я, и моим заместителем Володей Рожковым, предварительно залудив граммов по сто пятьдесят в буфете Дворца культуры, направились в Комсомольский район к себе домой.

Вечерело. Было около шести часов. Кому пришла эта мысль? Скорей всего Женьке Загулину:

— Парни, предлагаю обмыть нашу премию?

Мы в нерешительности пожали плечами. Я про себя подумал: дома ждет семья — жена, сын, — пьянка затянется — скандал неминуем. Высказать вслух эту мысль не решился. Женя тут же озвучил свои доводы:

— Что, мы не мужики? Не так часто себе это позволяем. Посидим в ресторане. Место там тихое, меню разнообразное и официантки что надо. Не пожалеете. А женам возьмем по коробке конфет.

И как тут было не согласиться с его предложением? Мы без труда нашли заведение, рекомендованное нашим другом. Похоже он и раньше здесь бывал.

Спроектированный одним из ленинградских институтов «Гражданпроекта», еще в пятидесятые годы прошлого века, ресторан «Волна», выглядел великолепным архитектурным сооружением. Выполненный в своеобразном стиле — оригинальной формы, со всевозможными балюсинами, колоннами, пилистрами, с античными скульптурами, вазами и т.д. и т.п. Второй этаж, с его широким балконом, в свете уличных фонарей, был похож на рубку корабля выплывающего из темноты.

Около входа в ресторан толкалась стайка щебечущих девиц вульгарного вида. Их взгляды были весьма откровенны. Когда

мимо проходил хорошо одетый, вальяжный мужчина, то слышал себе в след массу комплиментов или реплик: «Какой чудесный бэби». Покуривая и поглядывая по сторонам, они о чем-то весело переговаривались между собой. При виде нас одна из них с любопытством стрельнула глазками в нашу сторону. Но наши физиономии, видно, не вызвали у нее интереса. Что за мужичье в сапогах? Сами они выглядели неординарно, привлекая на себя внимание. Все были одеты одинаково — в серые приталенные хлопчатобумажные платья, в разноцветные кофточки, в черных туфельках на невысоком каблучке, повязанные сиреневыми косыночками. Похожих девиц в Комсомольском районе я уже видел раньше — и у кинотеатра «Маяк», и в речном порту, и около Центрального гастронома.



Как выяснилось позже, эти девушки были ранее судимы. А к столетию вождя В.И. Ленина попали под амнистию, — статьи их судимости очевидно не были слишком тяжелые. Их-то под горячую руку МВД, не подумав, направило на ударную стройку. А когда девчата начали наводить шорох в районе, живя в бараке по соседству с комсомольцами мужского общежития, их поведение негативно сказалось на окружающих ребят и девчата. Начались нарушения в части норм проживания, пьянки, скандалы, драки. Милиция района быстро отреагировало на эти вещи, приняв меры. Девчят незамедлительно перевели на объекты химии, в другие места нашего необъятного государства, согласно закону об амнистии.

Поднявшись по широкой мраморной лестнице, мы оказались в просторном, уютном зале, всецело доверившись нашему гиду —

Евгению Загулину. Я с любопытством наблюдал за его действиями, поглядывая по сторонам. Женька вел себя как завсегдатай этого заведения. Мы вошли в зал. Наши фигуры отражались в объемных высоких зеркалах, в свете тусклых люстр и канделябров. Чтобы картина выглядела колоритней, опишу внешность каждого из нас.

Евгений был высокого роста, где-то под метр девяносто пять. Худощав, с вытянутыми длинными руками, обветренным лицом, с грубым, хрипловатым голосом. Вовка, в противоположность ему, роста ниже среднего. Коренаст, крепок собой, лет тридцати, как и Загулин. В ту пору мне было двадцать восемь. В ресторан мы явились прямо с объекта, и выглядели соответствующим образом: в свитерах, брезентовых штормовках, вязаных шапочках и холщовых штанах. Разумеется, все трое в резиновых сапогах. На Женьке они были яркие, заграничного происхождения, цвета детского поноса — сорок шестого размера. На Рожкове — рыбацкие, завернутые выше колен, с широкими раструбами. Я — в литых, простых, отечественных.

И вот мы, как почетные гости, закинув ногу за ногу, восседаем за круглым столом на полумягких стульях. Официант, усадив нас, стоял в ожидании у Женьки за спиной с блокнотом в руке. Женька, слюнявя палец, листал меню. Наконец, сосредоточившись, начал читать наименования блюд, тыча в названия пальцем. Заказав еду, обратившись к нам, стал перечислять спиртное. Мы остановились на «Старке», не забыв про итальянский вермут и несколько бутылках чешского пива. Официант принес салат «Хе» из кальмаров, котлеты «Фрегат» с жареным картофелем, блюдо черной икры, в которую Женька тут же запустил указательный палец, попробовав на соль. Официант, наклонив голову, внимательно смотрел ему в глаза. Женька одобрительно кивнул головой, затем налил всем по стопке, произнес тост за дружбу. Чокнувшись, мы опрокинули по рюмашке, закусив лимоном. Тут же выпили по второй. Выкурили по сигарете, Женька тут же предложил следующий тост, за жен, за наши надежные тылы. Этот тост был, как нельзя, кстати. После четвертой рюмки мы забыли и о женах, и о семьях, и о тылах. Женька входил в раж. И нам казалось, что это не наш товарищ в своей повседневной рабочей одежке, а денди с манерами аристократа. Женьку несло, он начал переглядываться с девицами сидевшими напротив. И мы тоже стали более вальяжными и раскrepощенными, беря с него пример. На нашу одежду, на наш рабочий вид, никто внимания не обращал. Официант крутился вокруг волчком с подчеркнутым пониманием и уважением. Глядя на нас, можно было заметить, что пришли люди, знающие себе цену, серьезные и волевые. А это было именно так, школа ВАЗ, которая была за нашими плечами, отразилась на наших манерах поведения. Особенно это было вид-

но по Женьке Загулину. От выпитого Женька, находясь в ударе, сыпал комплименты близсидящим дамам, пытаясь им угодить, вел опрос, что они любят из современной музыки, какие песни, каких исполнителей. Позже, я заметил, как официант галантно усадил за соседний столик трех девиц, которых мы встретили у входа полчаса назад. Но в этот момент нам уже было море по колено, зеленый змий делал свое дело. За время строительства ВАЗа, ресторан видел и не такое. Вскоре наши столики оказались сдвинуты вместе. Дамы активно хозяйничали за столом, обняв Женьку с двух сторон, повизгивая что-то ему шептали. От такого внимания Заглину раздобрел. Самая смазливая и бойкая, что-то заказывала официанту, разумеется, за наш счет, получив согласие от Женьки, нашего кумира. Появился литровый графин коньяка, гора вареных красных раков на блюде, нарезанный ломтями батон, сливочное масло, финский сервелат, ананасы и киви. Незаметно таяла черная икра на блюде, убывал коньяк из графина.

На эстраде стоял шикарный музыкальный центр, из которого лились популярные песни и мелодии. Женька зарядил автомат монетами, объявив в микрофон, что всем прекрасным дамам, сидящим в зале, он дарит песню Вадима Мулермана «Хмуриться не надо, Лада». Не ошибусь, если скажу, что за вечер «Лада» звучала раз десять. Чем она его пленила? Наверное, своей разухабистостью. Дым стоял коромыслом. Зал дрожал от музыки, от пляшущих ног и, разумеется, от голоса Мулермана. Женька объявил дамам конкурс, сам был и членом жюри и председателем. Швырял им под ноги мятые рубли и трешки, посыпал приветы друзьям из солнечного Узбекистана, людям кавказской национальности, с наиболее шустрыми девицами дошел до поцелуев на брудершафт. Под конец вечера Женька так залил шары, что уже ничего не видел и не соображал.

Как окончилось застолье, не помню. Помню одно, как стояли глубокой ночью втроем у забора, обнявшись, объяснялись друг другу в уважении. Ветер раздувал облака, и в свете звезд за нами с небес наблюдала луна.

Затем шатающейся походкой я добрался до родной двери деревянного покосившегося барака. Переступил порог и оказался в руках горячо любимой жены. Тут же на полу уснул, не сняв одежды. А на следующее утро, проснувшись с глубокого похмелья, произошло самое важное, самое неприятное, — экзекуция-допрос с пристрастием, с промывкой мозгов — где был, с кем был, что делал? Упреки и слезы. А что можно было еще услышать? В ответ звучали слова раскаяния. Что этого больше не повториться, не прекращались клятвенные заверения с просьбами о прощении. Со стороны жены следовали жалобы, что все взвалил на ее хрупкие плечи, что кроме работы ничего не вижу и не знаю. Немного успокоившись, жена стала перечислять поручения: погулять с ре-

бенком, выбить пыль с половиков, сходить в магазин. Все это мной неукоснительно выполнялось. Мир и спокойствие вернулись в дом, вновь восцарила идиллия. Но меня еще долго мучило угрызение совести перед женой. В ту ночь я явился домой без конфет, и без премии.

Через несколько дней в Комсомольске случайно встретил своего приятеля Жору, монтажника из соседнего строительного управления. В тот вечер он с подругой был в том же ресторане и подробно мне поведал о финале. Он наблюдал всю картину, будучи не столь пьян, как мы. Вот, что он рассказал:

Дамы, сообразив, что деньги у нас иссякли, незаметно ретировались, обещая Женьке, под пьяную лавочку, показать высший пилотаж. А мы к концу застолья уже лыка не вязали. Кое-как расплатившись с официантами, оставили в залог паспорт, так как не хватило четвертака. Девицы, видно, были с тем официантом в сговоре, крутили нам динамо. Официант с умыслом подсадил этих подруг к нам. Такое в моей жизни случилось единственный раз, когда я пришел домой без гроша в кармане.

После пуска второй очереди мы продолжали работать на других объектах, завершали строительство начатых. Завод все больше увеличивал свои мощности, штаты ИТР и рабочих, так же, как и выпуск автомобилей. Ускоренными темпами шло строительство жилья, торговых комплексов, школ, медицинских и детских учреждений. А вот кафе, ресторанов, закусочных, увы, в городе не хватало.

Рабочие ВАЗа, да и мы строители, проживающие в Новом городе, находили выход. Летом делать это было проще. К концу недели субботники собирались небольшими группами в лесопарке, на пустыре, заросшим бурьяном в человеческий рост. Такая группа после трудовой рабочей недели затаривалась в торговом центре спиртным и закуской, и, никому не мешая, шла на свое насиженное место. Это злачное урочище, простирающееся вдоль Московского проспекта, от улицы Дзержинского до улицы Свердлова, получило в народе название «Русское поле». Милиция со временем признала про эти сабантуи, стала совершать облавы, отсекая группы страждущих, делала отлов, загоняя в автобус. Однажды мы со своими друзьями чуть не стали их жертвами. Еле ушли от погони, скрываясь посадками.

Всех задержанных милиция везла в медвытрезвитель или в РОВД для выяснения. Взимали штраф, составляли протокол, отпускали домой и сообщали на работу, что подрывало репутацию, сказывалось на получении жилья, отражалось на зарплате, становилось предметом разбирательств в профсоюзных комитетах. Вскоре это пристанище под названием «Русское поле» изжило себя, данная территория стала активно застраиваться всевозможными базами, да и милиция своими облавами всех достала. Никто не

хотел терять рабочее место, быть ущемленным в заработной плате, лишившись премии. А о заработках в двести рублей в месяц не каждый мог и мечтать. Моя жена работала в то время в ЖЭКе, получала всего шестьдесят пять рублей.

Чувство коллективизма, воспитанное партией и комсомолом за многие годы Советской эпохи, мы впитали с молоком матери: детские ясли и садики, школа и производство; а в духовно-политической жизни — октябрья, пионерия, комсомол, коммунисты. Эти организации объединяли людей. У мужиков повсеместно выработалась привычка соображать на троих. Желание выпить выливалось в страждущее братство собутыльников. Часто у гастронона можно было услышать «Третьим будешь! Вторым будешь?» И, зайдя в любую подворотню, эта тройка, деля бутылку, изливала друг другу души, касаясь семейных проблем, производственных дел, да и женский вопрос нередко был в центре полемик и бесед, находилось место и для всевозможных анекдотов.

Начавшаяся перестройка разрушила все, в том числе и эту солидарность, пить на троих.

Мы были молоды, стояли в очереди на жилье, у нас было все впереди; неважно, кто где работал: в кабинете, у станка или на стройке. Лично у меня особых проблем с законом не возникало. Мы все шли в ногу со временем, осознавая, что нужны государству, оно о нас заботится, видит все наперед, ценит каждого из нас.

Мы во многом заблуждались. Безусловно, в промышленности и сельском хозяйстве страна достигла значительных экономических успехов, но концепцию развития социализма с ростом производительных сил общества не модернизировала. Партия свою идеологию не перестраивала, руководствуясь устаревшими идеями, противоречащими диалектике развития общества, живя старым багажом, старыми учениями, ведущими в никуда, что в конечном итоге привело к бездарной перестройке, к развалу СССР. О чём приходится постоянно жалеть. Но героический труд миллионов советских людей не был напрасным. Имена многих участников строительства ВАЗа вошли в историю, но никто не думал и не предполагал, что придет время, и роль человека труда в судьбе страны будет сведена к нулю. Что придут времена жуликов и торгашей.

\*\*\*

Ну и я был парень хваткий,  
И в труде был как на схватке.  
Опыт ремесла имел,  
Делом плотницким владел.

Был замечен инженером,  
Стал в бригаде я примером.  
Мне повысили разряд,  
Увеличили наряд.

Год работал я в бригаде  
И не думал о награде.  
Мастерство все постигал,  
Чертежей секрет узнал.

Опуская строки, главы,  
Интересы жизни, нравы,  
Кто чем жил, куда спешил  
И по жизни что решил.

И явления природы,  
О капризах непогоды,  
В дружном паводке весны,  
И в тревоге были сны.



## УСТРОЙСТВО СТЕНЫ

Снова осень. Шел третий год строительства. Октябрь. С такой же непролазной грязью, как и раньше, особенно в районе строящихся цехов. Однажды на наших глазах чуть не утонул самоходный автогрейдер, сев на мост, провалившись в эту пучину. В результате его пришлось вытаскивать мощными бульдозерами.

Восточная часть главного корпуса еще не была достроена. Приближалась зима. Во всех его цехах шел монтаж оборудования, велись пусконаладочные работы. Была запущена первая очередь ТЭЦ. Стоял вопрос о подаче тепла, а корпус был раскрыт. После долгих раздумий вышестоящим руководством было принято решение отсечь часть корпуса в районе шестой вставки временной облегченной многослойной утепленной стенкой по металлическому каркасу, с сеткой-рабицей с двух сторон, с высокопрочной тканью «дельтаплан», с утеплителем из пенопласта, листов шлаковаты и целлофана. По этому вопросу у нас в управлении прошло оперативное совещание в присутствии главного инженера, начальника участка, прорабов, мастеров и бригадиров. После долгих дебатов данная работа была поручена моей бригаде, руководство считало ее самой опытной и мобильной на нашем участке. Времени на подготовку дали всего две недели, а на всю работу — месяц. Сейчас трудно воспроизвести все в деталях. Не все руководители были способны брать на себя ответственность, приходилось домысливать за них, решать сложные задачи самим бригадиром.



Стена, которую нам предстояло возвести, была порядка десяти метров высотой и длиной около полкилометра. Я собрал совет бригады. С листом бумаги и карандашом в руках мы начали

составлять план действий. Подумали о том, как мы сможем работать, подавать материалы, закреплять их. При этом проект был разработан инженерами, которые пошли по привычной схеме применения трубчатых лесов, которые постоянно пришлось бы собирать и разбирать по мере продвижения работы. Трудоемкость и доля ручного труда получалась значительная, что могло привести к срыву графика. Я принял решение сварить облегченную металлическую пятиярусную этажерку с деревянным настилом длиной шесть метров, шириной — чуть более метра, на полозьях из швеллера, которую можно было легко перемещать при помощи трактора вдоль стены. Так мы и поступили, несмотря на то, что некоторые дилетанты оценивали нашу инициативу скептически, не веря в ее эффективность. Засомневался Иван Фалюшин. Мы, мол, не монтажники, не привыкли работать на высоте. Звеньевой Александр Хотянович и Владимир Рыжков оборвали скептиков. А Витольд Ленцевич поддержжал меня, похлопал по плечу, заверил: «Алексеич, мы не подведем, не ударим в грязь лицом, не сомневайся, работу выполним в срок!»

Вот так иногда решения приходилось принимать на ходу. Недостатка в материалах не было: ни в металлических уголках, ни в швеллерах различных сечений, ни в пиломатериале. Не буду перечислять детали конструкции, укажу лишь на то, что она была надежная, жесткая, в меру облегченная, с загнутыми швеллерами в основании, типа полозьев, с закрытой металлической лестницей для удобства работы.

Я нарисовал чертеж, рассчитал спецификацию, каких материалов и сколько нужно, работа закипела. Через неделю этажерка в собранном виде заняла свое рабочее положение. Перед началом эксплуатации нашей конструкции, я собрал бригаду, назначил старших по первой и второй смене, выбрал самых опытных из них, Ленцевича Витольда и Капленкова Александра. По десять человек в каждом звене. Досконально обозначил роль каждого рабочего, так как работа была сопряжена с высотой, с риском для жизни, велась комплексно с монтажными, сварочными и другими работами. Мы предусмотрели и продумали все мелочи, решили передвигать этажерку ручной лебедкой, постоянно страхуя ее, чтобы она не упала, стальными тросами поверху. Комплекс подготовительных работ мы провели по собственному плану, не уведомив начальника участка, а прорабу сказали, что мы обойдемся без трубчатых лесов, попросив своевременно подвозить все необходимые материалы для устройства стен и нам по возможности не мешать.

Заранее провели испытание нашей конструкции, двигая ее вперед ручной лебедкой, трехтонной «лягушкой», вдоль намечаемой стены, выложив под полозья куски шпал для выравнивания поверхности. Конструкция двигалась, как по маслу, каких-либо опасений не вызывала. Финансовые затраты были сокращены в десятки раз — что значит рабочая смекалка!

В майском номере областной газеты «Волжская коммуна» за 1973 год Андреем Вятским в статье «Рабочая гордость» был подробно изложен материал о моей бригаде, о ее роли в строительстве. В статье журналист коснулся и этого эпизода.

Бригада была отмечена на общем собрании строительного управления, каждый из нас был награжден денежной премией и дипломом победителя соцсоревнования. Рейтинг и авторитет бригады значительно вырос, мы все ходили с гордо поднятыми головами.

\*\*\*

«Запорожец и Москвич  
Устарел», — сказал Ильич.  
И вопрос сей на бюро  
Был поставлен на ребро.  
По решению Совмина  
Строить станем мы всем миром.  
Привлечем специалистов  
И поедут к нам туристы.  
Вверх по матушке реке,  
И по Волге, и Оке  
Баржи с нефтью, сухогрузы,  
Лес, зерно другие грузы.  
Путь с низовий был не долгий,  
Влек всех Ставрополь-на-Волге,  
Город сосен и берез  
Развивался, быстро рос.  
И построен ряд заводов,  
Порт речной для пароходов,  
Химзавод и ВЦМ,  
Шефство взял ВЛКСМ.



## ПОЕЗДКА В МОСКВУ

В конце февраля 1971 года меня вызвали в комитет комсомола «Куйбышевгидростроя», приятно обрадовав известием о том, что меня, как передовика производства, направляют в Москву в ЦК ВЛКСМ. Что мне необходимо к назначенному числу явиться в город Куйбышев в обком ВЛКСМ на собеседование, куда я в скором времени и прибыл. Получил инструктаж с отредактированным текстом моего выступления, командировочные документы, билеты на поезд до Москвы и обратно. Радости не было предела. Вместе со мной радовалась моя супруга и все мои родственники. В моей голове нескончаемо звучали слова знаменитой песни: «Я по свету немало хаживал... Дорогая моя столица, золотая моя Москва». Со временем моей демобилизации из армии прошло чуть более пяти лет, и с тех пор я в Москве не был. Но остались свежи в памяти три года моей безупречной срочной службы в столице города-герое Москве. Нахлынули воспоминания о том времени, имена командиров, товарищей и сослуживцев. Один из них, Володя Гребенюк, после демобилизации женился на москвичке и проживал с семьей в Москве. Мне также захотелось

его повидать. Наступил срок отъезда. Вот и поезд «Куйбышев-Москва». С попутчиками мне повезло, благо я ехал в купе с семейной парой.

Столица меня встретила гостеприимно. На перроне ждал инструктор ЦК ВЛКСМ, проводив и разместив в гостинице «Юность» в Лужниках. Так началась программа моей поездки. Наиболее ярким событием в памяти осталось следующее: конечно же прием в ЦК комсомола, его первым секретарем Тяжельниковым Евгением Михайловичем, встречи с интересными людьми, с космонавтом Евгением Хруновым, с композитором Яном Абрамовичем Френкелем, с Иваном Дмитриевичем Папаниным — советским исследователем



Арктики. И многими другими знаменитыми людьми. Из рук первого секретаря ЦК ВЛКСМ я получил почетную грамоту, которую до сих пор храню под стеклом. Следующим событием явилась встреча в министерстве энергетики и электрификации СССР с Александровым Александром Петровичем, заместителем министра. В период строительства ВАЗ он являлся ответственным уполномоченным от министерства за строительство Автозавода в 1967-1970 гг.

Трудно сейчас что-то вспомнить из разговоров, воспроизведенные это на слух, но знаю, что в наш адрес, в адрес молодых строителей, много было сказано добрых теплых слов, напутствий и пожеланий. Мне запомнилась внешность замминистра. Это был интеллигентный шестидесятилетний мужчина, с круглым добрым лицом, с густым ежиком коротких седых волос. Сюда, на лацкан моего пиджака он своей рукой прикрепил знак «Отличник Минэнерго СССР» и вручил удостоверение к нему. За что я безмерно благодарен и горжусь, что в свое время был причастен к этой грандиозной стройке, за что и получил этот знак.

Незабываемое впечатление произвело на меня участие в телепередаче на телестудии «Останкино» «В эфире — молодость», которую вела неповторимая Светлана Жильцова. Именно она стояла у истоков КВН вместе с Александром Масляковым. Участвуя в этой программе, я дал интервью Светлане о делах бригады.

Мое пребывание в Москве по времени было сжато и ограничено, а культурно-массовая программа была весьма разнообразна. Я нашел время и возможность разыскать своего армейского друга Володю Гребенюка и встретился с ним.

Пообщавшись, мы побродили по Москве, погуляли с его малолетней дочерью. За бутылкой вспомнили прошедшую службу. Побывали в воинской части, в которой мы служили, в районе Волоколамского шоссе.



По возвращению домой, в Тольятти, я не раз рассказывал родным и знакомым о встречах в Москве. А по прошествии двух недель, в один из субботних вечеров, занимаясь хозяйственными делами, вдруг услышал крик пятилетнего сына Евгения: «Мама, мама, папку по телевизору показывают!» И еще долго в моем сердце звучала мелодия со словами, «Я по свету немало хаживал, жил в землянке, в окопах, в тайге... Дорогая моя столица, золотая моя Москва».

\*\*\*

Снова утро в густом тумане,  
Стелет наземь росы вуаль,  
Кто-то нежится на диване,  
Улетая мыслями вдаль.

Ну, а мы выходим из будки,  
На задание, словно в бой.  
И дают стройки «КрАЗы» побудку,  
А мы в робах идем гурьбой.

В такт звенят монтажные цепи,  
Ташим шанцевый инструмент.  
И Фолюшин Иван, и Репин  
Станут красить наш монумент.

И цехов очерчен орнамент,  
Глубоки котлованы, а в них  
Льем сегодня последний фундамент,  
И поставлен «нулям» будет штрих.

Котлован глубиной девять метров,  
И фундаментов стройный ряд.  
И назло всем дождям и ветрам  
Словно выстроились на парад.

И весенняя жирная глина  
Держит так, что не вытащить ног.  
Из нее и уж наполовину  
В ней застрял мой кирзовый сапог.

Нас спасут в непогоду бушлаты,  
Застрахует монтажный ремень.  
И привычна солдату лопата,  
И в охотку работа весь день.

## ОТПУСК

Наступил долгожданный день, завтра едем в отпуск. Конец июля — самая благодатная пора для отдыха. Семья моя была небольшая, состояла из трех человек. По проведению отпуска, с годами, у нас сложилась своя традиция. Мои родители жили не так далеко, в часе езды от Тольятти, поэтому нам приходилось частенько бывать у них. Это вызывало ревность у моей супруги Людмилы. По этой причине, в очередной отпуск мы на целый месяц уезжали вдали от цивилизации, в оренбургские степи, в гости к ее родителям. Мое му любимому тестю Афанасию Лукьяновичу тогда было за шестьдесят, теще Александре Андреевне — почти столько же. Царство им Небесное обоим. Вспоминаю их добром, сколько буду жив сам. Они ушли в мир иной давно, покоясь рядом на сельском кладбище, вблизи железнодорожной станции Асекеево. Жена Людмила ушла из жизни семь лет тому назад.

К отпуску мы готовились заранее. Готовили список необходимых в дорогу вещей. Закупали подарки всем родственникам. Добирались автобусом до города Самара. И вот мы уже в вагоне. Станция назначения была недалеко, всего триста километров. Стучат колеса, мелькают знакомые названия станций, полустанков и разъездов. Проехали станцию Заглядино, элеватор, мост через реку Кинель. Скрип тормозов. Состав сбавляет ход на долгожданной станции.



Мама и папа, как я называл тещу с тестем, были потомственными железнодорожниками. Жили на станции, рядом с железнодорожным вокзалом. Знали назубок расписание всех пассажирских поездов, шедших в оба направление. Мама частенько стояла у окна,

смотрела из-под ладони на улицу, кто сошел на перрон. Гадала, кто к кому приехал. Повернут вертушечка на калитке, и мы — в уютном дворике, у родного крыльца. Слышны мамины возгласы с криками радости: «Отец! Дети приехали!». Батя к старости был немного глуховат. Теща, подойдя вплотную, кричала ему на ухо погромче, повторяя вновь: «Дети, дети!» Открывалась дверь и на крыльцо степенно, с улыбкой на лице, выходил тестя, прихрамывая на правую ногу, результат тяжелого ранения под Сталинградом. Следом выбегала теща, всплескивала руками, повторяла беспрестанно наши имена и только с пятого раза, перечисляя всех своих детей и внуков, могла точно назвать, кто именно приехал. Суёта, стук сковородок, тарелок, кастрюль. И вот мы всей дружной семьей — за столом. Традиционные рюмочки, традиционные тосты. Огурчики и помидорчики маминого посола. А бывало — везло, мама доставала из холодильника свое произведение искусств — кендюх (салтисон), свиной желудок, начиненный мясом, салом и специями. При виде такого чуда слюна текла вожжой. Это был предел мечтаний и не только моих.

Теща с тестем, как и мой отец, были выходцы из Украины, переселенцы времен Екатерины, из Полтавской губернии. Свои традиции, свой уклад жизни и язык сохранили до самой смерти.

С первого застолья начиналась наша отпускная жизнь, сопровождаемая отдыхом вперемешку с мелкими делами по хозяйству. С походами на речку пешком или ездой на велосипедах. Речка извивалась змеей в семистах метрах от двора, протекала перед увалами, которые нависали над ней огромными красными глыбами из глины и камней. А вокруг простирались колхозные пшеничные поля с цветущей сиреневым цветом гречихой, с желтым подсолнухом, со стадами коров и табунами лошадей пасущихся в тени ветел по берегам безымянной речки. Речка была с красивым каменистым берегом с одной стороны, с поймами и плесами, покосшая кувшинками и лилиями — с другой. Раздолье для детворы, рыбалки, купания и отдыха. Мы, настраивали свои примитивные удочки, заранее накопав червяков. Начиналось ужение плотвы и пескарей. Этого добра в речке хватало. Пескарей почему-то называли курортными, они были жирные и блестящие, длиннее и толще указательного пальца. Иногда таскали маленький бредень, сделанный из старых тюлевых занавесок, беспечально отденных нам бабушкой. Тогда наливали побольше. Приносили домой полный полуведерный котелок, который дедушка привез еще с фронта. Конечно, это я сейчас называю его дедом. А внуки называли его любовно дедулей или деда Фаня. Снохи быстро разделяли рыбу, варили уху и жарили рыбку на сковороде. Это было любимое яство отца. С лихвой хватало покушать всем.

Незаметно протекали дни отпуска. С поездкой на электричке в город Бугуруслан, с походами по магазинам и достопримечатель-

тельным местам. На велосипедах мы выезжали в районный центр за продуктами. До района было около шести километров. Не спеша, любуясь окрестностями, совершали пешие экскурсии в «барский лес» и на родник. Опьяненные запахами цветущих трав, мы наслаждались пением птиц. Расслабление полнейшее. Ни о чем не думалось, идиллия и покой. Вечерами собирались на крылечке, играли в карты. Беседуя на разные темы, просили дедушку рассказать о войне. Все с замиранием сердца, с раскрытыми ртами, слушали его рассказы. Дедушка от природы был скромен, мудр, справедлив и работящий. Получив тяжелое ранение на фронте, до конца своих дней не расставался с велосипедом. Любовно называл его своим конем.



Однажды зять Евгений соблазнил нас мужиков, в том числе и дедушку, на рыбалку на озеро, недалеко от Бугуруслана, вместе с малышней. Мы решили ехать туда с ночевкой. Запаслись продуктами и водочкой. Приехали, обустроились, оборудовали стойбище — большой шалаш, покрыв его скошенным сеном, вымостив им лежанку для ночлега. С вечера поставили сети на карася. Приспособили удочки для ловли раков. До заката наловили их две кирзовые сумки. Раков было видимо-не видимо. После ужина, кое-как угомонились, не привыкшие спать на открытом воздухе. Проснувшись пораньше, мы со сваяком проверили сети, собрав с полпуда карасей. На сумки мы вовремя внимание не обратили. С вечера спрятали их в кустах, накрыв свежей крапивой. А когда спохватились, раки один за другим, вереницей, ползли в воду. Мы упустили половину улова. Но их было так

много, что все равно хватило всем. По возвращению домой, мы сварили их в ведре, не забыв угостить этим чудесным деликатесом деда, который раньше никогда их не пробовал. Не привыкший к такой пище, дедушка блевал три дня и неделю не мог смотреть ни на какую пищу. Лежал пластом на топчане, в прохладной летней кухоньке, сложив, руки на груди как покойник, а бабушка отпивала его отварами. Дедушка ожил, снова стал веселым и жизнерадостным, таким как раньше. После этого слово раки при дедушке старались не упоминать.

Чем меньше дней оставалось до отъезда, тем дедушка больше грустил. Нас жалел по-своему, по-мужски, давая оценки каждому из внуков, из кого какой человек вырастет, повзрослев. Со временем все его предсказания сбылись. Я его искренне уважал и любил. Они с бабушкой гордились нами, радовались нашим успехам, делясь ими с соседями и друзьями. На станции была своя жизнь, свой мир, свои интересы.

Их жизнь — пример любви и верности, преданности и взаимопонимания, уважения и доброты. На всю жизнь я запомнил слова дорогого тестя: «Дети, живите дружно. Угол есть, хлеб есть, масло купим. Лишь бы войны не было».



И снова Тольятти, стройка с ее радостями и трудностями. Новые объекты, новые задачи, ответственность за коллектив, за порученное дело. Спасибо судьбе, что ты дала мне возможность жить и созидать.

\*\*\*

Я уйду на заслуженный отдых,  
Меня город достал суетой.  
Укачу я в деревню на воздух,  
Там царит тишина и покой.

Я совсем не хочу заграницу.  
Что искать мне в чужой стороне?  
Не найти мне за морем синицу  
И ловить журавля не по мне.

И порою село мое снится,  
Я летаю над ним в вышине,  
И парю над землею я птицей,  
А проснусь, не забуду о сне.



## ВНУТРЕННИЙ МИР

Строительство шло ускоренными темпами. Через полтора года на стройплощадке возвышались цеха-гиганты, в них начались кровельные и отделочные работы. Возникла необходимость в притоке свежих молодых сил. Штаб Всесоюзной ударной стройки возглавлял ЦК ВЛКСМ, по малейшему требованию руководителей строительства оперативно реагировал, направляя на стройплощадки все новые и новые отряды комсомольцев-добровольцев. Шло активное строительство, как в Новом городе, так и в других районах Тольятти, чтобы обеспечить огромную массу пребывающих людей жильем. Часть домов сдавались под молодежные общежития.

Народ ехал молодой, боевой, энергичный. Штаб работал на полную мощь, распределяя прибывающих комсомольцев, исходя из производственной необходимости, по тем или иным строительным подразделениям, учитывая профессии. Существовали десятки общежитий, как женских, так и мужских, но все равно жилья не хватало. Иной раз некоторые многоподъездные дома, построенные для семейного жилья, использовались под общежития. Двадцать подъездов в девятиэтажных домах — мужское общежитие, два-три подъезда — семейное, два-три — женское.



chronograph.livejournal.com

И, как поется в песне, люди ехали сюда с разными целями, кто — «за туманом», кто — за деньгами, кто убегал от тоски. Сказать одним словам, народ был разный. Молодость, кровь иг-

рала, влюблялись, женились, справляли комсомольские свадьбы. Как говорится, везде и всегда было место подвигу.

В общежитиях на страже порядка стояли коменданты и вахтеры, следившие за дисциплиной, за соблюдением правил проживания. Малейшее нарушение тут же жестко пресекалось. Существовал общественный совет — актив, на котором совестили наиболее отъявленных нарушителей. В июле 1971 года мне временно со своей семьей в течение месяца пришлось пожить в женском общежитии. Насмотрелся всякого. Видел девичью жизнь воочию. Общежитие было одноэтажным с системой пропусков, с вахтерами и решетками на окнах — мышь не проскочит.

Вспоминаю фильм режиссера Билли Уайлдера «В джазе только девушки». Пара музыкантов Джо и Джерри, переодевшись в женскую одежду, совершали комичные поступки. И здесь у нас был случай, когда парни переодевались в женскую одежду, просачиваясь на запретную территорию. К каким только ухищрениям ни прибегала и та, и другая сторона!

Еще один случай той поры. Рассказал его один друг: «Как-то засиделись мы с приятелем допоздна у подружек. Разрешенное время пребывания подходило к концу, надо было расставаться, уходить никакого желания не было. Пропуска были на вахте, а это чревато тем, что дежурный с дружинниками выведут под руки из комнаты, составят протокол, сообщат на работу — и тогда жди еще неприятностей. Только мы разгулялись, смотрим, а на часах — без пяти десять. Надо уходить. Тоска и грусть, конец любви. Что тут поделаешь? Тут-то моя находчивая зазноба подсказала выход. Вы, говорит, забирайте пропуска, а через два подъезда будет мужское общежитие, попробуйте под видом его жильцов пройти через вахту, как к себе домой. Дальше поднимайтесь на лифте на девятый этаж. Если повезет, и пожарный лаз на чердак будет открыт, то забирайтесь туда и двигайтесь в нашу сторону. А мы вас здесь встретим на девятом этаже. К нашему счастью, лаз не был заперт. Мы без труда проникли на чердак. В кромешной темноте на полу согнувших ногах, в пыли и паутине, стали пробираться в нужном направлении. Пройдя полпути, как нам казалось, по ходу движения услышали шорохи и приглушенные голоса. Все! — подумали мы, — засада! Затаясь за венкоробом, стали ждать своей участи. Опасность нарастала. Шум приближался — как есть облава! Но что это? Раздались пугливые женские писки, возня и приглушенные голоса. В полуเมตรе от нас при свете горящей спички промелькнуло три женских силуэта, которые решительно устремились к открытому проему, откуда вышли мы. Отлегло. Перевели дух. Мы с уверенностью и смелостью двинулись дальше и скоро оказались в объятиях своих подружек, которые нас отблагодарили с лихвой своей нежностью и лаской».

Я всегда вспоминаю с теплотой то время. Мы были молоды, ценили любовь и дружбу, и были способны на дерзновенные поступки. Смекалки и настойчивости в любом деле у нас было не отнять.

\*\*\*

Вновь взметнулась ввысь бадья с бетоном,  
Взвыли в напряжении троса.  
И открыт затвор бадьи со стоном,  
Слышны четкие команды голоса.

Прет бетон в ненасытное чрево,  
Заполняет опалубку лавой густой.  
И скрипит сосновое древо,  
И дурманит цемент со смолистой доской.

В монотонном гуле вибратор  
Уплотняет бетонную смесь.  
И заказчика строгий куратор  
Хочет все процессы учесть.

И набухли сосновые доски,  
И сочится слезою капель,  
И стальных крепежей ребра жестки,  
И опалубка плачет теперь.

Обогреем фундамент, просушим,  
И опять миг рождения настал.  
Вынем клинья ему из проушин,  
И готов для колонн пьедестал.

Вот и он высотой в шесть саженей,  
А траншеи не видно конца.  
Полирует гудроном их Женя  
До пасхального блеска яйца.

Так в бригаде у нас ради шутки,  
А в народе лишь только скажи,  
И дворняжку прозвали «Минуткой»,  
И остры языки как ножи.

## ИНТЕРЕСЫ ЖИТЕЛЕЙ



Мои рассказы были бы однобоки, суховаты, если бы я ограничился однообразным перечислением дат, названием объектов, техническими терминами — без живых героев, их характеров, мыслей, чувств, взаимоотношений, курьезных историй, мнений, интересов. В те далекие годы жители нашего города чувствовали себя немножко обездоленными — скучны были витрины магазинов, не найти там было модной одежды, интересной книги, картины или искусно выполненной поделки для подарка. Не ошибусь, сказав, что до восьмидесятого года в моде была чеканка. В каждой квартире, на видном месте, висела купленная в магазине или сделанная руками умельца, чеканка. В настоящее время, на блошиных рынках, нет-нет, да увидишь это изделие мастеров прошлого столетия: девушка, танцующая под бубен; дед с неводом и с золотой рыбкой; рыцарь с мечом... Фантазии умельцев были разнообразные — на смену глиняным кошечкам пришли поделки из дерева и по металлу.

Помню, стремительно, как цепная реакция, в нашу жизнь, в каждую квартиру вошли аквариумы с чудесными рыбками. Это можно было назвать эпидемией. Наряду с обществом любителей книг создавались неформальные общества любителей экзотических рыбок. Информация передавалась из уст в уста. Обмен баночек с водой и рыбками шел из рук в руки. Эта страсть захлестнула весь город. Разнообразие аквариумов объемом от ведра до нескольких кубов. Появились специализированные магазины «При-

рода», торгующие экзотическими рыбками и всевозможными сопутствующими аксессуарами.

На стройку съехалось тысячи людей, в том числе из сельской местности, из деревень. Конвойеры, потогонный труд и каменные коробки домов не давали людям ни общаться с людьми, ни с природой в той мере, в какой хотелось. Эту атмосферу смягчали домашние питомцы — собаки, кошки, иногда певчие птички и, в редких случаях, говорящие попугаи. Животные помогали общению, знакомству, когда их выгуливали во дворах.



\*\*\*

Свежий ветер перестройки  
Затерялся в Жигулях,  
Хим заводов запах стойкий  
Нам порой наводит страх.  
Стела площади Свободы,  
Чаша вечного огня  
Стала раною нарова,  
Горькой памятью война.  
Неразрывны серп и молот,  
Как с тобою Автоград.  
Был и я влюблён и молод  
В Жигули красавиц «Лад».  
Родилась она в Тольятти,  
А в Италии «Фиат».  
Взял ее в свои объятия  
Из Турина старший брат.

## ПРИЕЗД ТЕСТЯ

Приближалась Масленица, шел 1971 год. Был конец марта, снег еще не сошел, днем подтаивало, но ночами подмораживало. Помню, как сейчас был субботний день. Мы по-прежнему жили в Комсомольском районе. И у нас второй день гостили мой любимый тестя. Чтобы как-то развеять его, я решил свозить Афанасия Лукьяновича на экскурсию на Автозавод. Чтобы попасть на его территорию нам, строителям, выдавали временные пропуски, которые давали возможность перемещаться по всей его территории, заходить в любой цех.



С моим уважаемым тестем Афанасием Лукьяновичем мы без труда добрались на троллейбусе до восьмой вставки. Без проблем зашли через проходную на территорию завода и не спеша пошли вдоль главного конвейера, восхищаясь увиденным. Шел рабочий цикл, конвейер двигался, шумел, все вертелось и гремело. Слышался визг пневматических гайковертов в руках рабочих, которые сновали в своих клетчатых рубашках, синих комбинезонах с эмблемой ладьи на груди. В основном это были молодые парни и девчата. Тестю все было в диковинку, он широко улыбался, со всеми здоровался. Порой мы останавливались, с любопытством наблюдая за происходящим. Иногда тестя что-то спрашивал у слесарей, интересуясь чем-то. Мы начали экскурсию с конца, так сказать, уже на выходе готовой малолитражки. Но все равно нам было интересно, как машина постепенно приобретала

законченный вид, все больше насыщаясь деталями и узлами. Тесья шел степенно, прихрамывая, двигался вдоль конвейера. Он был участником войны, и рана, полученная под Сталинградом, давала о себе знать. Устав, присаживался на какой-нибудь ящик по ходу экскурсии. К концу третьего часа наша экскурсия подошла к завершению.

В то время попасть на территорию завода было легко и просто, никто нас не останавливал, не обыскивал, не спрашивал, кто мы и откуда. Лишь на самом выходе из цеха охранница с улыбкой на лице, обратив внимание на брезентовую сумку тестя, спросила, что он в ней несет. Что сумка пуста, она поверила ему на слово. Так закончилось наше знакомство с Автозаводом. Это уже потом появились «несуны» из числа рабочих, и то лишь тогда, когда «Жигули» начали появляться у населения, а запасных частей практически не было. Вот поэтому и стали усиливать охрану, со строгой пропускной системой, с системой досмотра, с оборудованными рамками металлоискателей. Я как-то стоял на проходной, была пересменка, ждал брата Валеру с работы. Рабочие, вышедшие из цехов и производств, огромной толпой стекались к проходной, образуя сплошную колонну. Люди усталые, но с радостными лицами, шли домой с работы, предъявляя пропуска ВОХ-Ровцам. А те, в основном, женщины, выхватывали из толпы, как им казалось, подозрительных лиц, отбирали пропуска, сопровождали в комнату досмотра.

Был как-то такой случай и со мной. Может слишком деловой у меня был вид? Охранница беспардонно схватила меня за руку, вытащив из толпы, завела в кабинет. Тут-то я им дал жару! Меня возмутило такое обращение. Мы, строители, чувствовали себя хозяевами. Это было наше детище. Я их поставил всех на уши, вплоть до начальника охраны. Они, наверное, и сами были не рады, что со мной связались. Я встал на дыбы. Помните, фильм «Председатель», монолог героя картины? «Это я, который обкладывал целые батальоны...» На первом месте у нас была работа, а их болты и гайки нас не интересовали.

Здесь же, в зале, на проходной висел огромный щит с фотографиями задержанных «несунов», с их фамилиями и принадлежностью к тому или иному цеху и производству. Позор был немоверный. Кто с распределом заткнутым за пояс, кто с целлофановым пакетом гаек и болтов, привязанным к ноге, или фотография по пояс обнаженной работницы, с торчащей из ее лифчики, завернутой в носовой платок, крестовиной. Я в тот момент вспомнил художественный фильм «А зори здесь тихие». Вот один из рабочих весельчаков, шедший со смены, глядя, как из толпы выхватывают очередного потенциального «вора» в шутку закричал: «Лягай, лягай! В угол, в угол! На пол!» Работники ВАЗа не теряли чувства юмора, обстановка была другая, строй был дру-

гой. Рабочие были солидарны друг с другом, никакого дележа не было, все было наше, не надо было думать о завтрашнем дне, ни о жилье, ни о проблеме с работой, ни о детском садике, ни о платной школе, ни о платном лечении. Мы тогда думали, что все так и должно быть, пока не пришел Горбачев.

\*\*\*

Включил однажды старый телевизор,  
Рысцою по программам проскакал.  
В одной из них известный всем рассказчик  
Меня унес в страну кривых зеркал.

Далекое и близкое, родное,  
Ушедшую эпохой отдалось,  
И ничего поделать над собою —  
По-щучьему велению все сбылось

Кто заварил тогда такую кашу,  
И почему вдруг сердце так щемит?  
Но не вернуться в прежнюю жизнь нашу...  
По прошлому душа моя болит.

Спроси себя, быть может, жил иначе,  
Не так дышал, любил, не там ходил?..  
Я в годы те, как вы, не стал богаче,  
Но душа диктор мне разбередил.



## СЛУЧАЙ В РЕСТОРАНЕ

Николай Лазутин пришел к нам на нулевой курс, так называли рабфак Политехнического института, позже других почти на два месяца. В Тольятти прибыл из гвардейской Таманской дивизии. Декан сделал ему снисхождение, разрешив приступить к занятиям чуть позже. Колька демобилизовался с первой партией, в звании сержанта. Имел специальность водителя второго класса, курсы ДОСААФ закончил еще до службы. Как старший по возрасту, я был назначен старостой группы. Следил за дисциплиной, распорядком дня, интересовался биографиями студентов. В группе было двадцать шесть человек, в основном все строители, направленные на рабфак с отрывом от производства. Стипендия была сорок шесть рублей. Появление нового человека в группе меня заинтересовало, кто он, что у него на душе. Николай ходил в армейской форме. Выделялся среди студентов своей выправкой и внешностью, был скромен, широк в плечах, с симпатичным добрым лицом. Располагал к себе, нравился женщинам. У нас в группе их было более половины, все — потенциальные невесты. Лазутин приударил сначала за одной, затем за другой. Удостоился их благосклонности. При появлении его на занятиях, они постоянно провожали его томными взглядами. Я был старше его на пять лет, но разница в возрасте не мешала нам сдружиться. Учеба давалась легко, еще в армии я окончил одиннадцать классов вечерней школы, в городе Москва, получил аттестат зрелости. Призван был в армию со второго курса Сызранского машиностроительного техникума. Демобилизовался в декабре 1966 года. Мои сокурсники в это время защищали дипломы, пока я отдавал долг родине. В те годы служба в армии была престижна, а тех, кто не служил, по какой-либо причине, считали не вполне полноценными.

Мы с Николаем сидели за одной партой. Учеба наша на рабфаке подходила к концу. Но вдруг случилось непредвиденное. Колька перестал посещать занятия. Я знал, что он проживает в одном из рабочих общежитий на улице Ушакова. Выбрал свободное время, решив его навестить. Узнать у коменданта, где он проживает, не составляло особого труда, и я без стука вошел к нему. В полу暗室的 комнаты, при плотно занавешенных окнах, Колька лежал на кровати, одетый, забив голову в подушку, никак не реагировал на мое появление. Я кашлянул несколько раз, щелкнул выключателем. В загаженной мухами лампочке тускло горел свет, освещая огромный фиолетовый фингал у него под левым глазом. Приятель отрешенно смотрел на меня, будто не узнавая. В глазах его была безысходность и безудержная тоска. Я прихватил с собой бомбу итальянского вермута. Осушив по граненому стакану, мы кое-как настроились на беседу. Николай начал свой монолог.

Шли майские праздники. На стройку прибыли его друзья дембеля. Это событие решили отметить в ресторане «Волга».



Что мелочиться, десантники — бравые ребята! Николай вальяжный, уверенный в себе, потомственный оренбургский казак из села Пономаревки, есть такое село в оренбургских степях недалеко от Абдулино. По своей натуре Лазутин был весельчак, плясун и частушечник. Их великолепная четверка расслабилась по полной программе, загуляв на широкую ногу. Зал был переполнен, как говорится, яблоку негде было упасть. Современная музыка перемешивалась с зажигательными цыганскими танцами — и «Очи черные», и «Эти карие глаза» и т. д. Дым стоял коромыслом, звенели бокалы, хлопали пробками открываемые бутылки с шампанским, слышался девичий визг. Везде звучала английская, итальянская и немецкая речь. Николай превзошел себя, выделявал такие коленца, что его не удержать. Он своими танцами зажигал весь зал. Дамы визжали от восторга, а их кавалеры косо поглядывали на их quartet. Развязка приближалась с каждой минутой. Вдруг Николай нечаянно наступил на лакированный штиблет одного напыщенного итальянца, окруженного несколькими развязными девицами. Итальянец вскинул, перепалка вмиг переросла в драку. С криком «Бей макаронников!» десантники пошли в атаку. В этой драке участвовали не только наши гвардейцы, но и другие сочувствующие им ребята. В ход пошли стулья. После оперативного вмешательства соответствующих органов драка резко закончилась, так же, как и началась. Воронок быстро доставил всех героев в медвытрезвитель. После ночевки последовал доп-

рос с пристрастием, разбор полетов. Благо, никто серьезно не пострадал, обошлось без членовредительства. Милиция была на чеку и вовремя подоспела. Больше всего досталось одному из ведущих итальянских шеф-монтажников, которому сломали нос. Но это еще полбеды. Этот сорокалетний итальянец оказался членом итальянской коммунистической партии. То и инцидент отнесли к разряду политических.

В те времена дружба между нашими компартиями была на высоте. Закрутилась государственная машина. Следствие шло своим чередом. Ведущую роль в судьбе Николая сыграл его старший брат, который являлся главным солистом Оренбуржского ансамбля песни и пляски. Адвокаты сделали свое дело, судьи смягчили вину, и Николаю дали год условно. Кое-как замяли это дело, не сообщив об инциденте в институт. Лазутин, в постоянной тревоге, успешно закончил нулевой курс, затем и институт. Получил специальность инженера-строителя. Сейчас, оглядываясь назад, невольно задумываешься о причинах драки. Наверное, самолюбие десантников было задето, возможно, их спровоцировало вольное поведение наших девиц, которые сидели на коленях у иностранцев, с ярко напомаженными губами, с сигаретами во рту. А это были переводчицы. Десантникам показалось, что итальянцы вели себя нагло, как хозяева, лапали наших девок. А те были готовы, как говорится, на все...

Современной нашей молодежи, этого возмущения и презрения по отношению к тем девицам не понять. К слову, много наших девчат в те времена выходили замуж за иностранцев и уезжали за границу! И не только в Европу, но и в США, и в Японию.

В период перестройки Николай руководил крупной строительной фирмой. Затем вся информация о нем оборвалась, но осталась в памяти эта история. Я нисколько не осуждаю ни своего, друга, ни его приятелей — тогда времена были другие, другие ценности, другие нравы и приоритеты.

\* \* \*

Чудесный вечер в реве саксофона...  
И, вторя, заливается труба.  
Но вдруг услышал я раскаты грома —  
Все кончено, подумал я, — судьба!

Какой-то фраер перешел дорогу.  
Шел на меня он, в ярости дрожа.  
Чутьем собачьим услыхал тревогу —  
Мне пригрозил он лезвием ножа.

И тут во мне проснулася обида,  
И вспомнил я учение отца.  
Меня не удержала даже Лида —  
Разрезал ему бритвой пол-лица.

А саксофон то плакал, то смеялся...  
Ушел рывком я через черный ход.  
И пожалел я ту, в кого влюблялся, —  
Ей отходную не играл фагот.

Мужал и рос я в уголовном мире,  
И склонялся по малолетству срок  
Я за того, кого мочил в сортире,  
Чтоб всем пошел на пользу мой урок.

Стою я на эстраде с саксофоном,  
Вокруг меня кружит какай-то ля.  
Я в дружбе и согласии с законом,  
Который нарушать теперь нельзя.

Я виртуоз, достигнул совершенства,  
Я улетал в заоблачную даль.  
А саксофон, в надрыве от блаженства,  
Рыдая пел про радость и печаль.



## ПОЛУЧЕНИЕ КВАРТИРЫ

Наконец наступил долгожданный день. Накануне я получил ключи и ордер на квартиру. А сегодня, шестнадцатого марта 1972 года, в пятницу, по-настоящему в весенний, солнечный день, — переезжаем. Все вещи упакованы, уложены в мешки и в ящики, готовы для транспортировки.

Прощай, Комсомольск! Прощай, барак! Мы переезжаем в Старый город на улицу Ленинградскую № 55, квартира № 78, шестой этаж, второй подъезд, в новый дом.

Вот оно, свершилось, сбылась долгожданная мечта, у нас — своя квартира. Как говорится, живи и радуйся. Нас в семье четверо, поэтому мы получил квартиру двухкомнатную.

Мы, в свое время схитрили — хорошо подсказали добрые люди, года три назад прописали у себя в бараке любимую тещу Александру Андреевну, а то так бы и ютились в однокомнатной. Теща жила у нас наездами, на две семьи. Здесь в городе с нами, а у себя дома с мужем. Ей забот хватало. У тещи были золотые руки, сейчас таких женщин не найдешь. Моя жена Людмила второго ребенка рожать не хотела. О чем пришлось жалеть всю жизнь. Один ребенок не ребенок. А наш сын на старости лет плонул нам с супругой в душу. Да ладно об этом, Бог ему судья.

С обеда отпросился с работы, взял с собой ребят, своих друзей: Сашу Капленкова и Витольда Лянцевич. Без труда поймали грузовую машину, и вот — мы у дома. Перетаскать вещи для нас, что плонуть — да и к счастью, лифт уже работал. За пять лет совместной жизни особого богатства мы не нажили. Кровать-полуторка, диван, стол две табуретки, несколько узлов, да ящиков. Быстро перетащили свой скарб, занесли его в квартиру, уложив в один из углов. Перед началом заселения запустили кошку, на счастье, попросив ее у соседей. Супруга Людмила, царство ей небесное, загодя наварила гречневой каши, нажарила котлет, упаковала все, чтоб не остыло. А солеными огурцами и квашеной капустой нас снабдила теща, гостившая накануне. На наше новоселье, теща припасла трехлитровую банку самогона-первача. Андрэвна, как мы ее любовно называли, знала толк в этом деле, была мастерица на все руки.

Квартира имела выход на две стороны, с большим залом и лоджией с северной части, с видом на Центральную площадь и спальней во двор. Комната — полнометражные, но качество отделки желало лучшего. Потолки, с неширокими плитами перекрытий, имели перепады, видимые невооруженным глазом. Строители спешили. В первую смену каменщики выводили стены, а во вторую монтажники, при слабом электрическом освещении, перекрывали их плитами. На полы плотники стелили сырье доски, после высыхания они рассохлись и скрипели вместе с лагами.

Но мы и этому были безмерно рады — кончилась жизнь, когда сами с завистью смотрели на чужие окна, мечтая о своем жилье.

И вот мы уже за импровизированным столом, кто — на табуретке, кто — на чемодане, кто на узле с барахлом. Перед застольем побрызгали во все углы самогоном. Хозяйка выставила на стол, как говорится, все, что нам Бог послал. Новоселью радовались мы, радовались мои друзья... Посидели славно, обмыли квартиру. Разошлись далеко за полночь. А мой друг любезный Витюша, так набрался, что остался ночевать. Мы до сегодняшнего дня не теряем с ним дружбу, перезваниваемся, иногда встречаемся.

Поначалу я путался с дверьми, блуждал в двух комнатах, пахнувших свежей краской, не мог разобраться, куда какая ведет. По-степенно стали обживаться, привыкли к новому жилью, начали самостоятельно делать ремонт.



Наш квартал застраивался, рядом возводился такой же девятиэтажный кирпичный многоподъездный дом. Строительство его вела бригада моего друга Евгения Бесплюка. С западной стороны строился Дом быта «Россия». Перед окнами была низина, и все вешние и дождевые воды стекали в нее, образуя сплошное грязное месиво, типа болота. Помню как-то: пьяный мужик двинулся напрямик, упал, и чуть было не утонул, хлебнув грязи. Строители из соседнего дома, заметив это, побежали на выручку с носилками, перепачкавшись сами, но его спасли, вызволив из болота, взгромоздив на носилки, вынесли на сухое место. Несчастный сидел, как ком грязи, похожий не то на лешего, не то на водяного, мычал, вращая своими бельмами. Сегодня он станет сюрпризом для своей жены.

Мы временно, до устройства тротуаров, ходили вдоль домов, по отмосткам, и самодельным деревянным мосткам, скользя и порой сваливаясь в грязь. Со временем было выполнено благоустройство, и все встало на свои места.

Наш дом располагался в очень удобном месте. В центре Старого города. Напротив него достраивался дворец культуры завода СК, рядом, на бульваре Ленина, находился горком КПСС. Очень удобные автомобильные развязки, тут же — автобусные остановки. Кончилось мытарство по частным квартирам и баракам. Вот он — яркий пример социализма: ты — государству, государству — тебе.

Ровно через пять лет я заработал благоустроенное жилье, мог учиться дальше. Ребенок был обеспечен детским садом. Проблем с трудоустройством не было.

Рабочие руки были востребованы везде. Человек труда был на виду, добросовестный труд ценился. Рабочего человека замечали, поощряли, он был в почете.

Жизнь не вечна, некоторые мои товарищи ушли в другой мир, затерялись на дорогах судьбы. Особенно в кошмарные годы перестройки. Но память о них, о наших делах живёт. Остались творения наших рук, красавцы-корпуса ВАЗа и вереницы автомашин с маркой «Ладья» на дорогах России, и не только.

\*\*\*

Может, кто-то думает иначе.  
Я по-русски мыслю и живу.  
И, признаюсь, иногда я плачу...  
А бывает, что во сне реву.  
И светло, тепло, что в жизни надо?  
Но душевного комфорта нет.  
Вы меня обмажьте шоколадом —  
И аборигенам на обед.  
Но прошу, не отрывайте руку,  
В ней перо, похоже на копье.  
Я не позавидовал бы Куку,  
Может, в том спасение мое?  
Вы по полю разбросайте кости,  
Мою душу посадите в клеть.  
Чтоб не улетела к Богу в гости,  
Дайте здесь спокойно умереть.  
Вы окститесь, что вам еще надо?  
Что же сделать, чтоб достойно жить?  
Любовь к Богу — высшая награда,  
Это тоже надо заслужить.  
Издревле все головы ломали,  
Поклонялись Богу и огню.  
Тайну жизни так и не познали,  
Под шаблон и я не подгоню.

## ПОЕЗДКА В БОЛГАРИЮ

Мне, как передовику производства, профсоюзный комитет выделил льготную путевку для поездки в Болгарию, сроком на двадцать четыре дня. Председатель профкома за месяц оповестил меня о предстоящей поездке в братскую страну. Цель вояжа — обмен опытом в строительных делах с отдыхом на золотых песках Черноморского побережья. Для меня это было ответственным и серьезным событием. Раньше, на столь длительный срок, я никогда с семьей не расставался. Составлен список необходимых вещей. Начались сборы в дальнюю дорогу. Волнение и грусть обуяли меня.

Пройдя собеседование и инструктаж, я расписался в журнале о правилах поведения за рубежом. В назначенный день с группой туристов отбыл в город Куйбышев на железнодорожный вокзал. Коллектив туристов оказался бойким и разношерстным. Состоял из строителей, работников профсоюза, комсомольских активистов, инженерно-технических и других специалистов. Раньше, до этой поездки, я никогда ни с одним из них не был знаком, кроме партнера. В группе было около сорока человек, в основном женщины.

Короткая остановка в середине пути, у придорожного леска, с посещением березовых кустиков с предварительной выпивкой за знакомство. Профсоюзные работники и комсомольские активисты знали свое дело тую. Яркий пример преемственности поколений.

Город Куйбышев. Железнодорожный вокзал.... Нарастающий стук колес нашего состава оповестил о том, что мы уже в пути.

Июль 1972 года был особенно жарким. Горячий воздух врывался в раскрытые окна вагона, играл занавесками, шелестел газетами. Негромкие, приглушенные голоса, сопение спящих пассажиров под монотонный скрип рессор настраивал туристов на предстоящий отдых на Черноморском побережье. А экспресс с каждой минутой приближал нас к столице, городу-герою Москва.

Мне повезло, я ехал в купе с руководителем группы, являясь его заместителем. В скором времени мы с ним узнали, кто есть кто. По пути следования пассажиры успели перезнакомиться. Разместились по купе, исходя из интересов и наклонностей. Семейные пары группировались отдельно. Замужние женщины, прихватив в дорогу вязанья, вели неспешные беседы, занимаясь рукоделием. Были еще неугомонные ребята — холостяки, у которых интересы сводились к карточной игре, к возлиянию горячительных напитков, заранее припасенных к поездке. Судя по всему, женский пол их не интересовал. После активного принятия на грудь и окончания запасов спиртного началась их хаотичная беготня в вагон-ресторан, с шумом и хлопаньем дверьми вагона. Особенно отличалась четверок молодых парней, которые или были

знакомы до поездки, или сдружились по пути следования. На замечания проводницы они не реагировали, как не пыталась она их усвостить, призывая к порядку. И пассажирам они успели надоест.

В полдень проехали Киев, утопающий в зелени, на своих живописных семи холмах, с храмами, монастырями и церквями. Пересекли почти всю Украину и к полуночи, двигаясь к румынской границе через Черновицкую область, приближались к пограничной станции Вадул Сирет. Пассажиры спали глубоким сном. Великолепная четверка угомонилась, перебрав лишку. За беседой с руководителем группы я не заметил, как прибыли на пограничную станцию.

Железнодорожная колея, в СССР шире европейской. Поэтому параллельно с пограничным досмотром, румынские железнодорожники автоматически поднимали вагоны, меняя колесные пары. Здесь нашему квартету перепало. Проводница вызвала оперативника и пограничный наряд. Майор пограничной службы стал разбираться с ребятами, которые игнорировали приказ открыть дверь купе. Пограничники сделали это самостоятельно, весьма быстро. Герои лежали на своих койках в трусах, не понимая, что происходит. После того, как каждого из них окунули головой в ведро с холодной водой, они стали приходить в себя, начали что-то соображать и вид у них был уже совсем не боевой. Майор составил акт об их высадке и отправке домой. Офицер нисколько не шутил — зачем ему лишние хлопоты? Выпускать их за границу при таком поведении было рискованно. Проводница подлила масла в огонь, жалуясь на то, что один из них, а это был обрусовший поляк Юзик, обозвал ее шлюхой. К сведению, все проводники международных вагонов являлись штатными сотрудниками КГБ. Осознав, что дела плохи, Юзик стал просить прощения за себя и за своих приятелей-событильников. Клятвенно божился о достойном поведении впредь, просил не высаживать. Тогда майор пригласил нас с Петровым в свой кабинет, на собеседование с глазу на глаз. После долгих уговоров Петров заполнил бланк-обязательство, заверил своей подписью, что в дальнейшем берет под личный контроль поведение вышеупомянутых пассажиров-нарушителей. Мы еще около часа беседовали с виновниками индивидуально, получив расписку от каждого о достойном поведении впредь.

Поезд не спеша пересек границу с Румынией. На одной из коротких остановок, к нам в купе заглянул щегольски одетый румынский пограничник-офицер в ярко-зеленой форме, с полевой сумкой через плечо. С огромным пистолетом, в красной кожаной кобуре. С улыбкой на лице, он на ломаном русском языке спросил каждого из нас: «Оружие е?», — поставив печати в наши заграничные паспорта, пожелал счастливого пути. Часам к десяти утра мы прибыли в Бухарест, столицу Румынии,

где простояли в тупике на запасных путях часа три. Утром, двигаясь по территории страны, из окна вагонов мы наблюдали за жизнью румын. Паровоз ехал не очень быстро. Вокруг, куда глаз не кинь, простирались кукурузные поля. То там, то здесь мелькали фигуры сельских тружеников, большей частью мужчин в черных фетровых шляпах. Поезд часто делал короткие остановки, румыны подбегали к вагонам, что-то просили. Их речь трудно было понять. Мы не скучились, бросали в открытые окна: кто шоколадку, кто пачку печенья, кто сигареты. Румыны, показывая нам свою любовь и дружелюбие, целовали сигареты. И еще долго некоторые из них провожали взглядом наш состав. Как сейчас в моих глазах стоит румын, опершийся на свою мотыгу, смотрящий вслед уходящему составу.

Ночью мы прибыли в болгарский морской порт Варна. При пересечении границы с Болгарией пограничник так же отшлепал наши паспорта. В Болгарии Петров собрал в свой объемистый портфель все документы на проверку болгарским пограничникам. Единственное, что спросил болгарский офицер, не везем ли мы деньги, не внесенные в декларацию. Да разве кто признается? Наши шустрые туристки втайне провозили червонцы, это было видно по их багажу при возвращении из туристической поездки. Слишком много вещей они везли с собой обратно.



Была глубокая ночь. Порт, с прилегающим к нему железнодорожным вокзалом, жил своей обычнойочной жизнью. Моросил мелкий теплый

дождь, скрипели подъемные краны, слышался гул буксиров, свист маневровых паровозов, шум автомобилей, крики зазывал, и тому подобное.

Подали туристические автобусы «Балкантурист» и мы отбыли на международный курорт Солнечный берег — «Слынчев Бряг». Дождь не прекращался. Было сыро, дурманили своим запахом цветущие розы и магнолии, но мне почему-то стало грустно, тоскливо и одиноко, захотелось вдруг домой.

Разместились мы в трехзвездочном отеле «Лангоза». Гостеприимные хозяева расселили нас по этажам по два человека в номере. Завтрак в семь утра. После двухсургучной утомительной поездки в поезде, ополоснувшись в душе, я очутился в мягкой постели, моментально заснул.

На следующий день нас встретило солнечное радостное утро. На душе было торжественно и радостно, ожидание чего-то неизвестного. Стол был накрыт на четверых. Легкий завтрак: картофельное пюре с эскалопом и подливой. С порцией овощей на каждую персону: свежие помидорчики, огурчики, зеленый лук и всевозможные пряности. Все для салата, который каждый мог приготовить сам. Столовые приборы из различных ножей, ложек и вилочек, фужеры и рюмочки. А в центре — булочки в хлебнице, на стеклянном блюде четыре графинчика с разноцветной жидкостью, закрытые стеклянными пробочками. Наших молодцев Петров разделил на пары. С одной из них посадил меня, с другой сел сам, чтобы следить за порядком. Один из героев пребывал в глубоком похмелье. Без сомненья, это был Юзик. Он, как, заседатай смело взял инициативу в свои руки, налил янтарной жидкости чуть больше половины стакана, залпом выпил, не успев крякнуть. Показав пример остальным, неискушенным. Но вдруг поморщился, икнул, схватил с блюдца помидор, не посолив, стал с остервенением жевать. После чего засел булочкой. Митяй или Дмитрий, как мы уже окрестили его друга, тут же отреагировал на происходящее. Взял тот же графинчик, открыл, неспешно понюхал, полил им нарезанный в тарелке салат, при этом лукаво улыбнулся. Как, оказалось, Юзик, не разобравшись с похмелем, хватанул полстакана подсолнечного масла, спутав с коньяком. Вот с этого комического случая начался наш отдых на «Слынчев Бряге». Этот эпизод стал поводом для насмешек всех его друзей, они при удобном случае подкалывали его. Дали ему погоняло «Бывалый».

С этого момента начался наш активный отдых на побережье. В какие-то жесткие ограничительные рамки нас никто неставил. Каждый был предоставлен самому себе. После завтрака кто-то шел на море, купался или загорал там до обеда. Кто-то оставался в номере, читал книгу. За неделю отдыха солнце и вода так прокалили мое тело, что кожа приобрела шоколадный цвет с ореховым отливом. Этим я выделялся в массе отдыхающих. Загорал, купался на море, чувствовал себя полностью отрешенным от мира. Мальши, проходя мимо, тыкали в меня пальцем, твердя: Нигер! Нигер! Морской песок к обеду нагревался так, что босой ногой невозможно было на него наступить. После обеда распорядком дня был предусмотрен сонный час. Затем начиналась подготовка к романтическому вечеру.

За время моего пребывания на международном курорте «Солнечный берег» несколько раз портилась погода, холодало и шторило. В такие дни купание запрещалось. Вдоль берега натягивался канат, за который отдыхающим заходить было запрещено. О том также предупреждал поднятый на флагштоке черный флаг. Неугомонная четверка отличилась и здесь. С обеда поддав, и, проигнорировав все запреты, наши герои полезли в море купаться. Спасатели мигом отреагировали на эту наглость, подавая сигналы свистками. Затем приблизившись вплотную к нарушителям, поднырнули, дав хлебнуть соленой водицы. Незаметно отпустили их, отбив желание в дальнейшем лезть в воду. А зчинщиком купания оказался все тот же Юзик.

Вечерами жизнь на побережье преображалась. Жаркий день с приходом темноты сменялся ночной прохладой. Природа оживала. Морской бриз вносил неповторимый колорит, меняя настроение. Мысли о свиданиях томили души. Запретный плод всегда сладок. Воображение рисовало романтические картины. Каждый был волен в своих поступках, это касалось, как мужчин, так и дам. Зажигались огни реклам. Бары и варьете манили светомузыкой, неповторимыми мелодиями цыганских романсов, ритмами модных танцев и песен. Быстро освоившись, мы с друзьями легко ориентировались на этом живописном побережье. Без труда могли найти любое кафе, бар или казино. В один из вечеров, достав билеты, побывали на концерте Эдиты Пьехи, которая гастролировала здесь в Болгарии с ансамблем «Дружба».



Концерт проходил на летней эстрадной площадке, уютной и вместительной, утопающей в зелени платанов и других реликтовых растений. Пьеха была молода, в расцвете творческих сил, своими песнями очаровала нас. С ее концерта мы ушли с поднятым настроением, зарядившись ее энергетикой.

И так каждый вечер. Наводили марафет — гладили брюки и рубашки, чистили до блеска штиблеты и отправлялись на поиски приключений. Нас ждали всевозможные развлечения, с романтикой встреч и новых знакомств. Воздух, насыщенный запахом моря, дурманил ароматом магнолий и роз, ночной фиалки, мяты и резеды. Парочки и компании отдыхающих фланировали взад-вперед в поисках чего-то необычного и неизведанного. Бродили по ночным улицам, находя пристанище в кафе и барах. Кое-кто из моих приятелей даже сумел побывать в чудесном эстрадном комплексе на концерте театра варьете из Берлина. Они были потрясены и восхищены, увидев полуобнаженных краток, танцующих канкан.

Меня больше всего поразило посещение ночного бара «Фрегат». Бар представлял собой огромный старинный двухпалубный парусный корабль, как бы заброшенный морской стихией на берег, в дюны. Слегка засыпанный морским песком, поросший водорослями и ракушками. Наши скучные финансы дали возможность побывать в этой чудесной сказке. Обслуживающий персонал — официанты, бармены, повара — были переодеты в пиратские костюмы. Здесь можно было увидеть одноногого разбойника, прыгающего на деревянной ноге, и пирата, с перевязанным глазом, с попугаем на плече, с заткнутым за кушак пистолетом. Всю ночь гремела музыка, веселя гостей бара. За одну ночь мы прокутили все заначенные червонцы. Посетители приходили сюдаарами, успев познакомиться довольно быстро на пляже или за завтраком в ресторане отеля.

Веселые, с облегченными карманами, усталые после бессонной ночи, мы покидали пиратский корабль. При расставании его капитан за небольшую плату мог оставить на вашем теле знак — печать. Краска была особой, могла не смыться с кожи месяца. Этот ритуал особенно нравился женщинам. Любая из них могла легко задрать подол платья, подставив ягодицы под печать. Капитан, смачно, под хохот окружающих, проделывал этот ритуал, ставя клеймо, как тавро лошади, на загорелую женскую ляжку под ее визг и кокетливое смущение.

Администрация отеля «Лангоза», зная о нашем отъезде, накануне вечером организовала прощальный ужин в ресторане. Горели свечи, было немного грустно, и чтобы поднять настроение друзья болгары вручили нам памятные подарки и сувениры. Официанты торжественно внесли подносы с шашлыком, политым горячим спиртом. Мы раскрыли рты от удивления. Музыканты-скри-

пачи, своей игрой вышибали слезу, затрагивая душу. Утешало одно — завтра нас ждало двухнедельное турне по Болгарии.

За три с лишним недели, проведенные в братской республике, было много чего интересного. Мы посещали всевозможные выставки, несколько раз побывали на строительных площадках при возведении жилых монолитных домов. Были удивлены тем, что на этих объектах превалировала доля ручного труда. График нашего пребывания в Болгарии был составлен так, что первую половину мы провели на море, а оставшуюся часть — на колесах, в экскурсиях по городам Болгарии, закончив турне в Софии. Двигаясь в автобусах «Балкантурист», оказались на вершине балканских гор, на Шипкинском перевале. Остановились у памятника-мемориала погибшим русским воинам за освобождение Болгарии от Османской империи, которая просуществовала свыше шестисот лет.



Мы вышли из автобуса, с головокружением, преодолев бесконечные горные серпантини, чтобы размять затекшие суставы, подготовились к осмотру мемориала. С нами был гид, по имени Георгий. Высокого роста, смуглый болгарин спортивного телосложения, хорошо говорящий по-русски. Он предложил перекусить тут же в закусочной, в которую мы охотно зашли. На высоте, на перевале даже в пиджаках было прохладно и сыро, стелился густой туман. У туристов был популярен коньяк «Плиска» и водка «Столичная», в длинных тонких бутылках, в свое время

наше правительство продало патент на ее изготовление в Польшу. Среди нас, Юзик оказался самым богатым, видно, приберег незадекларированные деньги. Проявил жест благородства, взял каждого из нас по сто граммов коньяка, а себе — двести «Столичной». Чокнувшись со всеми, смаху, одним залпом выпил стакан водки, не морщась. Георгий был удивлен увиденным. Глядя на Юзика, с восхищением произнес: «Как ты это делаешь?» В ответ Юзик с радостью хлопнул еще сто пятьдесят.

Последним завершающим днем нашего пребывания в Болгарии была София, с ее чудесным отелем «Маринелла».



Был замечательный летний вечер, моросил теплый дождь. Поужинав, мы стояли на крыльце под широким козырьком, любовались ночной Софией, беседуя с группой болгарских студентов, которые оказались рядом с нами. Музыка, улыбчивые лица, огни рекламы, снующие взад и вперед авто. Козырек давал нам возможность оставаться сухими. Не знаю, как другие земляки, но я осознавал, что вряд ли мне здесь еще раз придется побывать. Почему-то мне было грустно. Проезжая по городам Болгарии, встречая их красивейшие фонтаны, любуясь ими, я бросал в них монетки с надеждой вернуться сюда вновь. Особенно запомнились поющие фонтаны в городе Велико-Тырново. С тех пор прошло много лет. Изменился мир. Никто не мог предположить, что дружба между нашими братскими странами, наши торгово-эконо-

мические отношения, через сорок лет зайдут в тупик. А в те годы повсюду звучало: «Болгары и русские — братья навеки!» Сколько памятников русским воинам-освободителям сооружено, сколько пролито крови нашими соотечественниками во все времена и эпохи! Знаменитый памятник Алеше, советскому солдату, в городе Пловдиве являлся символом нашей вечной дружбы и благодарностью за освобождение. Все затушевалось, но видно не всем, — я, например, помню об этом.

В тот прощальный вечер мы стояли на крыльце ресторана с группой студентов Софийских ВУЗов, шутили, о чем-то говорили между собой. Нам нечего было делить, мы были молоды и наивны. Вдруг один из болгарских студентов на ломаном русском языке запел: «Мама, я летчика люблю, мама, за летчика пойду....» Сейчас эту песню можно отнести к разряду шансона, не знаю. Но я всегда с грустью и теплотой вспоминаю наши встречи с болгарами, поездки и курортные романы. Чудесный воздух в долине Казанлык с дурманящим ароматом болгарских роз. Слова этой песни до сей поры сохранились в моей памяти, услышанные еще в детстве, и здесь в Болгарии, спустя столько лет, она прозвучала как память о юности. И сейчас, спустя полвека — это напоминание о наших братьях-славянах: «Мама, я повара люблю, мама, за повара пойду и т.д.».

После поездки меня снова ждала стройка. Но я еще долго не мог прийти в себя от эмоций и впечатлений, полученных мной в Болгарии. Мне казалось, что я побывал в другом мире, в какой-то чудесной сказке.

\* \* \*

Город юный, город чистый  
Привлекал к себе туристов.  
И со всех концов земли  
Сюда плыли корабли.

И с огнями белый лайнер  
В удивленье сбавил ход  
Он на отдых, словно стайер,  
Не спеша заходит в порт.

Везут Волгой сухогрузы  
Нам станки с далеких стран.  
Оборудованы грузы  
И ревет порталенный кран.

Волго-Дон открыл ворота  
На речную гладь аорт,

И морским судам охота  
Поглазеть на наш речпорт.

А над Волгой снова дымка  
И в тумане Жигули.  
И порадуют новинкой  
Нас морские корабли.

И диспетчер обеспечил  
Всем судам уже проход.  
Лоцман им пути наметил,  
Открыв жалюзи ворот.

Мы шлюзуемся на ялах  
Как большие корабли.  
На суденышках на малых  
Кругосветку обошли.

Над кормой кружатся чайки,  
В любопытстве матросня,  
Дарят нам на память майки,  
Что-то просят у меня.

Да и мы хотим обещенья —  
Жаль, не знаем языка.  
Ром и виски в утешенье,  
Гутен морген — и пока.

Все прошло, кануло в лета,  
Лишь остались Жигули.  
Так же кружится планета,  
Ось вращенья у Земли.



## ИЗ ДНЕВНИКА АЛЕКСАНДРА ХОТИЯНОВИЧА

### О себе

На службу в Советскую Армию я был призван Новополоцким райвоенкоматом в декабре 1967 года. Курс молодого бойца прошел в Старом Осколе, Белгородской области в гвардейской танковой дивизии. После окончания учебной школы получил профессию механика-водителя и был направлен в поселок Черноречье Самарской области в танковый полк. Участвовал в окружных учениях и в уборке урожая в Ставропольском районе в совхозе «Луначарский», тогда Куйбышевской области. Вывозил зерно с токов на элеватор. Не раз проезжал мимо грандиозной стройки, мечтая потрудиться на ней. Прослужив год в Черноречье, получил звание сержанта, демобилизовался старшиной. После службы две недели погостил дома в Белоруссии. Затем с согласия родителей, по Комсомольской путевке уехал на стройку в Тольятти. Работы по профессии не нашлось. На старый автомобиль садиться не хотел, имея права водителя второго класса. Потерпел в строители. Приняли меня на работу бетонщиком по второму разряду, в комсомольско-молодежную бригаду Юрия Алексеевича Стадникова, в СУ-16 треста «Автозаводстрой».



Двадцатого декабря 1969 года я вышел на работу. Так началась моя трудовая биография строителя. Бригадир был требовательный к нам, но справедлив. У него хватало терпения объяснять нам новичкам, сложности по чертежам, или узлам опалубки. Проработал я в звене Саши Капленкова полгода, затем Алексеич,

оценив мои деловые качества, поставил звеньевым. Теперь в моем подчинении пять человек. Без отрыва от производства я окончил курсы электросварщиков. Во время службы в танковом полку уже имел определенные навыки сварочного дела. Здесь в бригаде прошел практику. Сдал экзамен, получил удостоверение сварщика третьего разряда. В дальнейшем выполнял работы самостоятельно по крепежу опалубки и сварке арматурных стержней.

Наш комсомольский коллектив был единой дружной семьей. Все вопросы мы решали сообща. Были в курсе текущих событий и новостей — ежедневно в бригаде перед началом работы проводилась политинформация. Трудились с душой и огоньком.

### **Как я снова стал командиром**

Со строительной площадки завода генераторов и стартеров часть бригады, в том числе мое звено, перебросили на базу УМТС ВАЗ № 1. Необходимо было смонтировать складские помещения, собрать их из отдельных металлических конструкций, согласно проекту. В помощь нам руководство выделило отделение солдат — военных строителей, в количестве одиннадцати человек, под командованием сержанта — грузина. В отделение входили солдаты первого и второго года службы, выходцы из Средней Азии и Кавказа.



Приближался конец февраля 1972 года. По утрам было морозно, но к обеду с солнечной стороны подтаивало. Бойцы безропотно выполняли команды, которые дублировал сержант. В кон-

це дневной смены, грузин доставал зачетную книжку и я в ней кратко излагал описание проделанной работы, состав звена,ставил процент выработки, расписывался. Солдаты, как работы были молчаливы и дисциплинированы. Сержант с ними был строг, не знаю почему, может, выслуживался перед начальством? Первогодки, не все команды понимали по-русски, это усложняло дело. Тогда сержант выходил из себя, пытаясь донести их смысл на грузинском языке, пересыпая известными фразами по-русски.

Конструкции имели значительный вес, что требовало слаженности действий в момент монтажа. Непонимание команд, порождало ситуации связанные с техникой безопасности. Склады были уже под крышами. Мы устанавливали стеклянные витражи и раздвижные металлические полотна. Здесь все должно быть четко и слажено, так, как работы выполнялись вручную. Таких команд, как «кинули», «бросили» не допускалось. Все выполнялось по команде: «Раз, два, взяли!» Или «взяли», «подняли», «опустили». Чтоб не случилось, как в том анекдоте, когда две кумы на плече тащили бревно. Та, которая шла сзади, бросила бревно и кричит: «Бросай, кума, я бросила!» Вот характерный пример из нашей практики: подняли солдаты воротину, понесли ее к месту монтажа. А по команде опустить, кто-то резко бросил свою сторону. Воротина и долбанула одного бойца по ноге. Солдат был в кирзовых сапогах, но это не смягчило удара. Видно, не понял он команды и бросил конструкцию на ногу. Срочно вызвали Алексеича. Травмированный боец лежал в бригадной будке на топчане, стонал, корчившись от боли. Сержант от боязни быть наказанным, твердил, что нога у солдата просто замерзла. Бригадир дал команду снять с пострадавшего сапог, размотать портянку. Стопа у солдата посинела. Как оказалось в дальнейшем у него от удара треснули фаланги двух пальцев левой ноги. Бойца тут же отправили в госпиталь. Бессспорно, у нас, у танкистов, род занятий по сравнению с военными строителями, имел резкое отличие, как и в любом другом армейском деле. Но везде, необходима четкость, слаженность, дисциплина, и профессионализм.

## Нелепость

Вспоминается эпизод. Его, можно бы отнести к разряду шуточных, но это не совсем так. Иду как-то к сварочному посту, необходимо было отремонтировать кувалду — треснула по сварке ручка, кусок трубы, приваренный к ней. Подошел я к месту сварки. Солдат что-то варил, стоя на корточках. Под его рукой сверкала электрическая дуга. Похлопал я его по плечу: «Дай поварить!» Взял у него держак и сварочную маску. Заземлил кувалду, поймал дугу, и не сразу понял, в чем дело. В глазах мелькнул солнечный зайчик. Я в недоумении снял маску, а в ней

вместо темного стекла вложен кусочек рубероида. Я к солдату с вопросом: «Как же ты варишь?» Он стоит передо мной, потупившись, в пилотке набекрень, в засаленном галифе, смущенно улыбаясь. Я спросил у него еще раз: Как же ты видишь без стекла? А он в ответ, что стекло разбил нечаянно, вот и вставил рубероид, а смотрит через дырочку, которую проколол гвоздем. Долго мы смеялись над его изобретением, особенно наш прожженный бригадир, Алексеич. Представляю, что творилось у солдата вечером с глазами. Нахватался мудрец «зайчиков». Знаю по себе, не пональшике. Невольно на стенку полезешь. Ощущенье такое будто в глаза насыпали песка.

От незнания можно получить ожог глаз, а бывает и хуже. Такими вещами не шутят.



### Итальянский сюрприз

Был у меня в звене приятель Витька Воробьев. Всем известно, что после стажировки наших специалистов в Италии, по их возвращению в Тольятти, некоторых из них направляли на место будущей работы. Цеха еще не были построены, но у вазовского руководства четко было обозначено, где и какое будет размещено производство, где и какой цех. Вот и давали их в помощь строителям, вливали в бригады. Так ко мне в звено попал Воробьев. Некоторые фундаменты, уже были сданы под монтаж оборудования. Оно уже начало поступать с речного порта в огромных ящиках. До перевода к нам, Воробьев работал в бригаде наших монтажников и итальянских специалистов. Устанавливали и отлавливали автоматические линии. Витька частенько хвастался сувенирами, явно не отечественного происхождения каким-то образом им приобретенные.

Как-то раз перед обедом подходит он ко мне, дело было в начале лета. Вокруг кипит стройка, работа идет на всех уровнях — на земле, наверху, на кровле. Витька заговорщически подмигивая мне, говорит: «Сашка отойдем в сторонку, что покажу!» Мы отошли в дальний угол цеха, сели между двумя колоннами на фунда-

мент. Воробьев втихаря вытащил из-за пазухи цветной, иллюстрированный, порнографический журнал. Для нас в то время это было в диковинку.

Это потом после горбачевской перестройки, после слома берлинской стены, наступила вседозволенность. В страну хлынуло то, что доселе было неизвестно советскому человеку — порнография, литература всяких жанров, видео и прокатные фильмы. В эпоху развитого социализма партийные лидеры, говорили, чтоекса у нас в стране не существует. Наверное ничего глупее нельзя было придумать.

Порнографические журналы случайно, а, может, и не случайно попадали в ящики с оборудованием вместе с инструкциями по

монтажу и спецификациями. Оказывались в руках заводчан, вызывая у мужчин любопытство и искушение. Оборудование шло не только из Италии, но и из Германии, Англии, других капиталистических стран. Спектр тематики этой литературы был весьма разнообразен.

Мы с Витькой неспешно листали журнал, разглядывали цветные фото, пуская слону. Отрешенные, мы никого не замечали вокруг. Время замерло, остановилось. Переевернув последнюю страницу, я услышал за собой приглушенное дыхание и сопение, не сразу понял, где мы, и что происходит. Нас окружила толпа строителей, десятка полтора. Кто-то сидел на корточках, кто-то стоял на коленях, согнувшись

в пояс, кто-то висел на колонне, страхуясь монтажной цепью. Горевшие взгляды мужчин были устремлены в одну точку. Мы с Витькой опешили. Я в растерянности сказал ему, чтоб поскорей с глаз долой убрал журнал, не дай Бог, увидит Алексеич, нам тогда несдобровать. Толпа нехотя расходилась, находясь под впечатлением от увиденного. Замершая работа не сразу продолжилась. Строители еще долго делились впечатлениями.

Чекистам не всегда удавалось обнаружить вложенные посылки, среди которых могла находиться и антисоветская литература. Витька частенько удивлял нас, и в дальнейшем приносил всякие иностранные штучки, и всевозможные прибамбасы.



## Гриша-молдаванин

Шел 1974 год. Лето было в разгаре. В моем звене второй год работал Гриша-молдаванин, который прибыл к нам на стройку по комсомольской путевке из союзной республики. Гриша был худощав, высокого роста. По-русски говорил с акцентом, заикался и казался туповатым. Понимал, что он него требуется лишь с третьей попытки. Был до того несуразный, что однажды через доску забил себе в коленку гвоздь.

Корпуса ПТО готовили под сдачу. Отделочные работы велись повсюду силами женских бригад. Одна вдовушка и положила глаз на нашего Гришу. А жила она с матерью в частном доме в Барковке, имела свое хозяйство. Гриша до той поры холостячил, жил в общежитии. Клава стала постепенно его приручать, подкармливать домашней пищей. То сальцем, то яичками, то молочком. Вскоре Гриша отремонтировал им хлев, поправил забор. А в разгар лета перебрался к ним в дом на постоянное место жительства. Стал незаменимым помощником в хозяйстве. Ездил с Клавой на работу на мотоцикле, отремонтируя старенький «Ковровец», доставшийся ему после смерти тестя. Клава была у матери поздним ребенком, последышем, она была старше Гриши на семь лет. До выхода на пенсию, ее мать Петровна трудилась на почте уборщицей, держала козочек, поросенка, курей.



Гриша,росший сиротой в детдоме, откликнулся на ласку Клавы и тещи, стал у них примаком, незаменимым помощником.

Дело было жарким днем. Прибегает как-то к нам на ПТО Петровна с выпученными глазами, заикаясь с испугу. Разыскала Гришу и что-то ему стала рассказывать, жестикулируя руками. Затем Гриша подошел ко мне с просьбой, отпустить его домой по срочному делу. И тут же укатил с тещей в Барковку. Село было

в километре от ПТО. А дело оказалось вот в чем: за селом проходила железная дорога, рядом была грузовая железнодорожная станция Тольятти с несколькими железнодорожными тупиками. Около одного из них находилась битумная яма, в которую железнодорожные цистерны регулярно сливало остатки битума. На солнце, в жаркую погоду, битум растопился, и одна из коз, пасущаяся рядом с ямой, залезла в битум и там застряла. Гриша подъехал с тещей к этому злосчастному месту, осмотрелся, стал чесать затылок, не зная, что делать. Коза блеяла, стоя по колено в вязком битуме, закатила глаза от безысходности. И тут Григорий принял решение — притащил пару досок, сделал к козе подхват, стал потихоньку продвигаться по этим лежням, держа в руке топор. Затем, долго не раздумывая, обрубил козе все четыре ноги. Вытащил ее, тут же дорезал и освежевал. Вот такой был у нас Гриша. А какой мог быть тут выход? Он и сам мог застремиться — погибнуть в этой яме, рискуя жизнью. Козу не спас, но мясу не дал пропасть, и теща не в убытке. Ребята, узнав про этот случай, посмеивались над ним. Можно было бы назвать Гришу живодером, но я этого сделать не решусь.

А вообще, эта безалаберность и безответственность сравнима с преступлением — битумная яма была без ограждения, представляла собой ловушку-опасность, попало животное, а могло быть значительно хуже.

\*\*\*

Сколько верст и километров  
Шел и оставлял следы...  
А осталось сколько метров?  
Сколько утекло воды?  
Улетела юность в ретро,  
Не забыть ееoval.  
Не плевал я против ветра  
И друзей не предавал.  
Пролетели годы мимо —  
Тридцать, сорок, пятьдесят...  
Дни бегут неумолимо,  
Стройно выстроились в ряд.  
Не ценил их, не считался  
В суете мирских забот,  
А в итоге оказался  
У разбитых я ворот.  
Я вам тайны не открою,  
Все свое ношу с собой.  
Зубы стисну, но не вою,  
И молюсь, что я живой.

## О ФЕДОРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ШУЛЬГЕ

Говоря о делах минувших, оглядываясь назад, поражает мощь нашего государства. Прошло всего двадцать лет со временем окончания войны, а сколько было восстановлено и заново построено! Приходится удивляться и гордиться талантом наших людей, руководителей любого уровня и ранга, будь то министр или бригадир, управляющий трестом или рабочий. В стране, после победы над врагом, наступил подъем, годы хрущевской оттепели, освоение целины, полет Гагарина в космос и так далее. На острие этих глобальных свершений стоял ленинский комсомол, оплот советской молодежи. Комсомольцы были участниками всех грандиозных дел во всех областях экономической и политической жизни нашего государства. Касаясь Волжского автозавода, нельзя не отметить колossalную роль комсомола в делах стройки века. Остановлюсь на вкладе студенческих строительных отрядов в делах стройки.

«И как в двадцатом, если дан приказ,  
Мы твердо знаем — наше дело стоящее.  
Студенчество, дерзающее, стоящее,  
Отечество надеется на нас».

Эти строки были начертаны на монументе первым студентам-строителям ВАЗа на территории центрального студенческого городка. За пять лет трудовых семестров на строительных площадках получили закалку свыше 11 тысяч бойцов, посланцы 18 университетов, 115 институтов, 47 техникумов. Они представляли на ударной стройке 60 городов нашей великой страны. Выполнили объем строительно-монтажных работ на 12 миллионов рублей. Ими прочитано около 100 лекций и дано свыше 100 концертов.

Память пробуждает события почти пятидесятилетней давности. Ярким тому свидетельством является наш Автогигант и его детище, шуршащие колесами по дорогам мира почти пятьдесят лет — наши красавцы «Жигули». А возглавлял студенческую комсомолию Федор Николаевич Шульга.

Вот что писал о Федоре Шульге член совета ветеранов КГС Евгений Нечаев:

Федор Николаевич Шульга родом из Минской области. Его отец с первых дней войны ушел на фронт и не вернулся. Детство, как и у всех ребят того времени, было трудным. В возрасте тринадцати лет вместе с матерью Шульга переехал на Украину в город Новая Каховка. Здесь окончил среднюю школу и музыкальное училище по классу баяна. До призыва в армию успел поработать на электромашиностроительном заводе. Затем — три года службы в погранвойсках. После защиты диплома Одесского инженерно-строительного института летом 1969 года по распределению прибыл в город Тольятти на строительство Автозавода. Поначалу работал мастером в СУ-15 «АЗС». В 1971 году по

решению ЦК ВЛКСМ, после создания на строительстве Волжского автозавода объединенного студенческого отряда, внес свой вклад в его руководство, возглавил эту многотысячную армию студентов. Студенты добросовестно трудились на строительстве Автозавода, жилья и объектов соцкультбыта. Федор Николаевич, как руководитель, за упорство и за свои организаторские способности был награжден медалью «За трудовую доблесть». Затем он продолжил трудиться прорабом в «Жилстрое», инженером ЖКУ КГС, заместителем главного инженера и главным специалистом российско-итальянского предприятия «Лада-Итал», главным инженером МЖРП-11. Организация КПРФ города Тольятти, где он состоял на учете и был ее секретарем по идеологии, понесла тяжелую утрату, простившись с ним 12 января 2015 года.

В ноябре 1972 года была введена в строй третья очередь Волжского автогиганта, мощность автозавода была доведена до проектной — 660 легковых автомобилей в год.

В ознаменовании полувекового юбилея Советского Союза, за достигнутые успехи в освоении производственных мощностей и увеличение выпуска легковых автомобилей. Волжскому автомобильному заводу Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1972 года, присвоено имя 50-летия СССР. ЦК КПСС и Совет министров СССР направили приветствия в адрес коллектива строителей и автозавода, среди которых трудятся представители восемидесяти национальностей и народностей Советского Союза.

«Тысячи юношей и девушек, приехавшие на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку» — говорится в приветствии ЦК КПСС и совета министров СССР, — получили здесь высокую квалификацию, прошли хорошую рабочую закалку. Многие выросли в подлинных мастеров своего дела, достойно продолжают славные традиции старших поколений, традиции строителей первых пятилеток».

Федор Николаевич Шульга до конца своих дней оставался верен коммунистическим идеалам и традициям, с юных лет заложенных комсомолом. Был честен и справедлив, с комсомольской душой Павла Корчагина.

\*\*\*

Ушел наш Корчагин,  
Ушел знаменосец.  
И ветер эпохи  
Тревоги доносит.  
И черные ленты,  
Склоненные стяги,  
Армейские фото,  
Архивы, бумаги...

И все, что ты сделал  
Не будет забыто.  
Кусочек ржаного,  
В стакане налито.  
По жизни бежал ты,  
Покоя не зная.  
Примером своим  
Молодежь зажигая.  
Шинель нараспашку!  
Хоть дождь, хоть пурга.  
Земля тебе пухом,  
Наш Федор Шульга!



## УЧЕНЫЙ ВОРОН

Сидели мы как-то на перерыве в аудитории. Я тогда учился на втором курсе вечернего отделения политехнического института. Солнце садилось, начало смеркаться. В перерыве между лекциями, мы прямо в аудитории, перекусывали горячими беляшами, купив их тут же рядом, в буфете института. Преподавательница ушла на кафедру. Ее стол был пуст. Мы опешили, увидев, как вдруг к нам в раскрытую форточку запрыгнул огромный черный ворон, сел на оконный переплет, затем слетел на подоконник. Стал водить головой из стороны в сторону, что-то высматривая. Мой друг Вовка Карцев сразу сориентировался, отломил кусочек беляша, стал тихонечко продвигаться к столу преподавателя, чтобы птицу не спугнуть. Ворон косил на Карцева глазом, никак не реагируя на его действия. Вовка, положив кусок беляша на стол, вернулся на свое место. Ворон ожидал, прыгнул с подоконника на стол, снова замер. Осмотрелся и, осмелев, пошел по столу вразвалочку в сторону пахнущей мясом пищи. Мы с любопытством наблюдали за ним. Вдруг он неожиданно сделал скачок, схватил своим огромным клювом красную шариковую ручку, лежавшую на столе, метнулся к окну и был таков. Мы долго смеялись, позже извинились перед преподавательницей, рассказав ей эту историю. Взамен украденной отдали свою авторучку.

На следующий день история повторилась. Закончилась первая пара занятий. Мы открыли форточку, чтобы проветрить аудиторию, и только сели перекусить, а наш гость тут как тут. Сразу беспрardonно слетел на стол, увидев яркий предмет. Тут мы с Карцевым его и обхитрили — закрыли окно, только воришко попытался удрать. Изловили мы ворона, завязали лапы и клюв сопротивляющейся птицы. Забрал я его домой, а утром в плетеной корзинке увез на работу. Был у нас в бригаде один шустрый пацан Эрик Бурханов, любитель животных и птиц, вот я ему ворона и предложил: «Возьми себе птицу, приручи, она тебе еще послужит». Ребята тут же окрестили ворона Гамлетом. Эрик в зоомагазине купил для него специальную клетку со всеми прибамбасами.

Дело двигалось к зиме. Бурханов жил в общежитии с тремя ребятами из нашей бригады. Комната была большая, места хватало всем и даже Гамлету. Гамлет прижился, сделался ручным. Сидел в клетке, иногда Эрик выводил его гулять на улицу, держа на длинном поводке. Постепенно ворон научился выполнять элементарные команды, стал послушен. Иногда Эрик ради озорства подманивал се-мечками голубей и подпускал к ним Гамлета. Гамлет ходил между ними, как командир, но птиц не трогал. Иногда в порыве вороных чувств широко открывал клюв так, что в него мог влезть кулак. Для чего Гамлет это делал, непонятно. Может, пугал голубей? Пасть у него была ярко-красная, а ноздри отливали синевой. По весне

Эрик стал брат ворона с собой на работу. Привяжет его шнурком за кольшек, а сам трудится рядом. Гамлет похаживает, ждет обеда и ведь чувствовал, стервец, время! За пять минут до перерыва начинал истерично каркать, как бы напоминая, что время пришло. Тогда Эрик сажал его себе на плечо и вместе с ребятами отправлялся в столовую. Возьмет птице пару горячих беляшей, положит в миску на пол, а Гамлет держит беляш лапой, пока тот не остынет. Раздерет на куски и не спеша съест, а другой — оставит про запас. Ворон служил нам талисманом. При решении каких-то серьезных вопросов мы в шутку спрашивали у него: да или нет? Гамлет в ответ много-значительно каркал, раскрыв свою красную пасть.

Вспоминается такой случай: дело было в начале лета, бригада вела работы по бетонированию основания галереи, ее выхода с восьмой вставки на испытательный трек. Ритмично шли самосвалы, подвозившие бетон. Бурханов стоял на приеме, руководил выгрузкой бетона из самосвалов в бадьи. Эрик был щустрый, накаченный малый, кандидат в мастера спорта по футболу. Запрыгнуть на кузов для него, что плюнуть. Только он зачистил кузов очередного самосвала, стоя на заднем борту, собрался спрыгнуть на землю, а водитель, не дожидаясь команды «опустить кузов и отъезжать», резко дал по газам, дернулся с места. Эрик не удержался, борт на шарнирах пошел вверх, а Бурханов между кузовом и бортом полетел вниз, на землю. Мы замерли. Как он успел сгруппироваться, одному Богу известно. Правда, говорят, под счастливой звездой родился. Встал он, отряхнулся от пыли и пошел, как ни в чем не бывало. Даже вида не показал, что напугался, а, может, не успел осознать. Какие-то доли секунды и его могло убить этим бортом. Может, ворон его спас, вовремя каркнув, предупредив об опасности? Взял я этого «адского водителя» за грудки, вытащил из кабины: «Ты что же, сучий потрох, делаешь? Чуть человека не убил!» А он стоит, растряпанный, не поймет, что случилось. Врезал я ему пару раз в порядке профилактики на будущее. После этого случая он к нам в бригаду больше не показывался.



Постепенно ворон выучил несколько обыденных слов, а когда раздражался, начинал кричать: «Я вам покажу кузькину мать! Вы у меня попляшите!» — и бил в ярости крыльями о землю. Мы хохотали до колик.

С тех пор прошло почти сорок лет. В прошлом году я вновь с друзьями побывал на Грушинском фестивале.



Приближался день отъезда. Накануне, чудесным ранним утром, когда лагерь еще спал после бурной ночи, и солнышко только-только начало всходить, мы неспешно двигались вдоль палаток. Над поляной, деревьями, рекой, горами стелился легкий туман. Природа и состояние моей души в те незабываемые минуты находились в гармонии. Мы с другом, профессором университета, и нашей новой приятельницей договорились еще с вечера встретиться пораньше на поляне, обменяться впечатлениями. Хотели перед отъездом побродить в тишине по территории лагеря, сходить на «гитару», где только перед утром закончился концерт. Кое-где у лагерных стойбищ, догорая, дымились небольшие костры. Вокруг стояла непривычная уху тишина, лишь пение птиц, да шум пригородных электричек напоминали о том, что существует жизнь на планете Земля. Мы тихонько переговаривались, неспешно двигались с Виталием Вениаминовичем и Раисой Федоровной вдоль палаток, этих пристанищ туристов, обнесенных разноцветными лентами, с черными угольями кострищ, со всевозможными посудинами: чайниками, ведрами с водой, кастрюлями, висевшими на кольшках или на проволочных крюках. С сухарями и бараками, с баночками кофе, с коробочками рафинада, разложенными на походных столиках, с ворохами дров, с сушившейся на веревках одеждой. Ветер трепал перетяги с названием городов и туристических обществ, по которым можно было безошибочно прочесть карту нашей страны.

Постепенно деревья расступились, дав нам возможность увидеть на краю поляны палатку и двух мужчин, которые сидели у небольшого костра с закипающим чайником. Здесь же был сложен их нехитрый скарб, на проволоке сушились спальники, на деревянной рогатке, вбитой в землю, висела плетеная авоська, в которой лежал потертый футбольный мяч. Похоже, эти туристы тоже готовились к отъезду. Мужчина помоложе играл на гитаре, мурлыча вполголоса песню: «Люди идут по свету...» Другой,роста ниже среднего, лет шестидесяти пяти, с шевелюрой густых седых волос, возился с птицей, что-то приговаривая. Это нас заинтересовало, мы попросили разрешения присесть. Мужчина широким жестом руки дружелюбно пригласил нас к импровизированному столику. Мы присели, благо, чурбаков вокруг хватало и стали наблюдать за происходящим. Раздраженный ворон каркал, открывая свою ярко-красную пасть, а его хозяин чуть слышно повторял: «Гамлет, Гамлет, да успокойся ты, наконец». Ворон в волнении ходил кругами по поляне. Поводок, привязанный к вбитому в землю колышку был натянут, не давая ему улететь. После того, как мужчина взял птицу в руки, ворон успокоился. Угостив нас ароматным чаем, настоящим на травах, хозяин присел рядом, и мы разговорились. Мужчина представился Эриком. Я поинтересовался, откуда они. Оказалось — из Башкирии, из Уфы, и что с сыном Рафаэлем каждый год приезжают на фестиваль. Меня распирало любопытство, в голове искорками стали проскальзывать какие-то мысли. И этот футбольный мяч, и этот ворон... Я спросил у Эрика, а что здесь делает птица? Подумав, он неспешно ответил: «Это талисман моей молодости, память о Тольятти, память о стройке, об автозаводе, память о моем первом бригадире». У меня ком застрял в горле. «Скажите, уважаемый, — поборов волнение, осмелившись, вновь спросил я, — вы случайно не футболист?». «Э, брат, кем я только не был. Жизнь — она штука серьезная, помотался по свету, где меня только ни носило — и Сибирь, и Средняя Азия, и крайний Север, и все — стройки, стройки... Три года назад схоронил жену. Сын меня не забывает, а птица скрашивает мою старость. Кто-то держит кошек, собак, а у меня вот — Гамлет. Не уступит в преданности дворняге». После этих слов мы вдруг услышали скрипучий голос ворона. Он, будто, понимая о чем идет речь, гортанно прокричал: «Ноги у тебя не оттуда растут, мазила! Шайбу! Шайбу!» И подражая пьяницам запел: «Вино, вино, вино, вино, оно на радость нам дано... Я вам покажу кузькину мать! Вы у меня еще попляшите!». После небольшой паузы Эрик продолжил: «Дело идет к старости. Мы умрем, нам на смену придут наши дети, наши внуки. А у ворона — другая судьба. Они, говорят, живут триста лет, он долго еще меня будет помнить, а кроме меня у него никого нет». И тут я окончательно признал и Эрика, и Гамлета, но ничего не сказал, не стал

тревожить его душу, перевел разговор на другую тему. А Эрик был капитаном нашей бригадной футбольной команды в те далекие дни юности. Я, с трудом сдержав волнение, незаметно от окружающих смахнул со щеки неожиданно появившуюся слезу...

\*\*\*

На сырту у побережья  
В бакенах огни горят.  
Течет Волга, как и прежде,  
И утесы стоят в ряд.  
Только нет уже былого,  
И не та уже река,  
Не журчит ручей у лога,  
Безысходная тоска.  
Сумеречен день осенний,  
Сокори листвой шумят,  
От скалы длиннее тени,  
За рекой костры дымят.  
Волга будто отдыхает  
Вся от праведных трудов.  
До поры все уповаet,  
Как спастись от холодов?  
Волга, Волга — мать родная!  
Благодарен я судьбе.  
Ты течешь, не зная края,  
Поклоняюсь я тебе.



## ПТО

Время шло. Заканчивалась эпопея строительства Волжского автозавода. Красавцы «Жигули» растекались ручейками по всем дорогам планеты. Малолитражки всех цветов радуги наводнили соцстраны и не только. Их можно было увидеть на улицах Гаваны, острове Свободы, во многих других странах латинской Америки.

Коллективы строителей возмужали и окрепли. Имена передовых бригад не сходили с уст докладчиков на всевозможных собраниях и конференциях, со страниц газет и журналов. Стоял вопрос о дальнейшей их судьбе. Нашу бригаду в числе других строительных участков перебросили на вновь строящийся завод «Генераторы и стартеры», как тогда называлось ПТО. К тому времени моя бригада стабилизировалась. Многие ребята овладели смежными профессиями, повысили свой профессиональный уровень и строительные разряды. Каждый член бригады к тому времени имел свой почерк, свое лицо, опыт и авторитет. Моей опорой, как прежде являлось ядро бригады, звеневые: Роман Сейдгазов, Владимир Рожков, Витольд Лянцевич, Иван Фалюшин, Александр Капленков, Александр Хотянович, конечно же, Татьяна Сиппер, и многие другие. Любое задание было нам по плечу!

Обустроив участок, быстро обжив новое место, бригада приступила к выполнению новых заданий, устройство «нулей» — фундаментов под каркас ПТО. Рокот экскаваторов, шум дизелей большегрузных самосвалов возвестил о начале земляных работ. Работа закипела, вошла в свое обычное русло. Пришедший к нам на участок три года назад мастером, Амиров Анвар, из мастеров вырос до начальника участка, а Виктор Щаев, как был нашим неизменным старшим прорабом, так им и остался. Бригада по-прежнему называлась комсомольско-молодежной, получала ежемесячные планы заданий, соревнуясь с другими бригадами. Многие ребята к этому времени обзавелись семьями, детьми, некоторые жильем. Кто где, кто в малосемейном общежитии, кто в нормальном жилом доме. Мы понимали друг друга с полуслова, пройдя грандиозную эпопею строительства. Любое дело было для нас привычно и выполнимо. Все грамотно разбирались в строительных чертежах, без труда находили контакт со смежниками, имели полнейшее понимание с руководителями заказчика любого ранга, будь то мастер, начальник участка или начальник цеха.

Я, как бригадир, не мог мириться с ситуацией, когда по нерасторопности линейных руководителей наступал сбой в работе — простой. То задержка бетона, то отсутствие армакаркасов, то нехватка пиломатериала, отсутствие необходимой техники. Иногда приходилось прыгать через голову, так сказать, обращаться за помощью к вышестоящему начальству, а это бесило линейных ИТРовцев, они получали взыскания за просчеты.

Вспоминаю такой случай: Мы вели работы по устройству монолитных тепловых камер в одном из цехов. Работа была трудоемкая, со значительной долей ручного труда, сопряженная с неудобствами из-за стесненных условий. Цех уже был под крышей, работы велись внутри. Устройство тепловых камер необходимо было выполнить на пересечении тепловых сетей, которые были уже уложены в железобетонные лотки. Мы посоветовались со звеньевыми и мастером, приняли решение изготовить эти железобетонные конструкции за пределами цеха на открытой площадке, а затем перевезти и смонтировать их в траншеях в нужном месте. Не берусь сейчас судить, в чем была причина перебоев с пиломатериалами. Смежники требовали от нас скорейшего завершения работы. Прораб все чесался, обещал со дня на день выдать доски. Его нерасторопность приводили к простоям, а это, в свою очередь, сказывалось на нашем заработке. Тогда-то я и дал команду плотникам, во главе со звеньевым Фалюшиным Иваном, разобрать часть забора, окружавшего наш городок, чтобы использовать его доски на опалубку. Все ящики из-под оборудования, которое нам шло из-за рубежа, были выполнены из хорошего строганного, зачастую шпунтованного пиломатериала. Поначалу вся эта тара выбрасывалась или растикалась, как ничейная, бесхозная. Сколько дачных домиков, сколько близлежащих сел использовало это дармовое добро! Но в дальнейшем нашелся рачительный хозяин, из числа руководителей ВАЗа, по распоряжению которого было создано производство по переработке этой тары: бруса, досок, гвоздей, найдя им достойное применение. Мои орлы за какие-то считанные часы разобрали забор, оставив столбы и горизонтальные бруски-прожилы, а остальное все ушло на устройство опалубки. Прораб через какое-то время увидел это и обомлел, никак не мог понять, что случилось. Потом заметил, куда был использован забор. Сначала никак не мог прийти в себя. На монтажной площадке выстроились в ряд шесть арматурных каркасов, около трех с половиной метров высотой, одетых в нарядную зеленого цвета опалубку.

Прораб, всплескивая руками, повторял: «А это что такое, а это откуда?», не зная, как себя вести. Опалубка была обвязана металлическими хомутами, готовая для бетонирования. Щаев стоял, раскрыв рот, никак не мог прийти в себя, смотрел то на опалубку, то на голые проемы забора. Может, он и ругал меня за глаза, но понял, что лучше со мной не связываться, не обострять ситуацию. Я к тому времени заканчивал третий курс института, учась на строительном факультете, был претендентом на должность прораба. А к тому же являлся членом парткома КГС, сидел за одним столом с Н.Ф.Семизоровым. Мы вовремя сдали тепловые камеры под обвязку их арматурой своим смежникам, участку Ивана Сопова из «Волгосантехмонтажа». Ну, а забор залатали металлической сеткой-рабицей, собрав ее куски по всей площадке.

Сейчас трудно вспомнить, кому первому пришла в голову мысль разобрать забор. Может, Женьке Репину, как мы называли Евгения Федюнина, электросварщика, весельчака и балагура. Может, кому-то другому. Данным поступком мы проучили старшего рабочего, чтобы не расслаблялся. Этот случай выставил его на пересуд всей конторы, СУ-16 и участка, в частности. За нашу находчивость, нашу инициативу, за досрочную сдачу тепловых камер мы получили благодарность от руководства и денежную премию.

\*\*\*

День прошел, и сумерки настали.  
Видно и пришла моя пора.  
Многое чего за жизнь узнали,  
Вот уже и осень у двора.  
И: «Свят, свят» — шепчу слова молитвы,  
И стараюсь Бога не гневить.  
Я как гладиатор после битвы,  
Старость я не в силах победить.  
А она стучится нагло в двери,  
То струною зазвенит в ушах.  
В зеркало смотрюсь я и не верю,  
И не подпущу ее на шаг.  
Пролетели годы не бесследно,  
И на этом я себя ловлю.  
Жил я небогато, и небедно,  
И за то себя я не корю.  
Как сказал мне друг совсем недавно:  
«Потерял ты временной баланс».  
Он философ, говорил о главном:  
«Чтоб надежды не иссякнул шанс».  
И себе, и всем друзьям желаю,  
Чтобы жизнь помедленней текла.  
Все стереотипы изломаю,  
Чтоб тоска щемящая ушла.





## «РАБОЧАЯ ГОРДОСТЬ»

ПОЛОЖЕНИЕ было более чем критическим. Полагая, что теперь до прорабской будки доберусь сам, осталось каких-то пять-шесть метров, я попрощался с шофером и выпрыгнул из машины. А через мгновение понял, что попал в ловушку. Мне посчастливилось уgnездиться на сваленной кем-то рядом с дорогой бракованной железобетонной плите, а кругом простиралось море грязи. Попытки прощупать проход к будке ни к чему не привели.

Из мрачных размышлений меня вывел человек, который шел со стороны строительной площадки административного корпуса. Он не стал задавать вопросов. Просто снял брезентовые рукавицы, легко поднял меня и, чуть склонившись в противоположную сторону, донес до прорабской будки.

«Спаситель» мой был совсем молодым с открытым чистым лицом, русым чубчиком, выпавшим из-под маленькой шапочки, чудом сидящей на голове.

Вместе вошли в прорабскую. Тут было тепло и сухо. За столом сидел прораб и аккуратно накалывал на стерженек накопленные за день оформленные бумаги.

По описаниям начальства из 16-го строительного управления «Автостроя» я уже знал, что передо мной один из ветеранов вазовского строительства Виктор Васильевич Щаев. Представился.

— Хотелось бы встретиться с бригадиром комсомольско-молодежной бригады Юрием Стадниковым.

Щаев недоуменно перевел взгляд с меня на молодого рабочего. Потом с него на меня.

— А я думал, вы знакомы.

Русый парень в маленькой шапочке вдруг заторопился.

— Стадников — это я. Только у нас еще смена не кончена. Вот решу здесь маленький вопрос и назад. Вы уж извините, пожалуйста.

И, действительно, сказав несколько слов прорабу, исчез.

Он, конечно, никуда не ушел от меня. Вооружившись сапогами, на следующий день я нашел его на строительной площадке. И дома у него побывал.

Повидавший виды, знающий цену труда порою в невыносимых условиях, прораб не из сентиментальных романтиков и на лестные характеристики не очень уж щедр. Но все равно нотки гордости за своего лучшего бригадира прорываются и в его скучных похвалах.

— Что в нем самое основательное, так это верность. Верность делу, товарищам, семье. Какая-то особая рабочая прочность. Вроде монолита без щелочки, без раковины. Работать с такими людьми и легко, и трудно.

— Ну, почему легко, ясно. А почему трудно?

— Да по той же причине, по которой и легко. Ведь прорех за день в проработстве тьма. То того не хватает, то этого нет, чего-то завезти не успели, чего-то просто не оформили. И с механизмами всякое случается, бывает, дашь волю усталости, отложишь какое-то решение на завтра. А он тут, как тут. И пока не добьется того, что необходимо бригаде, или не обеспечит полный фронт работы на завтра, не уйдет.

Потом я разговаривал не с одним Щаевым. Очень мне понравился общий тон высказываний о Стадникове. Без лишнего захваливания и без всякой тени сомнения. Как о прочном, надежном и очень своем, рабочем человеке, на котором держится любое большое дело.

— Что ж, Стадников, как представитель современного рабочего класса, на высоте. Технически грамотный, волевой, отличный организатор, ориентируется на завтрашний день.

Я имел возможность, убедиться в этой оценке.

24 ЧЕЛОВЕКА в бригаде. Бригада называется — комплексно-механизированная. Здесь люди умеют все, что вообще умеют строители: вести монтаж и кирпичную складку, бетонировать, сваривать конструкции и отделять помещения. Средний разряд здесь выше, чем в других бригадах.

И не потому, что приходят сюда самые квалифицированные, а потому, что тут такая атмосфера, что каждому хочется быть достойным своих умелых и много знающих старших товарищей. Хотя порой это старшинство, если иметь в виду возраст, весьма относительно. Бригада-то все-таки комсомольско-молодежная.

Но это не мешает ее считать кузницей молодых бригадиров. Почти каждый из ее членов проходит практику по руководству каким-либо звеном: то ли сварщиков, то ли бетонщиков, то ли каменщиков. Да плюс к тому опыт совмещения профессий. Вот почему и пошли отсюда на выдвижение стадниковские воспитанники. Иван Фалюшин, Виктор Тюленев, Витольд Лянцевич.

Они многое усвоили у Стадникова. И, прежде всего, его внимание к людям, его аккуратность и высокую степень ответственности за трудовой коллектив. Так же, как и он, не уходят с объекта, пока не убежатся, что их бригады полностью выполнили свои сменные программы, пока не определят, все ли готово к завтрашнему рабочему дню и не продумают расстановку людей. Так же, как Юрий Стадников, добиваются работы без брака, высокой трудовой дисциплины. Ведь бригада Стадникова славится тем, что здесь нет ни прогулов, ни опозданий. Начал было один недавно принятый в бригаду сварщик «закладывать», так его так тряхнули «на ковре» всем коллективом, что со слезами просил простить его. Простили. И — как отрезвело.

Откуда же эти качества у знаменитого бригадира, в юношеском возрасте награжденного орденом «Знак Почета»? Кто воспитал их? Кому он обязан?

Прежде всего, конечно, отцу. Кадровому офицеру, участнику Великой Отечественной войны. От него и дисциплина, и привычка к образцовому порядку, четкому, точному выполнению намеченного на день плана, режима труда и отдыха.

Армии, которая отшлифовала характер, научила каждому решению и действию придавать законченный осмысленный характер.

Энтузиасту гигантской стройки — бригадиру комплексной строительной бригады, кавалеру двух орденов Ленина Владимиру Тимофеевичу Алексеенко, к которому Юрий попал в самом начале работ по воспроизведению автозавода. Еще в 1967 году начал Стадников строить автозавод плотником. А через полтора года бригадир уже затруднялся в определении специальности своего рабочего:

— Можно назвать и бетонщиком, и сварщиком, и монтажником. Одним словом, универсал.

Может быть, этого и не случилось бы, не попади Юрий в комплексную бригаду Алексеенко. Великолепной школой была для Стадникова работа под его руководством. Прежде всего, этот пре-восходный мастер своего дела, побывавший на самых важных стройках страны, вдохнул в своих ребят огонь увлеченности трудом.

И еще учил Алексеенко своих товарищей ценить каждую рабочую минуту. Это во многом от него у Стадникова — умение расставить членов бригады так, что «каждый профессор на своем месте». Владимир Тимофеевич обходился без громких и ученых слов, но многие психологи позавидовали бы его чутью на способности и склонности человека, его пониманию внутреннего состояния и настроения рабочего.

И еще научился у Алексеенко Стадников обостренному чувству ответственности за коллектив и за судьбу стройки в целом. Бряд ли когда-нибудь выветрятся из памяти тревожные весенние ночи 1968 года. Зима была снежная. Весна началась рано. И

здраво подвела строителей, прибавила им массу непредвиденных хлопот и осложнений. Полая вода заливала котлованы.

Бригада Алексеенко работала тогда на третьей вставке. Бетонировала подвалы. Но пришла минута, когда ребятам пришлось оставить привычные инструменты, остановить механизмы и взять в руки лопаты и шланги. В подвалы хлынула вода, грозя свести на нет все, что уже успели сделать строители. Борьба с разбушевавшейся стихией длилась недели две. Это был экзамен на мужество, стойкость и любовь к своему делу. Ведь никто не заставлял людей по пятнадцать, а то и двадцать часов подряд, с трудом передвигаясь в тяжелых болотных сапогах по глубокой жидкой грязи, наращивать земляные валы вокруг котлованов. Никто не заставлял сутками дежурить у объектов, чтобы вовремя дать сигнал тревоги и собирать народ, если вода прорвет земляное ограждение. А она прорывала. И тогда бригада превращалась в нечто похожее на армейское подразделение, отстаивающее от противника взятую с боем высоту. Только вместо уставного начала, требующего беспрекословного подчинения, тут действовала гражданская совесть, а оружием были не автоматы и пулеметы, а лопаты и ручные насосы. Вода отступала.

Однажды Стадникова вызвали в комитет комсомола «Автозаводстроя».

— Есть мнение назначить тебя в 16-е строй управление бригадиром комсомольско-молодежной.

Предложение было неожиданным.

— А как же?

Секретарь улыбнулся:

— Как Владимир Тимофеевич? Он и рекомендовал на выдвижение. Говорят, что тебе уже впору других учить.

О, какие это были хлопотные, заполненные до краев беготней, заботами, тревогами, дни! Предстояло сколачивать бригаду из новичков, которые съезжались на строительство ВАЗа со всех концов страны по комсомольским путевкам. Кто-то уже выучился на строительную специальность. А кто и мастерка в руках в жизни не держал, и о том, как кладут бетон, имел самое смутное представление.

Понятие рабочего времени как-то в этот период становления бригады исчезло что ли. Те, кто умел, учили тех, кто не умел. Не укладывались в смену — оставались после. Допускали брак, тут же переделывали. И на этом учились.

Молодому бригадиру было на кого опереться. Рядом белорус Саша Хотянович. Только погоны сняты, а так по выпрямке, по четкости, по режиму — настоящий военный. Он сюда прямо из части. Боялся, что не успеет: придет, а завод уже построен. Ясно, самое трудное в бригаде — бетон. Стал бетонщиком.

Впрочем, ошибается тот, кто думает, что только солдаты выби-

рают самое трудное. Ведь на бетон пошла и кубанская казачка Аня Солдатова. И татарин Роман Сейдгазов, и земляк Хотяновича весельчик и балагур Витольд Лянцевич. Крепла и росла бригада. Учась — работала, работая — училась. День ото дня накапливался опыт. Прекрасно проявила себя на строительстве цеха готовой продукции.

…Слабым местом на многих участках являлась малая механизация. Большие, мощные краны порой нельзя использовать из-за того, что надо перенести блок, материалы в место, ему недоступное, а иных приспособлений нет. Другие, возможно и подождали бы, когда инженеры решат, как быть. А стадниковцы не стали ждать: сами изготовили легкие передвижные леса, которые стали перемещаться с помощью ручной лебедки, и дело пошло. В результате — большой экономический эффект. Темп работы ускорился в два раза.

…Февральские морозы вдруг обнаружили солидную брешь в крепости строителей. Не на все объекты хватало установок для электрообогрева помещений. А это грозило, прежде всего, фронту бетонных работ. От низкой температуры бетон быстро схватывался, и тогда вся работа наスマрку.

И тут появился хозяйствский подход к делу у стадниковцев. Стали применять для покрытия бетона войлочные маты. Причем умело и экономично. Если в других бригадах эти маты использовали два, от силы три раза, здесь они служили десять — пятнадцать раз.

КОЛЛЕКТИВ. Бывает, что он складывается трудно. Бывает, не выдерживает испытания временем. Но если он основан на совместном вдохновенном труде, если интересы людей совпадают, если моральные принципы его чисты и высоки — он будет жить до той поры, пока нужен обществу, производству. Однако даже и тогда, когда исчезнет необходимость в нем, как в определенной производственной единице, между его членами останутся связи, которые сохранятся на всю жизнь. Так будет и с бригадой Юрия Стадникова, я уверен.

Ни что не стоит на месте. Было время — состояла бригада из одних холостяков. Жили по общежитиям. А теперь то и дело стадниковцы на свадьбах гуляют, новоселья отмечают. Растет город, растут люди. Растут молодые семьи. А все равно, как была футбольная бригадная команда во главе с Эриком Бурхановым, так и осталась. Все равно вместе, с женами, невестами, как ходили, так и ходят члены бригады «болеть» на мотогонки. И на рыбалку вместе. И на спектакли гастролирующих театров и эстрадных групп — тоже вместе.

И болеют за тех, кто сидит на вступительных экзаменах в институты и техникумы, вместе. И в отпуска, в дальние туристические поездки провожают скопом.

Вместе провожали до комфортабельного автобуса и бригадира, когда он уезжал в Болгарию. И первых слушателей представила та же бригада, когда он вернулся из зарубежной поездки. И не просто так, раскрыв рты, сидели ребята тогда до полуночи в новенькой, недавно полученной квартире бригадира, а с раскрытыми блокнотами. Потому что был его отчет о поездке в виде урока. Прежде всего, он, конечно, в Болгарии интересовалсястройками. Бывал на площадках, где сооружаются жилые дома, гостиныцы, школы. И много такого подметил, чего не грех позаимствовать и ввести у себя.

ДВЕРИ нам открывает жена Юрия — Людмила — техник производственно-технического отдела управления механизации. Я чуть приотстал, и она видит только мужа.

— Ты посмотри, полюбуйся на свое чадо! И на глазах слезы.

Увидев меня, она поспешно сунула руки под передник. Но я успел заметить — они в мыльной пене. Когда зашли, разделись, все разъяснилось.

Пятилетнее чадо Стадниковых — Женя, пока мать ходила в магазин, развел клей из муки и начал мастерить самолеты из плотной бумаги. Самолета мать не увидала, а вот волосы, ставшие колтуном, целый час не может отмыть от липкого месива. А Женяке хоть бы хны. Сидит в ванне под теплой струей и упрекает маму Люду, что рано пришла. Потому что если бы она еще погуляла, он бы наверняка тот самолетик достроил. Хвост у него благополучно слепился.

Посмеялся Юрий, поужинал, и за дела. А их невпроворот. К занятиям на рабфаке надо готовиться. С 1 декабря он ходит на занятия рабочего факультета при политехническом институте. Несколько субботних и воскресных вечеров провел в молодежных общежитиях одного из тольяттинских заводов. Проверял, по поручению Центрального райкома партии, кандидатом в члены которого избран, состояние воспитательной работы. Надо делать обобщение, готовить справку.

Подумать надо о наследнике в бригаде. По всему видно, придется на время оставить работу. Программа на дневном отделении рабфака все напряженнее. Кого же, кого? «Если по авторитету и знанию дела, наверное, Романа Сейдгазова...»

А Женяка, уже чисто вымытый, розовый и неукротимый, третя ухом об отцовскую руку.

— Пап, давай рассказывай сказку про рогатого царя.

У Женяки все сказки удивительно перепутываются. Сегодня он услышит, как царь мужика хотел обмануть, да ничего из этого не вышло. Завтра — про то, как солдат возвращался из похода, черту рога обломал старой саблей. А послезавтра он уж сам рассказываёт, как рогатого царя мужик с солдатом мешок соли заставили съесть, и как после этого он за каждый глоток воды бедным лю-

дям по два самосвала золота из подвалов велел выдать.

В Женькиных сказках превосходно уживаются цари, черти, самосвалы, спутники и сварка...

Как и в игрушках. Кукла и двугорбый верблюд — это само собой, но вот заводной самолетик и ракета «Жигули» — это уже поважнее. Последнее время он усиленно интересуется отцовской техникой и настойчиво требует, чтобы ему купили сварку.

— Ты понимаешь, — убеждает его отец, — игрушечных сварочных аппаратов не бывает. Их не продают.

— А не продают, так я сам сварку сделаю.

И отец, которому еще предстоит заниматься до полуночи, со вздохом обещает:

— Нет уж, ты, пожалуйста, не делай. Что-нибудь придумаем...

**Андрей Вятский** («Волжская Коммуна» № 103 от 1.05.1973)

\*\*\*

Мне б сегодня, ребята, с вами,  
Хоть на несколько бы минут.  
Переброситься бы словами,  
И пойти на любой редут.  
И звеня своими цепями,  
Рукавицы за пояс заткнув,  
Торопясь, как к родимой маме,  
Пообедать за пять минут.  
И, с мороза красные лица,  
На раздаче здесь толчая.  
В голубой косынке девица  
Глазом стрельнет в упор в меня.  
А потом с азартом, гурьбою,  
За бригадный стол и вразмах  
Домином бьем рукой до боли  
Об столешницу — бах да трах!  
И работали до мозолей,  
Поклоняясь своей звезде, —  
А к тому нас никто не волил,  
Не держал ни в какой узде.  
Подчинялись власти времени  
Чей-то сын или чья-то дочь.  
Были ритмы свои у племени.  
Мы работали день и ночь.  
У природы — свои законы,  
А жизнь, знать, диктует свое.  
Что по прошлому бить поклоны —  
Было наше, но не мое.

## ДИНАСТИЯ ВАЗОВЦЕВ

К строительству Волжского автозавода было приковано внимание всей страны. В первую очередь это коснулось нас, волжан, тольяттинцев.

В близлежащих городах Поволжья началось одновременно с автозаводом строительство заводов-спутников по выпуску комплектующих изделий для малолитражек: завод «Автонормаль» в городе Белебей (Башкирия), данное предприятие создавалось для выпуска всего крепежа для автомобилей; Балаковский «Завод резинотехнических изделий» в Саратовской области; Сызранский пластиковый; Ярославский шинный и другие. Для сборки «Жигулей» предусматривался выпуск лишь отечественных комплектующих. Эти предприятия были запущены в срок, так же, как и автозавод, к столетнему юбилею Ильича. На них были созданы тысячи рабочих мест.

14 декабря 1972 года Государственная комиссия приняла завершающую третью очередь автозавода по выпуску 220-ти тысяч автомобилей в год.

С уменьшением объемов строительно-монтажных работ сократилась потребность в рабочих кадров. Сооружение новых корпусов, расширение производств были столь незначительны, что существенной роли в судьбе строителей не сыграло. Они, как перелетные птицы, целыми бригадами уезжали на новые стройки. Комсомольцы, выполнив свой долг, не уронив своей чести и достоинства, также покидали наш город, возвращались на свою малую родину.

Руководство строительных организаций принимали всевозможные меры, пытаясь сохранить коллективы. Отправляли специалистов на другие строящиеся объекты: в Олимпийскую деревню в Москву, на Оренбургский газоперерабатывающий завод, на строительство КАМАЗа, на стройки БАМа, в сельскую местность на строительство оросительных систем и другие объекты народного хозяйства.

В феврале 1977 года коллектив треста «Автозаводстрой» отметил свой десятилетний юбилей, присвоив кадровым строителям звание «Ветеран АЗС», в том числе и мне.



Какую тревогу ни было руководство, к каким мерам ни прибегало, положение лишь усугублялось. Отсутствие объемов работ привело к ликвидации некоторых строительных управлений. Трест АЗС до сегодняшнего дня сохранил свое название, кое-как удерживаясь на плаву, но судьба его, к сожалению, уже предрешена.

После пуска третьей очереди автозавода часть строителей, особенно из числа молодежи, стали задумываться о смене профессии. Я перед собой этой цели не ставил. В июле 1979 года по вызову уехал в Казахстан на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку Чилисайского фосфоритного комбината в Актюбинской области.

Автозавод к тому времени работал стабильно, вышел на проектную мощность, осваивал выпуск новых моделей «Жигулей», в связи с этим постоянно нуждался в пополнении квалифицированными кадрами. Тольяттинский политехнический институт стал кузницей кадров, готовя специалистов среднего звена для ВАЗа, на своих факультетах: автомобилестроительном, электротехническом, химико-технологическом и других. А подготовку рабочих кадров осуществлял учебный центр при заводе. Вышеперечисленные учебные заведения дали возможность переквалифицироваться бывшим строителям, пополнив ряды заводчан.

В цехах Волжского автомобильного завода я не был более сорока лет после его строительства, у меня в этом не было необходимости. Иногда, проезжая вдоль «высотки», вдоль главного корпуса, испытательного трека, огибая кольцо с Ладьей, невольно накатываются воспоминания и грусть, гордость за себя, за коллектив своей бригады, за частицу нашего труда, вложенного в эти корпуса, выпускающие автомобили.



Крупица и моего труда, вложенного в строительство ВАЗа в те незабываемые годы, дала возможность получить работу моим родственникам, зародив династию вазовцев нашего семейства.

В мае 1977 года, отработав три года мастером на заводе ВЦМ, пришел в цех «Шасси 2» механосборочного производства мой младший брат Валерий Стадников. До службы в погранвойсках в декабре 1966 года он успешно закончил Сызранский машиностроительный техникум, получив специальность техника-механика. Валерий проработал наладчиком автоматических линий до сентября 1979 года. Он гордился этим и всегда говорил: «Я прошел школу ВАЗа».

После окончания службы на Северном флоте в феврале 1977 года до выхода на пенсию, почти сорок лет, отработал на автозаводе мой двоюродный племянник Юрий Арнольдов.

Летом, после окончания технического училища в городе Сызрани, на автозавод пришел работать другой мой двоюродный племянник Александр Худошин.

С 1993 года по настоящее время на Волжском автозаводе успешно трудится мой племянник Стадников Сергей Алексеевич, занимая ответственную должность помощника директора по ПБ, ГО и ЧС, имея за плечами огромный жизненный и технический опыт, передавая эти знания молодым специалистам.

Осенью 1974 года поступил на ВАЗ мой старший брат Виталий. Проработал в механосборочном производстве до мая 1995 года наладчиком автоматических линий.

Молодым специалистом после окончания электромеханического факультета ТПИ в июле 2000 года пришел на автозавод мой внучатый племянник Стадников Алексей Сергеевич. Применяя знания, полученные в политехе, зарекомендовал себя ответственным, грамотным руководителем. За шестнадцать лет работы вырос от мастера до начальника цеха грузоподъемных механизмов ПРОО.

Отрадно осознавать, что эстафета, переданная мной, кадровым строителем-ветераном труда областного значения, находится в надежных руках нашей семейной династии.

Молодое поколение преумножает славу нашего рода. Так Алексей Сергеевич несколько раз подряд по итогам года получал звание «Лучший по профессии на ВАЗе». Родина в свое время высоко оценила и мой труд строителя, неоднократно поощряя грамотами, знаками победителя соцсоревнования, ударника труда, дипломами и медалями.

Самой ценной наградой для меня является орден Знак почета, полученный в апреле 1971 года за строительство первой очереди ВАЗа. А знак «Отличник Минэнерго СССР», полученный в Москве из рук замминистра А.П. Александрова ношу постоянно.

Много воды утекло в Волге с тех пор. В нашем городе, как и

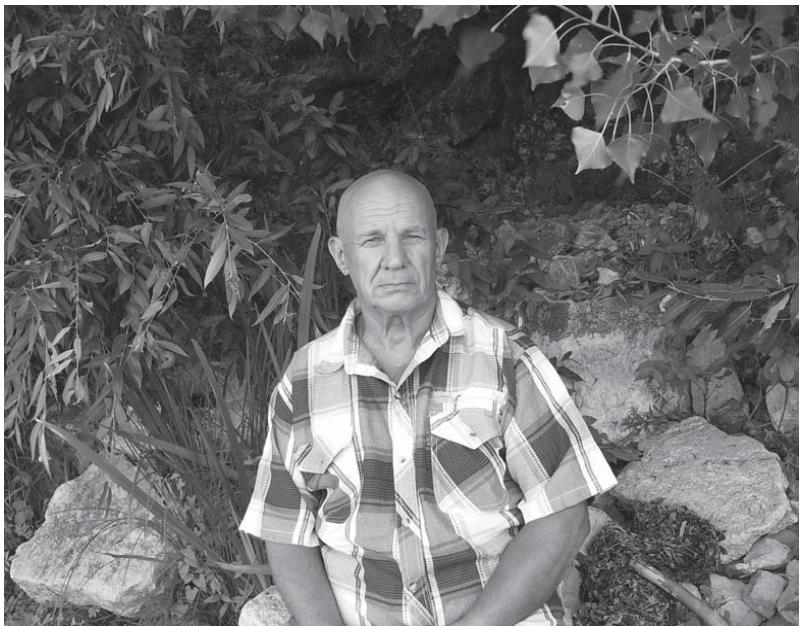
везде в стране, прошли всем известные события. Рассапались крупнейшие строительные организации, погрязнув в рыночной экономике, раздробились, преобразовавшись в мелкие частные ООО или ТОО. Некоторые руководители, сориентировавшись в этой неразберихе, создали свои строительные фирмы, прибрав к рукам за бесценок строительную технику, механизмы, автотранспорт, вовремя акционировавшись. На сегодняшний день выживает кто, как может.

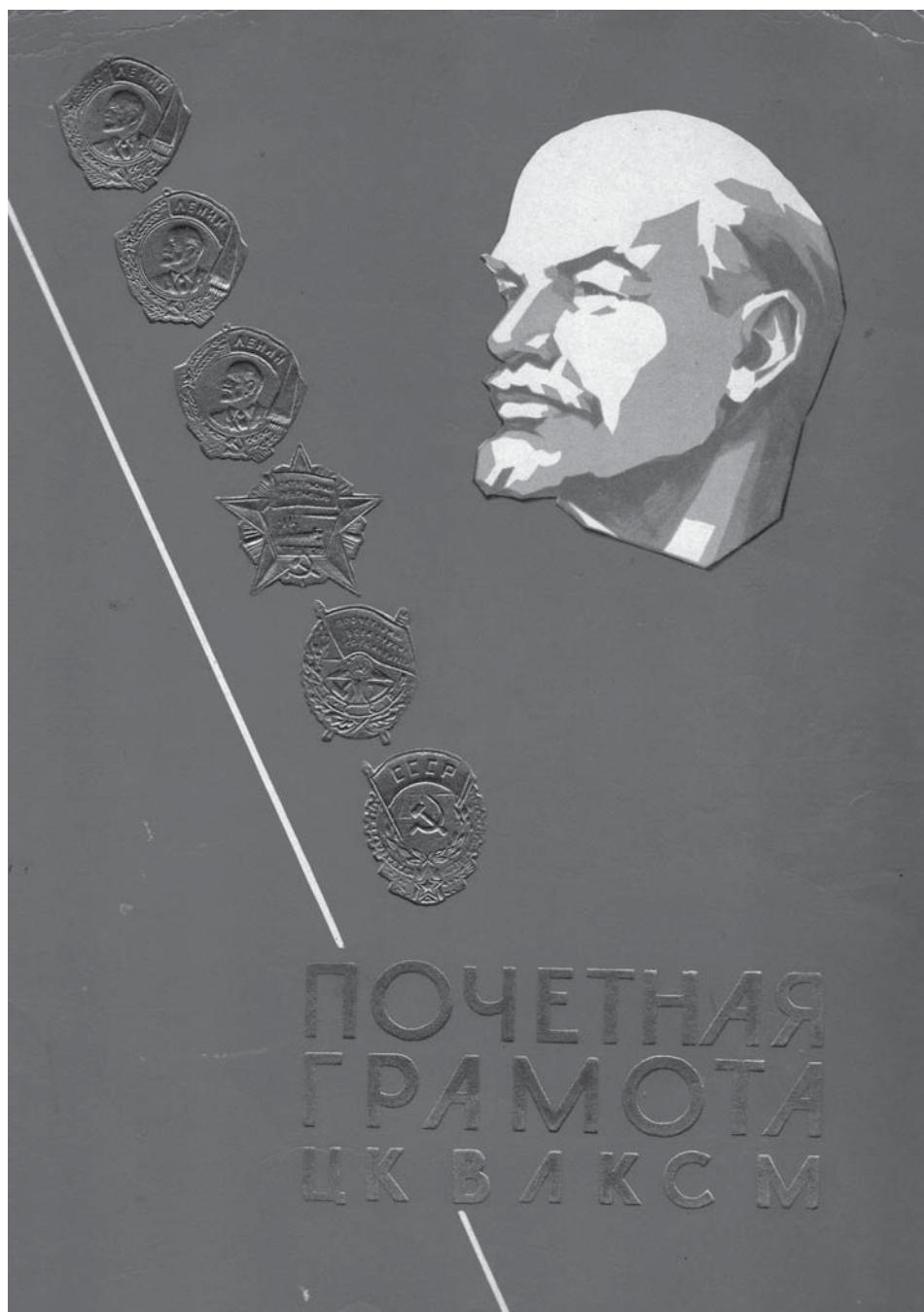


\*\*\*

В этой жизни мы все потерялись,  
Как огарки сгоревших свечей.  
В результате во тьме оказались  
Беспространно-кромешных ночей.  
Не спаслись от огня и пожарищ,  
Сколько ран нанесла нам война!  
Этих дней не забыть нам, товарищ, —  
Хватанули мы лиха сполна.  
И врага сообща победили,  
Собрав силы в единый кулак.  
Своей кровью мы землю полили,  
Но живем, почему-то, не так.  
И новаторов эксперименты  
Завели государство в раздрай.

Не видать за текущим моментом,  
Куда движемся — в ад или в рай?  
Олигархи сейчас у корыта  
Жирной лапой сгребают вершки —  
В этом соль, здесь собака зарыта,  
А народу объедков горшки.  
Много лет коммунизма идею  
Мы носили в горячих сердцах.  
Гордо шли к Ильичу, к мавзолею.  
Жили просто, пусть — не во дворцах.  
Были Сталин и Брежнев, Никита —  
Все правители втооптаны в грязь.  
Партбилет бросил Ельцин сердито,  
Горбачеву сказал: «С кресла — слазь!»  
Президенты менялись ролями,  
И пытались рассеять нам мрак.  
Но Обама клин вбил между нами,  
А Европе без газа — никак.  
Я слыхал про тропу Хо Ши Мина  
И читал про железный поток,  
А планета, вращаясь незримо,  
Ожидает всемирный потоп.





1928

193

1948

1956

1968



# ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ  
НАГРАЖДАЕТ

СТАДНИКОВА

Юрия Алексеевича

бригадира комплексной бригады управления "Автозаводстрой" "Куйбышевгидростроя" Куйбышевской области - за активное участие в работе по выполнению заданий пятилетки и высокие производственные показатели в социалистическом соревновании в

XXII съезда КПСС.



МОСКВА

*T. Gavrilov*

19 марта 1971 г.

## ОБ АВТОРЕ

Стадников Юрий Алексеевич родился в 1943 году в Славгороде Алтайского края в семье военнослужащего. Детство прошло на Кубани.

В 1958 году семья переехала в Поволжье. С 1961 по 1963 год учился в Сызранском машиностроительном техникуме. Со второго курса был призван в ряды Советской Армии. Три года отслужил в столице нашей Родины Москве. После демобилизации приехал в Тольятти на строительство ВАЗА, где и работал с февраля 1967 г. по апрель 1977 г. Работал плотником, затем возглавил комсомольско-молодежную строительную бригаду.

В 1971 г. был награжден орденом «Знак Почета» за доблестный труд и почетным знаком «Отличник Минэнерго СССР».

В 1973-1979 г.г. учился в Тольяттинском политехническом институте по специальности «Промышленное и гражданское строительство».

С 1979 по 1984 г. работал на Всесоюзной ударной комсомольской стройке Чилисайского фосфоритного рудника в Казахстане.

В 1983 г. окончил двухгодичный университет Марксизма-ленинизма в г. Актюбинске.

В 1984 г. в г. Алма-Ата закончил Инженерно-строительный институт повышения квалификации.

В 1986 г., по окончании строительства, вернулся в Тольятти. Работал в «Самараагропромстрое» по 1993 г. включительно, на разных должностях.

Лауреат VIII, IX, X, XI городских фестивалей солдатской и бардовской песни «Мы вместе - отец мой и брат» (Тольятти, 2013, 2014, 2015, 2016 гг.).

Член Тольяттинской писательской организации.

Член Союза российских писателей.

Автор шести поэтических сборников: «Стихи и песни» (2012), «Второе дыхание» (2013), «Цвет чилиги» (2014), «Стихи о разном» (2014), «О войне не скажешь просто» (2015) и «Перо с небес» (2016).



## **ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФОТОГРАФИЙ:**

1. Стр 3. Первый ряд: с вымпелом — Т. Сипер, второй ряд, крайний слева — автор книги; третий слева — звеньевой В. Лянцевич; четвертый — звеньевой А. Хотянович; третий справа — звеньевой И. Фалюшин и другие члены бригады.
2. Стр. 5. Рабфаковцы: крайний слева — автор.
3. Стр 11. С армейским другом сержантом И. Порубай.
4. Стр.18. С женой Людмилой и сыном Евгением. Начало 1968 года.
5. Стр. 21. Сидят невеста Людмила и автор. Стоят слева — брат Валерий и друг В. Никитин.
6. Стр. 22. Бригада Олексенко В.Т., «КВЦ». Крайний слева — автор, на переднем плане — друг В. Мордвинцев, электросварщик.
7. Стр. 26. Бригада Олексенко В.Т. На приеме бетона.
8. Стр. 29. Панорама стройки.
9. Стр. 30. Котлован под здание завоудоуправления.
10. Стр. 33. Бригада Стадникова Ю.А. Бригадир — второй ряд, крайний, справа. Второй ряд, крайний слева — звеньевой В. Рожков, рядом с ним П. Николаенко и др. члены бригады.
11. Стр. 34. Мои родители: Стадников А.С. и Стадникова В.Н., 1930 год.
12. Стр. 36. Звеньевой И. Фалюшин, бригадир Ю. Стадников и мастер Ю.Ф. Рыжков.
13. Стр. 38. Звено строителей, «КВЦ». Слева в офицерской шапке — автор, рядом на переднем плате В. Мордвинцев.
14. Стр.41. Панорама стройки. Коллаж.
15. Стр. 42. Слева — звеньевой В. Рожков с машинистом бульдозера.
16. Стр. 44. Слева — начальник строительства Семизоров Н.Ф., рядом поправляет шляпу секретарь Куйбышевского обкома КПСС Орлов В.П. На заднем плане — директор «АвтоВАЗ» Поляков В.Н. и др. руководители.
17. Стр. 45. Слева — Н. Кравченко. Рядом — Т. Сипер.
18. Стр. 48. Устройство подбетонок в траншее.
19. Стр. 50. Панорама КВЦ.
20. Стр. 53. Арматурщики.
21. Стр. 54. Панорама КВЦ.
22. Стр. 58. Электросварщица Т. Колосова.
23. Стр. 62. Главный корпус.
24. Стр. 67. За столом. Четвертый справа, с усами, — В. Карцев.

25. Стр. 69. Котлован третьей вставки главного корпуса.
26. Стр. 72. Второй слева — Олекseenко В.Т.
27. Стр. 75. Справа — звеньевой В.Рыжков.
28. Стр. 77. В гостях у родителей в селе Переяловки, 1972 год. Слева отец Стадников А.С., сестра Соня, подруга брата Виталий Н. Хаустова, и я с женой. Мама — спиной к нам.
29. Стр. 78. Племянник Валера, три года.
30. Стр. 80. Принятие решения. На переднем плане — Поляков В.Н., крайний справа — Семизоров Н.Ф. и др. руководители.
31. Стр. 86. Монтаж ферм.
32. Стр. 89. Транспортировка железобетонной фермы длиной 24 метра.
33. Стр. 94. Бетонный узел.
34. Стр. 99. Панorama стройки.
35. Стр. 103. Звеньевой А. Хотянович, стоит вполоборота.
36. Стр. 106. В отсутствии крана.
37. Стр. 109. Монтаж стеновых панелей.
38. Стр. 111. Бригадир Ю. Ишмуратов и бетонщица Н. Кравченко.
39. Стр. 117. Звено плотников бригады Стандникова Ю.А. Слева вверху, с топором, звеньевой И. Фалюшин.
40. Стр. 119. В ожидании зарплаты.
41. Стр. 121. Справа — Э. Бурханов, рядом — Т. Сипер и др. в обеденный перерыв.
42. Стр. 122. Звеньевые В. Рожков и И. Фалюшин в столовой.
43. Стр. 126. В Центральном парке — брат Валерий с женой Верой, автор с женой Людмилой, друг Владимир с женой Тамарой, сестра Соня, ее сын Эдуард и сын автора Евгений.
44. Стр. 132. Автор с В. Воробьевым.
45. Стр. 134. Комсомольцы-добровольцы.
46. Стр. 135. Вот такое качество полов!
47. Стр. 138. Бригада ведет бетонирование полов.
48. Стр. 142. Панorama третьей вставки главного корпуса.
49. Стр. 148. Комсомольский район г. Тольятти, речпорт.
50. Стр. 149. Сыну Евгению — полгода.
51. Стр. 155. Строительство столовой.
52. Стр. 166. Главный корпус, вид с торца.
53. Стр. 172. Летом в отпуске у тещи и тестя. Станция Асекеево, Оренбургской области. Семьи Ткачевых и Стадниковых. Слева от тещи — дочь Людмила, справа — дочь Раиса и трое внуков.

54. Стр. 175. Как молоды мы были!
55. Стр. 176. Дочери Раиса, Александра, Людмила — на переднем плане. Сзади — теща, автор и старший зять Поляков В.Ф.
56. Стр. 182. Теща Александра Андреевна и тестя Афанасий Лукьянович.
57. Стр. 190. Февраль, 1972 год. Выход в Центральный парк с семьей после получения квартиры.
58. Стр. 104. Слева — руководитель группы Петров Ю.П.
59. Стр. 196. У входа в отель «Лангоза».
60. Стр. 199. Прощай, Болгария, прощай, София.
61. Стр. 202. Тольяттинское военное училище. Я на присяге сына Евгения.
62. Стр. 205. Т. Сипер позирует, изображая сварщицу.
63. Стр. 213. Герой рассказа Э. Бурханов.
64. Стр. 216. Неизменный редактор, стоящая у истоков Грушинского фестиваля Р. Ф. Нидвига.
65. Стр. 227. Отец Стадников А.С. с дочерью Алиной, 1929 год.
66. Стр. 228. Стоят, слева направо: Юрий Арнольдов, Валерий Стадников, Мария Арнольдова, Таисия Арнольдова, Юрий Стадников, Наталья Худошина, Алина Войнаровская, Татьяна Стадникова, Сергей Стадников.
67. Стр. 230. У родительского дома. С цветами в руках — старший брат Виталий. Стоят слева младший брат Валерий, сестры Надежда, Соня и Алина. Крайний слева сидит племянник Виталий, справа — зять Юрий с сыном Эдуардом.
68. Автор «Записок бригадира» Ю. А. Стадников (2016).

## СОДЕРЖАНИЕ

Молодому поколению.....	3
Начало.....	6
Размышления о дальнейшей судьбе.....	11
Следующий этап.....	17
В разгаре событий.....	22
Мои размышления.....	27
Вступление.....	30
Как я приобщался к плотницкому делу.....	34
Начало трудовой деятельности в бригаде В.Т. Олекseenко.....	38
Об общей картине на стройке.....	42
Бригадир сказал: «Надо!».....	45
Мы были такие, как все.....	48
Несчастный случай.....	54
Еще немного исторических фактов.....	59
Снова об Ошуркове.....	63
О моем земляке Володе Карцеве.....	66
Дальше о строительстве.....	69
Как мы толкали троллейбус.....	73
Немного о быте.....	76
Весенний паводок 1968 года.....	79
Снова о главном корпусе.....	82
Не сбавляя темпов.....	86
Зима. Третья смена.....	89
Метель.....	93
Вторая смена.....	96
Нелепый случай.....	100
Как мы с бугром калымили.....	104
Про знаменательные встречи.....	107
Дела бригады.....	111
Сильва.....	118
Дополнение к делам бригады.....	120
Эстафета.....	124
Визит Генри Форда.....	127
Строительство вагончика.....	130
Бетонные полы.....	135
Случай с В.И. Кокиным.....	140
У семи нянек дитя без глаза.....	143
О профсоюзе.....	145
Подробности быта.....	150
Ситуация в городе.....	155

Ресторан «Волна».....	159
Устройство стены.....	166
Поездка в Москву.....	169
Отпуск.....	172
Внутренний мир.....	177
Интересы жителей.....	180
Приезд тестя.....	182
Случай в ресторане.....	185
Получение квартиры.....	189
Поездка в Болгарию.....	192
Из дневника Александра Хотяновича.....	202
О Федоре Николаевиче Шульге.....	209
Ученый ворон.....	212
ПТО.....	217
Статья«Рабочая гордость».....	220
Династия вазовцев.....	227
Об авторе.....	234
Перечень использованных фотографий.....	235

ОТО г.о. Тольятти "Тольяттинская писательская организация", 2016

СТАДНИКОВ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

**ЗАПИСКИ БРИГАДИРА**

Редактор **Нидвига Р.Ф.**

Макет, верстка **Мисюк. В.Н.**

Отпечатано в Димитровградской  
типографии, ул. Юнг Северного флота, 107.

Заказ №

Подписано в печать 02.06.2016.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 15

Тираж 300 экз.